

НОВАЯ ПОЛЬША 7-8/2010

Содержание

1. ЭПОХА РАДИКАЛЬНЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ
2. ВНОВЬ ОБРЕТЕННАЯ СВОБОДА И СУВЕРЕННОСТЬ
3. ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ
4. СТИХИ РАЗНЫХ ЛЕТ
5. ЛИРИЧЕСКАЯ АВТОБИОГРАФИЯ
6. БЕСЕДЫ О ТОМ, ЧТО СВЯТО
7. БОЛЕЗНЬ СОЧИНТЕЛЬСТВА
8. КУЛЬТУРНАЯ ХРОНИКА
9. ЧТО СЛУШАЕТ ПОЛЯК В ПОЛЬШЕ XXI ВЕКА?
10. С МОЛОДЫМИ НУЖНО ЗАКЛЮЧАТЬ СДЕЛКУ
11. ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ
12. «НОВАЯ ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА»
13. «НОВАЯ ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА»
14. НА КРАПИНКЕ ЗРАЧКА

ЭПОХА РАДИКАЛЬНЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ

С середины 1980-х гг. Советский Союз вступает в эпоху перестройки, которая начинается как попытка придать новый динамизм развитию страны и ее взаимоотношениям с внешним миром. Реформаторская логика быстро приобрела кумулятивный характер, требуя осуществления преобразований по всё более широкому фронту как во внутренних делах, так и во внешней политике. В настоящей статье предпринята попытка проследить, в какой мере и каким образом этот процесс затрагивал взаимоотношения с Польшей — в том числе и в части существующих в них «трудных вопросов».

Впрочем, важнейшее значение в этот период имел общий контекст происходящих событий — как внутри СССР, так и на международной арене. Из них, разумеется, может быть вычленена «польская составляющая», но она в очень значительной мере была производной от более широкого круга обстоятельств, которыми характеризовалась драматические перемены в Советском Союзе и вокруг него.

Общая динамика

К середине 1980-х в отношениях СССР с социалистическими странами Восточной Европы накопилось немало проблем, обусловленных в первую очередь нарастанием в них социально-экономического кризиса. Для его преодоления было необходимо принципиальным образом реформировать сложившуюся хозяйственную и политическую систему.

Требовала кардинальной перестройки и модель взаимоотношений в рамках «социалистического содружества». В частности, необходимо было пересмотреть основы функционирования СЭВ, который из инструмента интеграции и научно-технического прогресса постепенно превратился в тормоз их осуществления. Об этом, в частности, говорилось в адресованных руководству страны аналитических записках Института экономики мировой социалистической системы (ИЭМСС) АН СССР. В частности, подчеркивалось, что механизм управления сотрудничеством стран — членов СЭВ не позволяет достаточно полно учитывать возможности его углубления на

микроуровне, исключая из процесса принятия решений основное хозяйственное звено — предприятие (объединение). Поэтому интеграционные мероприятия нередко насаждаются сверху без должного учета интересов и реальных возможностей непосредственных производителей, что в конечном счете приводит к их неэффективности^[1].

Не удовлетворяли требованиям интенсификации взаимного сотрудничества и его товарно-денежные инструменты. Они не оказывали должного воздействия на качество взаимопоставляемой продукции, затрудняли определение оценки экономического эффекта экспорта и импорта, вызывали порой экономически неоправданные убытки или выигрыши у отдельных стран^[2].

В результате доминирующей роли решений, принимаемых на государственном уровне, многие даже малозначительные вопросы хозяйственного взаимодействия приобретали нежелательный политический оттенок. В предложениях ученых предлагалась комплексная перестройка механизма социалистической экономической интеграции, которая охватывала бы все его звенья: порядок многосторонней и двусторонней координации планов, кредитные и валютно-финансовые инструменты, деятельность коллективных международных структур (от совместных предприятий до Совета экономической взаимопомощи), правовую систему регулирования сотрудничества (включая порядок международного общения, передачи научно-технической документации).

Такого рода предложения, конечно же, в значительной степени основывались на предположении о том, что между социалистическими странами можно организовать эффективно функционирующую систему взаимоотношений. Сегодня протестировать реалистичность такого предположения уже невозможно. Но стоит заметить, что в предложениях ученых подчеркивалась критически важная роль преобразований, которые надо было осуществить внутри социалистических стран: «успех такой перестройки в решающей степени зависит от создания адекватных для нее предпосылок во внутрихозяйственных механизмах братских стран»^[3].

Таким образом, изменение всей системы экономических отношений между социалистическими странами и выход на новые рубежи взаимодействия, без чего было невозможно преодоление кризисных явлений, требовали в свою очередь

глубоких системных преобразований в каждой из них. В конкретных исторических условиях середины 1980-х гг. этого можно было добиться только при активной и иницилирующей роли Советского Союза как главного системообразующего элемента «социалистического содружества».

Двумя необходимыми политико-идеологическими предпосылками для преобразования отношений между СССР и его союзниками стало провозглашение Михаилом Горбачевым курса на обновление социализма и на проведение политики «нового политического мышления». В обоих случаях этим отношениям задавался вектор трансформации — хотя мера таковой могла, конечно же, стать предметом споров и разногласий.

Формула самого Михаила Горбачева состояла из двух главных элементов — преемственность и необходимость перемен^[4]. Он исходил из необходимости установления равноправных отношений, уважения суверенитета и независимости каждой страны, взаимовыгодного сотрудничества во всех сферах. При этом главное заключалось в том, что признание этих принципов означает одновременно и полную ответственность каждой партии за положение в своей стране. Как отмечал Михаил Горбачев, это и означало поворот к новым отношениям, отказ от «доктрины Брежнева», которая никогда не провозглашалась официально, но фактически определяла подход СССР к союзным странам^[5]. В своем выступлении в мае 1985 г. в МИД СССР он развил эти идеи и сделал новое по духу и весьма откровенное заявление: «Отношения с братскими социалистическими странами вступили в новый исторический этап. Это уже полноправное общество, и водить их на помочах нельзя. Отношения должны быть новыми. Максимальное внимание к этим нашим друзьям и их нуждам. А то был разрыв между декларациями о дружбе и подлинным духом отношений. Уважать суверенитет, достоинство союзников, в том числе малых, отказываться от иллюзий, будто мы можем всех учить»^[6].

Говоря о новом характере отношений СССР с социалистическими странами, Михаил Горбачев не отказывался от идеи дальнейшего строительства в них социализма, хотя и нуждающегося в реформировании. Он полагал, что возможности социалистического строя не исчерпаны, что он «способен решить самые сложные свои задачи. Для этого жизненно важно все более активное взаимодействие, которое дает эффект не просто сложения, а умножения наших потенциалов, служит стимулом ускорения

общего движения вперед»^[7]. Строго говоря, в этом пункте уже возникало поле возможных коллизий по причине несовместимости двух векторов — «обновления социализма» и отказа от него.

Михаил Горбачев, вероятно, не собирался отпускать союзников в свободное политическое, а тем более геополитическое плавание, поскольку понимал их значение для обеспечения безопасности Советского Союза. Так, выступая на XI съезде Социалистической единой партии Германии в апреле 1986 г., он заявил: «Будущее Советского Союза мы не мыслим вне тесного взаимодействия с ГДР и другими братскими странами». И добавил: «Не только потому, что так велят наши интернационалистские убеждения, но и потому, что без него невозможно решение сложных задач, которые выдвигаются временем»^[8].

Но при этом существовало стремление, сохраняя за СССР лидирующую роль, избавить его от экономического бремени и от головной боли по поводу внутривнутриполитического развития «братских стран». Общий замысел состоял в том, чтобы способствовать приходу к власти реформаторских сил, которые, получив больше самостоятельности, взяли бы на себя и более значительную ответственность за внутренние преобразования. Это разгрузило бы и Москву от заботы о союзниках, позволив ей сосредоточиться на решении внутренних проблем страны. А поддержка советских реформ новыми, прогрессистски настроенными лидерами «братских стран» создавала бы прочную политико-идеологическую основу для взаимоотношений внутри социалистического содружества и тем самым открывала новый этап в их взаимном сотрудничестве^[9].

Михаил Горбачев стремился изменить установившуюся за предшествующие годы традицию, когда лидеры социалистических стран информировались о внешнеполитических шагах Советского Союза по сути дела *post factum* — с тем только, чтобы их формально одобрить и зафиксировать поддержку со стороны союзников в очередной декларации или заявлении Политического консультативного комитета (ПКК) Организации Варшавского договора. Теперь советское руководство считало необходимым сообща обсуждать внешнеполитические инициативы, с которыми намеревался выступить СССР. Союзникам дали понять, что советская дипломатия берет курс на широкое мирное наступление, притом вполне серьезно, не в пропагандистском, а в практическом плане.

Так, на очередном совещании ПКК Организации Варшавского договора в Софии (октябрь 1985 г.) были «сверены часы» накануне советско-американской встречи в Женеве. Как пишет Михаил Горбачев, «пожалуй, это был первый за многие годы случай, когда советское руководство не просто поставило союзников перед фактом и потребовало формального одобрения своим инициативам, а сочло необходимым сообща обсудить их. [...] Это было по достоинству оценено с их стороны»^[10].

Идеи нового руководителя страны касательно кардинального изменения отношений с соцстранами были сформулированы в подготовленной им для Политбюро ЦК КПСС записке «О некоторых вопросах сотрудничества с соцстранами». В ней был сделан вывод о необходимости «подлинного перелома во всей системе сотрудничества с союзниками»^[11].

Однако главное внимание в записке было сосредоточено на реформе механизма внешнеэкономических отношений. Основания для такого подхода, конечно, были: серьезные проблемы в экономическом и техническом сотрудничестве СССР с социалистическими странами угрожали перерасти в осложнение политических взаимоотношений, подрывали взаимное доверие. Всё более очевидным становилось несоответствие структуры экономического и научно-технического сотрудничества потребностям развития социалистических стран. Эта структура практически не менялась на протяжении многих лет: примерно две трети всего содействия европейским социалистическим странам приходилось на 5–6 ресурсоемких отраслей, в основном тяжелой промышленности, а также транспорта и связи.

Общий уровень оказываемого Советским Союзом научно-технического содействия союзным странам оказывался явно несоизмеримым с их потребностями. Об этом, в частности, говорилось в записке ИЭМСС «Об эффективности экономического и технического содействия СССР социалистическим странам»^[12]. В последних с начала 1980-х гг. осуществлялась серьезная перестройка структуры экономики, значительное развитие получали передовые технологии, а развитие энерго- и материалоемких отраслей замедлялось. Советское же техническое содействие не было ориентировано на поддержку новых тенденций. В записке делался общий вывод о том, что повышение эффективности экономического и технического сотрудничества СССР с социалистическими странами является важной составной частью перестройки всей хозяйственной жизни страны и

поэтому данная задача требует неотложного решения и мобилизации всех резервов.

На состоявшемся в ноябре 1986 г. в Москве «социалистическом саммите» по проблемам экономического сотрудничества участники дискуссии указывали на несовершенство самой экономической модели, действовавшей в странах социалистического содружества, на «пороки экономической политики, не обеспечивающей оптимальное соотношение эффективности и социальной справедливости, социальных программ и стимулов к труду»^[13]. По существу, под сомнение ставились основополагающие принципы социализма, которые в предшествующие десятилетия определяли политику правящих коммунистических партий.

Встреча в Москве представляла собой одну из последних попыток сообща найти пути преодоления нарастающих во всех странах СЭВ экономических и социальных трудностей, которые грозили перерасти в непредсказуемый по своей силе и последствиям кризис. Правда, отмечает Михаил Горбачев, «всей глубины его [кризиса] в полной мере тогда еще никто не осознавал»^[14]. Но становилось очевидным, что выведение сотрудничества СССР с социалистическими странами на качественно новый уровень невозможно без глубокого реформирования действующих в них экономических систем и хозяйственных механизмов.

Между тем в самом Советском Союзе проведение экономической реформы, по словам бывшего тогда членом Политбюро ЦК КПСС Вадима Медведева, «уперлось в необходимость перестройки политической системы и, прежде всего, самой партии, глубокой демократизации общества, гласности и свободы слова. [...] Экономическая реформа могла состояться лишь как одна из составляющих всестороннего процесса реформирования общества»^[15]. Однако именно в этом вопросе подходы горбачевского руководства и большинства лидеров европейских социалистических стран разошлись самым основательным образом.

Не выступая в принципе против проведения преобразований в обществе, они ссылались на то, что многие из политических проблем, мешающих реформированию социализма в их странах, уже якобы решены. Особенно на этом настаивали лидеры коммунистических партий ЧССР, Болгарии, Румынии и Германской Демократической Республики^[16]. На этой почве начинали усиливаться негативные настроения и в отношении советской перестройки — что, по оценке Михаила Горбачева,

всё больше определяло атмосферу в отношениях между руководителями соцстран и всю ситуацию в социалистическом содружестве.

В сущности, на первых этапах намерение советского руководства в плане проведения реформ было поддержано скорее инерционно, чем содержательно — как традиционный акт лояльности к «старшему брату» в обмен на его гарантии авторитарным режимам в союзных странах. Но со временем неприятие перестройки начинает проявляться все больше, особенно в части демократизации и гласности^[17]. Эрик Хонеккер после январского (1987 г.) пленума ЦК КПСС, посвященного вопросам демократизации и кадровой политики партии, заявил, что путь перестройки для ГДР не подходит. По его указанию была запрещена публикация материалов пленума в печати ГДР. Полное неприятие решений пленума отмечалось в Румынии. Общественности не давали никакой информации. Николае Чаушеску откровенно заявил советскому послу, что не может согласиться с высказываниями на пленуме и что «КПСС вступает на опасный путь»^[18]. Густав Гусак (Чехословакия), Тодор Живков (Болгария) высказали различного рода оговорки в отношении исходящего из Москвы пафоса преобразований.

А вот Войцех Ярузельский, по словам Михаила Горбачева, «горячо поддерживал перемены в Советском Союзе»^[19]. Примечательно, что понимание в отношении проводимой им политики Михаил Горбачев встретил лишь со стороны польского лидера, а также Яноша Кадара. Вероятно, это не случайно: оба возглавляли страны, в которых реформаторство в условиях «реального социализма» носило относительно более продвинутый характер. Хотя развивалось оно по-разному и, как показал дальнейший ход событий, не смогло стать альтернативой смене общественного строя, резонанс от начавшихся в Советском Союзе процессов оказался там гораздо более явственным, чем в заповедниках коммунистической ортодоксии типа ГДР или Чехословакии. Причем четверть века спустя Войцех Ярузельский обращает внимание на такую сторону взаимосвязи советской перестройки и предшествовавших событий в Польше: если бы там не было установлено военное положение в 1981 г., в страну были бы введены войска Варшавского договора, и это «неизбежно усилило бы позиции сторонников жесткой линии в руководстве СССР. Горбачев бы не пришел тогда к власти и не начал бы свои реформы»^[20].

Ни подтвердить, ни опровергнуть это предположение сегодня невозможно. Но отсутствие четкой и ясной концепции

отношений СССР со своими восточноевропейскими союзниками в эпоху перестройки бросается в глаза. Представления о последствиях проводимой политики как для восточноевропейского региона, так и для самого Советского Союза были, по всей видимости, не осмыслены и не просчитаны, а иногда строились больше на благих пожеланиях, чем на анализе реального положения дел. К примеру, предполагалось, что преобразования в Советском Союзе вызовут благоприятную «волну подражания» в союзных странах. Ведущие в этом направлении процессы поддерживались и даже подталкивались, а когда руководство «братских партий» демонстрировало сдержанность вместо ожидавшегося энтузиазма — поощрялась его смена, приход к партийно-государственному управлению нового поколения политиков (предположительно, менее консервативных и более открытых к новым веяниям) [21].

Шатались ли режимы в большинстве стран Восточной Европы, или у них были ресурсы для выживания, несмотря на растущие трудности? Как долго они могли продержаться у власти, не начнись проведение реформ в Советском Союзе?

Возглавлявший в эпоху перестройки советское внешнеполитическое ведомство Эдуард Шеварднадзе писал по этому поводу: «Мы отчетливо видели, что почти во всех странах Восточной Европы политическое руководство быстро теряет контроль над ситуацией, не находит адекватные ответы на требования сторонников демократических перемен. [...]

Упорствуя в нежелании осуществлять реформы, консерваторы подвигались на применение приемов и мер, которые независимо от их воли и желания спланировали организованную оппозицию, способствовали ее оформлению в широкое общенародное демократическое движение» [22]. При этом консервативные силы в социалистических странах искали и находили поддержку в Москве у противников перестройки. Для борьбы с ней традиционно-ориентированные партийно-государственные элиты готовы были к подлинной консолидации в масштабах всего «социалистического содружества» [23].

В этих условиях перед Москвой вставала сложная проблема выработки линии поведения в отношении правящих режимов «братских стран» и противостоящей им растущей оппозиции, которая пользовалась всё более широкой поддержкой. Ни одна из моделей поведения не выглядела абсолютно удовлетворительной. Поддерживая правящий режим в той или иной стране, Москва противопоставляла бы себя доминантным общественным настроениям и ставила под вопрос свои

отношениями с ее будущим руководством. В то же время слишком прямолинейное содействие смещению режимов означало бы вмешательство во внутренние дела «братских стран». Отказ от вмешательства, от «экспорта идей» мог быть выигрышным в политико-пропагандистском плане и отлично вписывался в логику «нового мышления», но грозил полной утратой контроля над ситуацией.

Сегодня популярна точка зрения, что советское руководство оказалось неспособным разрешить данную коллизию — точнее, что ее разрешил ход событий, который вышел из-под контроля инициаторов перестройки^[24]. Но не стоит сбрасывать со счетов и принципиальную значимость отказа от «доктрины Брежнева» — даже если существуют серьезные сомнения в том, что Советский Союз на исходе 1980-х гг. был бы способен реализовать ее на практике. Да, *post factum* кажется очевидным, что воспроизвести сценарий 1968 г., когда «пражскую весну» задавили прямым применением военной силы, Москва, вероятно, уже не могла. Но консерваторы в кремлевском руководстве вполне могли придерживаться иной точки зрения: поскольку шансы «братских партий» в Восточной Европе удержать власть без политической поддержки, экономической подпитки и военных гарантий со стороны Советского Союза становились все более эфемерными — им нужно оказать всемерную помощь. Понятно, к каким последствиям могли бы привести попытки спасти коммунистические режимы или предотвратить их перерождение.

На практике поведение Москвы отличалось нерешительностью и непоследовательностью — которые, впрочем, можно интерпретировать и как осторожность, и как проявление ответственности. Так, начиная с 1987 г. оказывалась поддержка настроениям в пользу замены некоторых высших руководителей в «братских странах». Но на обращение оппозиционных групп румынской элиты об оказании помощи в свержении Николае Чаушеску советский лидер ответил отказом, мотивируя это принципиальным невмешательством во внутренние дела других стран^[25].

Сценарий драматического клинча, в который могли бы войти Советский Союз и восточноевропейские страны, оказавшиеся в кризисе, не состоялся, и есть все основания поставить это в заслугу горбачевскому руководству. Парадоксально, но, хотя Москва отказалась гарантировать поддержку существовавшим там режимам, социалистическое будущее Восточной Европы не ставилось под вопрос чуть ли не до самого конца их

существования. Приведем в качестве примера относящиеся к 1988 г. (!) слова Михаила Горбачева о том, что в «социалистическом мире разворачивается процесс преобразований и реформ, призванный дать новому общественному строю второе дыхание, поднять его на порядок выше во всех измерениях — экономическом, политическом, идеологическом»^[26]. По его оценкам, «процессы реформ и радикальных преобразований в социалистических странах подтверждают жизнеспособность социализма и его готовность ответить на вызов времени»^[27].

Однако на деле жизнеспособность «нового общественного строя» сокращалась, как шагреновая кожа. Не оправдывались и надежды на то, что реформы сами по себе станут стимулом для перевода отношений соцстран на новую основу. Наряду с различиями в подходах к осуществлению реформ, методам и темпам их проведения, все более обострялись противоречия в экономической сфере взаимодействия. Поскольку реформа экономической системы и хозяйственных механизмов не проводилась либо (как это имело место в СССР) не могла дать быстрого эффекта, то и застарелые проблемы в экономическом сотрудничестве не решались и поэтому еще более обострялись.

Исчерпала себя старая модель экономических взаимоотношений, когда советское сырье и энергоресурсы обменивались на промышленные товары. Принятая в 1986 г. Комплексная программа социалистической экономической интеграции не давала того эффекта, на который рассчитывали ее инициаторы. Советский Союз, переживавший всё более углубляющийся экономический и социальный кризис, оказался не в состоянии выступить в качестве локомотива социалистической экономической интеграции.

Не мог он и оплачивать издержки функционирования экономики социалистических стран за счет поставок им по льготным ценам сырья и энергоресурсов. В Москве начинают возникать представления о том, что союзники стали «обузой» и от них лучше бы «дистанцироваться»^[28] — это позволило бы снять ответственность за их развитие и целиком сосредоточиться на решении задач, связанных с проведением реформ в стране. В значительной степени указанной логикой было обусловлено и согласие советского руководства на перевод торговых отношений со странами СЭВ на конвертируемую валюту, что нанесло им сильнейший удар в период реформирования.

Нарастающие противоречия между социалистическими странами, их неготовность к перестройке интеграционной модели на рыночный лад в конечном счете привели к роспуску СЭВ (как международной экономической организации) и неуправляемому резкому свертыванию всех форм взаимного сотрудничества в торговой, производственной, научно-технической сферах.

В конце 1980-х гг. страны региона и Советский Союз оказались в крайне тяжелом экономическом положении. Наличие экономического кризиса вначале было официально признано в Венгрии, Польше, Югославии, а затем в Болгарии, Румынии, Чехословакии и ГДР. Все более явственными становились черты системного кризиса, охватившего «социалистическое содружество». Стало очевидным, что теория и практика «реального социализма» не универсальны и не адекватны основным тенденциям мирового развития. Реальный социализм исчерпал свои исторические возможности и должен был уступить место другим общественно-экономическим и социально-экономическим отношениям, способным гибко и эффективно реагировать на вызовы времени.

В Москве это начинали понимать. Когда осенью 1989 г. в ЦК КПСС обсуждался вопрос о ситуации в восточноевропейском регионе, то секретарь ЦК В.М.Фалин заявил, что «нельзя сводить все к “специфике” Польши и Венгрии. В кризисе — послевоенный порядок, нами насажденный. В кризисе — вся система отношений в социалистическом содружестве. Нужно быть готовым к взрыву, хотя не совсем ясно, где рванет вначале» [29].

СССР уже не мог взять на себя задачу стабилизации положения в «социалистическом содружестве», поскольку и сам переживал глубокий и системный кризис, а также по причине существенно сократившихся экономических возможностей. В 1989 г. череда событий, происходивших в восточноевропейских странах, стала проверкой заявленного Москвой признания свободы социального и политического выбора каждым народом и каждой страной [30]. Проверкой, которую она выдержала.

Как бы подводя своеобразный итог своей политике в Восточной Европе, Михаил Горбачев отмечал, что «строй, который существовал в странах Восточной и Центральной Европы, был осужден историей так же, как и в нашей стране. Он давно уже изжил себя, тяготил народы. И спасти этот строй, консервировать его значило бы еще больше ослаблять позиции

нашей собственной страны, компрометировать ее в глазах и собственного народа, и всего мира» [31].

Отказ от сохранения советской гегемонии в Восточной Европе не являлся результатом сознательной и продуманной политики. Он был следствием исторических обстоятельств, с которыми Москва не могла или просто не захотела «конкурировать». Гадать, могла ли она вести себя по-другому, сегодня бессмысленно. Но в итоге демонтаж социализма в регионе произошел в основном мирным путем и без драматических пертурбаций.

Международно-политические обстоятельства

Для уяснения масштабности происшедших на рубеже 1980-х — 1990-х гг. перемен имеет смысл напомнить, что установление Советским Союзом контроля над Восточной Европой явилось следствием его победы во второй мировой войне.

Легитимность присутствия СССР в регионе была обусловлена прежде всего тем обстоятельством, что он явился освободителем восточноевропейских народов от фашистского порабощения. Именно из этого на протяжении длительного времени проистекала значительная поддержка, которой пользовался Советский Союз в Восточной Европе, — в какой-то степени нейтрализуя негативную реакцию на его претензии играть роль гегемона, контролировавшего социальное, экономическое, политическое и культурное развитие стран региона, и сглаживая тяготы советского присутствия [32].

Важно иметь в виду и еще одну составляющую советского присутствия в Восточной Европе — проистекающую из военно-политических императивов. Восточная Европа рассматривалась Москвой как пояс безопасности, и доминирование там считалось необходимым для обеспечения более надежных позиций в плане противостояния с Западом. Речь шла о своего рода стратегическом предполье, придававшем дополнительную глубину и ресурс прочности оборонительной диспозиции. И одновременно доминирование на этом пространстве использовалось для оказания военно-политического давления на Западную Европу.

«Холодная война» в значительной степени как раз и возникла именно из столкновения интересов СССР и Запада в Восточной Европе. Борьба СССР за сохранение своих позиций в восточноевропейских странах и активные действия Запада по усилению своего влияния на них во многом определяли

состояние дел вокруг европейской безопасности в послевоенные годы.

Подписание Хельсинкского Заключительного акта означало признание Западом территориальных изменений в Восточной Европе, произошедших в результате разгрома гитлеровской Германии. В Москве были склонны интерпретировать это обстоятельство как фактическое согласие с ее доминированием над восточноевропейскими сателлитами. Однако в западных странах такой подход отнюдь не казался самоочевидным. Наоборот, сотрудничество по линии Восток–Запад в экономической, политической и особенно гуманитарной областях рассматривалось как средство постепенного «размягчения» советского лагеря, ослабления контроля СССР за своими союзниками, переориентации вектора их внешнеполитического и в целом общественного развития.

Возникающие на этой почве озабоченности всегда становились сильным аргументом в пользу более жесткого подхода Москвы к вопросу о взаимоотношениях с восточноевропейскими странами (и об отношениях с Западом по поводу восточноевропейских стран). Эта тенденция отчетливо прослеживается и со вступлением в эпоху перестройки. Понятно, что провозглашенная Михаилом Горбачевым логика «нового политического мышления» требовала изменить характер отношений с Западом. Но довести ее до признания возможности выхода союзников из сферы советского влияния оказывалось гораздо более трудным делом. Ведь речь шла уже не об общечеловеческих и общецивилизационных принципах, а об обеспечении страной своих геополитических интересов и своей безопасности. Занимавший фактически вторую (после Горбачева) позицию в партийном руководстве Егор Лигачев высказался на этот счет совершенно недвусмысленно: укрепление социалистического содружества, развитие связей и взаимодействия со всеми социалистическими странами является одной из центральных задач внешней политики Советского Союза^[33].

Была ли неизбежной геополитическая трансформация региона, расположенного к западу от Советского Союза, в связи с начавшимися в последнем преобразованиями? Это еще один вопрос, на который нет убедительного ответа (если только не считать таковым принятие всего сущего как неизбежности...). Отметим, однако, что происшедшие на волне и вследствие перестройки перемены в Восточной Европе (а точнее, их масштаб и темп) некоторые аналитики считают в какой-то

степени неожиданными не только для Михаила Горбачева, но и для Запада.

Еще в середине 1980-х годов там молчаливо признавали советскую гегемонию в регионе, считали ее чуть ли не само собой разумеющейся. Понятно, что в открытую на этот счет никаких разговоров не велось ни на официальном уровне, ни в полуофициальной обстановке, ни даже просто в «приличном обществе». Тема присутствия СССР в регионе была из числа тех, которые по соображениям «политкорректности» не подлежат обсуждению. Максимум, на что рассчитывали в столицах западноевропейских государств и в Вашингтоне — это некоторая либерализация режимов и определенные послабления в плане их полицейски-репрессивных функций, но уж никак не полная независимость, роспуск Варшавского договора и СЭВ, устранение советского контроля над «социалистическим содружеством». Наоборот, такая перспектива применительно к «нормальным» условиям могла скорее порождать опасения касательно дестабилизирующих и потому нежелательных последствий.

Но, во-первых, условия явно переставали быть «нормальными». А во-вторых, есть и иные оценки касательно стратегических расчетов, возникавших в связи с Восточной Европой. Они восходят к традиционной логике бдительно-настороженного отношения к Западу. Очередной всплеск этой логики пришелся как раз на годы, непосредственно предшествовавшие перестройке в Советском Союзе. Примечательны оценки, которые содержались в докладе ИЭМСС АН СССР, подготовленном в 1984 г.

«В нынешних концептуально-стратегических установках политики США и их союзников в отношении стран [социалистического] содружества находит свое выражение стремление создать в течение 80-х годов путем усиления конфронтации и гонки вооружений предпосылки для коренного изменения международного соотношения сил в свою пользу. Нынешний политический натиск империализма [...], нашедший свое наиболее крайнее воплощение в провозглашенном Рейганом “крестовом походе” против коммунизма, преследует далеко идущую цель покончить с социализмом и коммунизмом до конца XX века» [34].

Таким образом, стратегически Запад нацелен на окончательное решение в свою пользу вопроса «кто кого». А тактически — сосредоточен лишь на одной супер-идее: ослабить Советский Союз и лишить его международно-политической

дееспособности (либо максимально таковую ограничить). Как только появляется хоть какой-то шанс к этому продвинуться — все другие внешнеполитические приоритеты отступают на задний план. Именно такая ситуация, согласно указанной логике, и возникла в связи с вступлением Советского Союза на путь радикальных преобразований — надо было воспользоваться ею для того, чтобы быстро, пока есть к тому возможности, элиминировать имевшиеся у него ресурсы, которые позволяли ему присутствовать на международной арене в качестве достаточно весомой величины.

К числу таких ресурсов относилась и система советского контроля над сателлитами и их мобилизации на поддержку внешней политики Москвы. Этого инструмента ее надо было лишить — причем не дожидаясь того, к какому результату придет сам Советский Союз со своими экспериментами в области трансформации существующего в нем общественного строя. Об этом пишет российский аналитик, который был в рассматриваемую здесь эпоху заместителем заведующего Международным отделом ЦК КПСС и поэтому может передать существовавшие «на Старой площади» (то есть в высших эшелонах власти) представления и ощущения.

«С провозглашением “нового мышления” США и их ближайшие союзники сознательно работали ради ослабления роли и влияния СССР в ЦВЕ. [...] При этом использовался и весь арсенал средств, применявшийся в годы противостояния, в период “холодной войны”, включая финансовый рычаг, разного рода приманки, нажим на правительства, закрытые контакты с лидерами оппозиции и пропагандистские каналы. Цель была одна: используя возможности, предоставляемые политикой Горбачева, шаг за шагом раскачивать ситуацию, чтобы добиться благоприятных [для Запада] политических перемен»^[35]. И далее приводится цитата из книги президента Дж. Буша-старшего и его советника по вопросам национальной безопасности Б.Скоукрофта, которые пишут, что на первом месте в приоритетах американской администрации стояла «Восточная Европа, где наметившиеся шаги по пути реформ могли дать нам возможность извлечь выгоду из “нового мышления” в Советском Союзе, добиваясь ослабления хватки Москвы»^[36]. Примечательно, что, согласно этому же источнику, задача «оторвать» от СССР его союзников стояла даже выше, чем императивы контроля над ядерными и обычными вооружениями (то есть связанные с обеспечением безопасности самих США!).

Ностальгически-реставрационная ментальность, которая стала набирать силу в России с начала 2000-х гг., видит в таких расчетах возмутительное коварство Запада. Однако морализаторство на эту тему представляется совершенно беспредметным — хотя бы потому, что оно отталкивается от представления о безусловной легитимности сохранения «социалистического содружества» под контролем и влиянием Советского Союза. Между тем эта легитимность исчезала буквально на глазах. Не только по причине кризиса идеологии и нарастающей недееспособности самого Советского Союза. Но и потому, что его руководство не имело ни стратегии преобразований в восточноевропейских странах, ни критериев адекватной оценки складывающегося там положения дел. Москва была вынуждена импровизировать, постоянно приспособляясь к быстро меняющейся обстановке, подстраиваться под «естественный» ход событий.

Было еще две причины, которые предопределяли иррелевантность возможных попыток проведения активного курса на геополитическое удержание Восточной Европы в орбите советского влияния.

Во-первых, даже если исходить из описанного выше представления о том, что отношения по линии Восток Запад являются имманентно конфронтационными («игра с нулевой суммой»), у Советского Союза к исходу 1980-х гг. просто не было ресурсов для поддержания конфронтации. Достаточно сказать, что страна уверенно шла по пути усиливающейся экономической деградации, удержание военно-стратегического паритета становилось все более проблематичным, назревали все более серьезные внутривнутриполитические проблемы. В таких условиях было просто не до Восточной Европы — даже если и хотелось бы сохранить над нею контроль.

А во-вторых, поскольку горбачевская внешняя политика определялась императивами «нового политического мышления», ее главными векторами становились прекращение гонки вооружений, налаживание конструктивных отношений с США и Западом в целом, кооперативные усилия в деле укрепления международной безопасности, прекращение изоляции от наиболее развитой части мира, налаживание с ним сотрудничества в области науки, техники, культуры и т.п. Выдвигался лозунг деидеологизации внешней политики; приоритет должен был отдаваться общечеловеческим, общецивилизационным ценностям; от силовых решений надо было отказаться в пользу

политических методов; вместо мирного сосуществования во главу угла следовало поставить идею глобальной взаимозависимости, а в Европе — приступить к строительству «общеевропейского дома». На этом пути должны были решаться и важные задачи в плане придания мощного импульса развитию внутри страны — преодолению всё более увеличивающегося отставания в области экономики, сокращению бремени ВПК, «которое давило на все отрасли хозяйства, калечило экономику, снижало и так позорно низкий уровень жизни»^[37].

Отсюда логично вытекала и установка на включение Советского Союза (равно как и стран Восточной Европы) в мировую экономику в качестве ее органичной составной части, и интеграция в Европу^[38]. Это само по себе выводило за рамки политически приемлемого дискурса вопрос о контроле за союзниками. Но важнее другое — приоритетность взаимоотношений с ними явно отходила на второй план в сравнении с тем значением, которое придавалось взаимоотношениям с США и западными странами. Именно на этом направлении решались те проблемы, которые Москва считала имеющими первостепенное значение — связанные с судьбами войны и мира, глобальной безопасности и т.п.

А значит, переводя разговор в плоскость политического реализма, за успех можно было заплатить уступками, гибкостью, переосмыслением своих интересов в других областях. Как считает уже цитировавшийся выше российский исследователь, со временем (к 1989 г.) наступит момент, «когда страны Восточной Европы, фактически сателлиты Советского Союза, станут разменной картой в торге с западными державами» — за благосклонность к проводимому Москвой курсу, за поддержку перестройки, за получение финансово-экономической помощи^[39]. Есть и информация о проводившемся Генри Киссинджером зондаже касательно возможности «разменять» согласие Москвы с мягкой декоммунизацией Восточной Европы на обязательство Вашингтона не действовать против интересов СССР (и даже чуть ли не на формирование советско-американского кондоминиума)^[40].

В 1989 г. перемены в Восточной Европе приобрели лавинообразный характер. Невмешательство Советского Союза в эти события было несомненным доказательством того, что «холодная война» окончилась^[41]. Ее начало, как отмечалось выше, было очень во многом связано именно с переменами в Восточной Европе. И вот там вновь происходили кардинальные

пертурбации — которые теперь отнюдь не вывалили грандиозных международно-политических потрясений.

Частично это было вызвано сфокусированностью внешнеполитического внимания главных международных игроков на иных проблемах. Оказавшись несколько «в стороне», Восточная Европа в известном смысле только выиграла — в критической для стран региона фазе развития их не пытались «делить», не навязывали им мучительный выбор, не предъявляли ультиматумов. Но не было и осторожной, сбалансированной, тщательно продуманной корректировки международно-политического статуса Восточной Европы. Москва, которая совсем недавно была главным действующим лицом на этом поле, не могла не почувствовать себя вытесненной с него. Это создавало политический дискомфорт, настраивало ее если не на накопление контрнаступательного потенциала, то по крайней мере на выстраивание глухой обороны.

Двусторонний контекст

В своей восточноевропейской политике советское руководство особое внимание уделяло Польше. Это было связано с рядом обстоятельств.

Главное из них — то, что кризис «реального социализма» проявлялся в Польше наиболее остро по сравнению с другими социалистическими странами. Для ортодоксов и традиционалистов Польша была «слабым звеном» — и по этой причине наиболее уязвимым как для давления извне, так и для «деструктивных действий» внутренней оппозиции.

Советское руководство в первой половине 1980-х гг. (как, впрочем, и в предыдущие годы) рассматривало польскую модель социалистического строительства как не соответствующую фундаментальным принципам социализма. Причины польского кризиса видели именно в том, что ПОРП в своей деятельности недостаточно последовательно руководствуется идеями К.Маркса и В.Ленина — которые, как известно, наиболее полно и «правильно» были реализованы в Советском Союзе.

Польским руководителям постоянно давали конкретные советы касательно того, как укрепить в стране социалистические начала и на этой основе обеспечить более прочные позиции политическому режиму. О характере этих советов можно судить по рекомендациям генерального секретаря ЦК КПСС Константина Черненко, которые он в 1984 г.

адресовал Войцеху Ярузельскому: «искоренить антисоциалистические элементы», «ограничить вмешательство церкви в политическую жизнь», «ликвидировать многоукладность в народном хозяйстве», «поставить деревню на социалистические рельсы»^[42]. Осуществление такого рода советов на практике могло бы только ускорить движение страны к хаосу и национальной катастрофе. На деле они по большей части игнорировались — что лишь усиливало в глазах кремлевских лидеров репутацию «польских братьев» как склонных к своенравному поведению.

И все же удержание власти в руках ПОРП рассматривалось Москвой как принципиальное условие сохранения страной социалистического выбора. Приход к власти «Солидарности», по оценкам советского руководства, означал бы провал социализма и неизбежные в этом случае внешнеполитические последствия (выход Польши из ОВД, ориентацию на Запад и т.п.).

«Польский опыт» вызывал в Москве тревогу и в плане его принципиальной применимости к реалиям других стран социализма. Против правящей партии открыто (и успешно) выступила новая политическая сила — самоуправляющийся профсоюз, не подконтрольный властям и пользующийся поддержкой трудящихся. В социалистической стране появилось рабочее движение нового типа, выступающее против авторитарной системы. Само по себе это обстоятельство оказывало большое влияние на умонастроения правящей советской элиты. Ее демократически мыслящую часть это подталкивало к пониманию необходимости проведения реформ и в Советском Союзе, тогда как у традиционалистских сил активизировался охранительный инстинкт (в частности, в августе 1980 г. создается т.н. комиссия Суслова для отслеживания польских событий).

Официальная политика формировалась под воздействием этих достаточно противоречивых импульсов. Советское руководство категорически отвергает всякую возможность установления каких-либо контактов правящей партии с «Солидарностью». Последнюю считают (и не без оснований) открыто ориентирующей на демонтаж социалистического строя и отстранение коммунистов от власти, и поэтому сама идея диалога с оппозицией кажется Москве ересью. Однако введения своих войск в Польшу для подавления оппозиции она тоже хочет избежать, справедливо опасаясь негативных политических последствий и невозполнимых имиджевых потерь^[43].

Если для разрешения кризиса необходимы энергичные меры, их должны предпринять сами поляки — такова логика Москвы. Она начинает делать ставку на тех представителей польского руководства, которые склоняются к проведению более жесткого курса, и даже подталкивает их в этом направлении^[44]. К таким политическим фигурам относят генерала Войцеха Ярузельского, который становится лидером ПОРП при поддержке Москвы. Советское руководство поддерживает и введение в ночь на 13 декабря 1981 г. чрезвычайного положения.

Хотя советским войскам и было приказано не вмешиваться в происходящие в Польше события, сложившаяся ситуация не могла не вызвать новой волны взаимного отчуждения. В Польше превалировали настроения, согласно которым именно Советский Союз несет ответственность за введение военного положения, ставя цель вообще сделать невозможными преобразования в стране. А в Москве опасались, что принятых мер будет недостаточно, что новому руководству в Варшаве не хватит решимости покончить с антисоциалистическими тенденциями, что деструктивное влияние польского синдрома на другие «братские страны» продолжится и будет становиться даже более сильным... «Вокруг бастующей, бунтующей, мечущейся Польши был сооружен, по сути, санитарный кордон, заморожены или резко сокращены все контакты гуманитарного, и не только гуманитарного свойства»^[45]. В советских средствах массовой информации, в партийной печати ничего не говорилось о политике «социалистического обновления», проводимой ПОРП под руководством Войцеха Ярузельского. Как отмечает Михаил Горбачев, «страх перед “польской заразой” затмевал даже такой очевидный факт, что изолированная, по существу, от контактов с восточным соседом польская общественность оставалась один на один с теми кругами Запада, которые защищали конфронтационные позиции по отношению к Советскому Союзу и использовали сложившуюся ситуацию для подогревания антисоветских, антирусских настроений»^[46].

Большие проблемы возникли в двусторонних советско-польских торгово-экономических связях. Усилилась неэффективность товарной структуры советского экспорта в Польшу: например, с 1980 по 1984 гг. удельный вес машинно-технической продукции в нем уменьшился более чем вдвое — с 25% до 12%, а доля топлива, сырья и материалов возросла с 60 до 75%. Это не отвечало прежде всего интересам Советского Союза — но также стимулировало повышение капиталоемкости, энерго- и материалоемкости производства в Польше, что

тормозило повышение эффективности ее народного хозяйства^[47].

Со вступлением СССР на путь перестройки возникал шанс для того, чтобы придать позитивный импульс развитию двусторонних отношений. Михаил Горбачев и Войцех Ярузельский предприняли немалые усилия, чтобы эта возможность была использована. Мера их личного взаимопонимания, как уже отмечалось, была более высокой, чем у Михаила Горбачева с большинством других партийно-государственных лидеров социалистических стран.

По инициативе польской стороны была разработана и подписана в апреле 1987 г. Декларация о советско-польском сотрудничестве в области идеологии, науки и культуры. Она способствовала значительному оживлению контактов обществоведов, литераторов, журналистов, ученых, творческой интеллигенции и молодежи двух стран. В этом документе, в частности, говорилось и о том, что история не должна быть предметом идеологических спекуляций и поводом для разжигания националистических страстей. Подписание Декларации оживило работу советских и польских историков, которые поставили целью устранить «белые пятна» в истории взаимоотношений двух стран — такие как советско-польская война 1920 г., сталинская расправа над польской компартией, трагедия Варшавского восстания 1944 г. и особенно весьма болезненная для поляков катынская трагедия. По ней все имеющиеся в советских архивах документы были собраны по настоянию Михаила Горбачева для передачи польской стороне^[48].

Эта и другие акции способствовали восстановлению доверия между руководителями двух стран и партий, что благоприятно отражалось и на атмосфере взаимоотношений двух государств. Да и в целом общественные настроения в Польше в течение некоторого времени характеризовались ростом симпатий к Советскому Союзу. Начавшаяся в нем перестройка давала толчок либерализации и в самой Польше — что, в сущности, означало радикальное изменение направленности тех импульсов, которые шли от Советского Союза в ее сторону.

Однако на противоположной чаше весов оказывались многие традиционалистские представления и стереотипы. А возникшие симпатии к Советскому Союзу не отменяли усиливающееся в Польше негативное отношение к социалистическим порядкам. Оставался и латентный потенциал традиций взаимной настороженности. Не удалось

вывести на новый уровень советско-польские торгово-экономические связи, как планировалось при подписании в 1986 г. Комплексной программы научно-технического сотрудничества.

Был и еще один аспект польских дел, который мог вызывать в Москве определенное беспокойство. Важной составляющей внимания к Польше был ее объективный статус как крупнейшей восточноевропейской социалистической страны и проистекающие из этого последствия и для положения дел в «социалистическом содружестве», и для безопасности Советского Союза. Михаил Горбачев в своем выступлении на X съезде ПОРП 30 июня 1986 г. не случайно подчеркнул, что «тесное сотрудничество, союз Польши и Советского Союза — двух самых крупных европейских социалистических государств — неременное условие успешного развития наших стран, стабильности и мира в Европе» [49]. Но ведь весомость «польского фактора» могла сработать и не в том направлении, которое считал бы желательным Советский Союз.

Казалось бы, раз перестройка нацеливала на поиск новых подходов и пересмотр догматических представлений о социализме, польский опыт в этом смысле мог бы стать весьма и весьма поучительным и полезным. На деле же масштабы его востребованности оказались более чем скромными. «Братьям по социалистическому содружеству», включая поляков, полагалось брать пример с Советского Союза, а не наоборот. Более того — коль скоро преобразования должны были осуществляться в рамках социалистического выбора, скептическое отношение поляков к последнему было для Москвы дополнительным настораживающим фактором. Ведь оно могло придать перестройке «неправильный» вектор. Иными словами, здесь возникала еще одна потенциально «трудная проблема» — относительно характера преобразований, в которых нуждалась общественно-политическая система.

Однако события в Польше развивались еще быстрее, чем вызревали новые «трудные проблемы» во взаимоотношениях с Москвой. Углубление польского кризиса на фоне ухудшения экономического положения в стране в конце 1980-х гг. не оставляло ПОРП пространства для политического маневра. Необходимо было соглашаться на требования оппозиции о ее включении в политическую систему, что означало фактический отказ ПОРП от своей монопольной руководящей роли. Этапным событием стало проведение в феврале-апреле 1989 г. «круглого стола» с участием реформаторского крыла

ПОРП и умеренной части «Солидарности»; на его заключительном заседании были подписаны соглашения, которые предусматривали формирование представительных органов власти на основе демократических выборов.

Москва в своем отношении к польским делам постепенно эволюционировала в том же направлении — пошла на установление неофициальных контактов с некоторыми представителями «Солидарности», стала допускать возможность прихода к власти некоммунистических сил (при условии продолжающегося членства Польши в ОВД) и т.п.^[50]. Однако состоявшиеся в июне 1989 г. парламентские выборы принесли оглушительный успех оппозиции, опрокинув все сценарии, выстраивавшиеся в Москве и Варшаве касательно постепенного преобразования политической системы и ее плавного перевода на демократические рельсы.

Польша все-таки сыграла роль «спускового крючка», открыв сезон «бархатных революций» в регионе. Одновременно была открыта новая фаза в советско-польских отношениях — как оказалось позднее, непродолжительная и завершающая, поскольку далее начиналась уже история отношений новой России и новой Польши. Пока же Москва и Варшава накапливали опыт обращения с новыми «трудными вопросами».

Начать с того, что кардинальным образом должно было измениться существо отношений двух стран, поскольку их стержнем уже не могла быть модель вассалитета, которую культивировали в рамках «социалистического содружества». Это затрагивало широкий круг тем самого разнообразного плана — от пересмотра юридических документов до преодоления политико-психологических инстинктов и стереотипов. Здесь не могли не возникать спорные и конфликтные ситуации.

В Варшаве и в Москве по-разному видели направленность преобразований во взаимоотношениях двух стран. Если либерально настроенные советские руководители размышляли о строительстве «подлинно партнерских» (или «подлинно союзнических») отношений со своими бывшими сателлитами, то последние, по всей видимости, хотели бы эти отношения вообще редуцировать до возможного минимума.

В частности, в 1990–1991 гг. Польша стала одной из главных движущих сил в процессе ликвидации Организации Варшавского договора и Совета экономической взаимопомощи. Москва, со своей стороны, пыталась включить в обсуждаемый с

Варшавой проект нового договора о дружбе и сотрудничестве положение об отказе от вступления в союзы и заключения соглашений, направленных против другой стороны. В сущности, это была предварительная заявка на проведение кампании против вступления Польши в НАТО, которую с большим размахом развернули позднее (уже от имени России).

В условиях, когда реформаторский импульс в Советском Союзе постепенно угасал либо начинал давать непредвиденные результаты, начавшийся в Польше демонтаж социализма мог представлять для Москвы определенный интерес. Войцех Ярузельский вспоминает о том, что первое посткоммунистическое правительство Польши во главе с Тадеушем Мазовецким осуществляло поиск «третьего пути» между введением законов капитализма, которое привело бы к массовой безработице, и сохранением роли государства, что было чревато прогрессирующим застоем. Именно в этом контексте, по его мнению, Михаил Горбачев называл Польшу «лабораторией реформ»^[51].

Но этот опыт и эти поиски опять-таки оказались не востребованными в СССР. Там экономикой страны по-прежнему руководили советские хозяйственники, не представлявшие себе иных способов управления, кроме как через Госплан, тогда как набиравшая силу новая элита оказалась неспособной поставить интересы преобразования общества выше своих собственных хватательных рефлексов. А в Польше начинались реформы Бальцеровича, по поводу которых советское посольство слало в Москву панические телеграммы^[52]. Именно тогда началось расхождение векторов политико-экономического развития двух стран. Само по себе это не становилось новым «трудным вопросом» в отношениях двух стран, но два десятилетия спустя привело их к совершенно разным результатам — торжеству авторитарно-олигархического капитализма в России и становлению либерально-рыночной модели с весомыми социал-реформистскими компонентами в Польше^[53].

В связи с прекращением союзнических отношений и ликвидацией ОВД в повестку дня ставился вопрос о выводе советских войск. Эта проблема приобретала особую политическую остроту в связи с необходимостью достаточно быстрого ее решения. Возникла также тема выработки нового подхода к таким проблемам, как общее культурное наследие двух стран, перемещенные ценности, доступ к архивам и т.п.

Наконец, в новых условиях приходилось считаться с возможностью новых интерпретаций касательно не полностью закрытых тем в досье «трудных вопросов», связанных с реанимацией исторических обид, комплексов и т.п. Впоследствии так оно и произошло.

* * *

В эпохе перестройки и последовавших за ней тектонических изменений во взаимоотношениях Советского Союза и восточноевропейских социалистических стран, в том числе и Польши, можно выделить три этапа.

На первом этапе политика Москвы на этом направлении почти не претерпела изменений и мало чем отличалась от той, которая проводилась прежним советским руководством. Хотя динамичная личность нового советского лидера, безусловно, вносила свои оригинальные элементы во взаимоотношения с союзниками^[54].

На втором этапе эти отношения подверглись мощному воздействию идей и практики перестройки, которое в конечном итоге привело к кардинальным социальным, политическим, геополитическим изменениям в регионе, укрепили позиции реформистского крыла ПОРП. Советская перестройка выступила в качестве решающего фактора преобразований в регионе. Взяв курс на обновление социализма, его демократизацию в Советском Союзе, советское руководство не могло не распространить его и на взаимоотношения с союзниками. Оно признало не только на словах, но и на деле их право на самоопределение, на свободу выбора путей развития. Михаил Горбачев публично отказался от концепций «ограниченного суверенитета», «коллективной ответственности за судьбы социализма» и прочих идеологем, оправдывавших возможность вмешательства во внутренние дела союзных государств.

Реформируя социализм в СССР, он полагал, что то же самое должно произойти в других социалистических странах Восточной Европы, в том числе и в Польше, благодаря чему обновится союз социалистических государств, укрепятся советско-польские отношения. Ожидалось, что новые лидеры-реформаторы типа Войцеха Ярузельского будут способны вдохнуть свежие силы в социалистический строй. Однако запас прочности «реального социализма» в Польше (да и не только там) оказался гораздо меньше, чем предполагалось; он исчерпал свои исторические возможности и был обречен на исчезновение с арены истории.

На третьем этапе, когда ПОРП путем парламентских выборов была отстранена от власти, которая оказалась в руках «внесистемной оппозиции», происходит резкое снижение интенсивности сотрудничества и заинтересованности Москвы и нового политического режима друг в друге. Новые политические силы, пришедшие в Польше к власти, стали ориентироваться на Запад, рассчитывая с его помощью решить многочисленные экономические проблемы и вывести страну из кризиса. На Советский Союз, который и сам агонизировал, в лучшем случае предпочитали не обращать внимания — но зачастую пытались возложить вину за все мыслимые и немыслимые беды.

На этом участке совместной истории двух стран в их взаимоотношения были добавлены некоторые новые «трудные вопросы». Однако их количество и качество несоизмеримы со значимостью происшедших перемен и открывшейся перспективой урегулирования накопившихся коллизий.

Статья написана под патронатом Польско-российской группы по трудным вопросам. Владимир Барановский — член этой группы.

-
1. О концепции нового хозяйственного механизма сотрудничества стран — членов СЭВ // Архив ИЭМСС АН СССР. 1985.
 2. Там же.
 3. Архив ИЭМСС АН СССР. 1985.
 4. Михаил Горбачев. Жизнь и реформы. Кн.2. М., 1995, с.311.
 5. Там же, с.312.
 6. К.Н.Брутенц. Несбывшееся. Неравнодушные заметки о перестройке. М.: Международные отношения, 2005. С. 469.
 7. М.С.Горбачев. Избранные речи и статьи. Т.3. М.: Политиздат, 1987, с.253.
 8. Там же, с.365.
 9. К.Н.Брутенц. Несбывшееся, с.469.
 10. Михаил Горбачев. Жизнь и реформы, с.315.
 11. Там же.
 12. Архив ИЭМСС АН СССР. 1986.
 13. Михаил Горбачев. Жизнь и реформы, с.315.

14. Там же, с.317.
15. Вадим Медведев. У перестройки был свой шанс // Прорыв к свободе. О перестройке двадцать лет спустя. М., 2005, с.13.
16. Михаил Горбачев. Жизнь и реформы, с.317.
17. Там же, с.318.
18. Там же.
19. Там же, с.319.
20. Войцех Ярузельский. «Американская ПРО безопасность Польши не повышала» // Известия, 20.10.2009, с.5.
21. К.Н.Брутенц. Несбывшееся, с.470.
22. Эдуард Шеварднадзе. Мой выбор. В защиту демократии и свободы. М., 1991, с.198.
23. Там же.
24. См. В.Л.Мусатов. Метаморфозы политики Горбачева в отношении стран социалистического содружества // Новая и новейшая история. 2009. №3, с.3–18.
25. Там же, с.13.
26. Визит Генерального секретаря ЦК КПСС М.С.Горбачева в Социалистическую Федеративную Республику Югославию. 14—18 марта 1988 г. М.: Политиздат, 1988, с.30.
27. Там же, с.81.
28. К.Н.Брутенц. Несбывшееся, с.475.
29. Цит. по: Центральная-Восточная Европа во второй половине XX века. Т.3. Трансформации 90-х годов. Ч.1. М.: Наука, 2002, с.21.
30. Правда. 19.02.1988.
31. M. Gorbachev. On my country and the World. New York: Columbia Univ. Press, 1999.
32. К.Н.Брутенц. Несбывшееся, с.466.
33. Е.К.Лигачев. Курсом Октября, в духе революционного творчества. М.: Политиздат, 1986. С. 28.
34. Актуальные проблемы внешней политики стран социалистического содружества в отношении развитых капиталистических государств в 80-е годы. Международный научный проект. М., 1984, с.93.
35. В.Л.Мусатов. Метаморфозы политики Горбачева..., с.16.
36. Там же, с.17; Bush G., Scowcroft B. A world transformed. New York, 1999, p.15.
37. А.Черняев. Новое мышление: вчера и на будущее // Прорыв к свободе, с.254.

38. Там же, с.255.
39. В.Л.Мусатов. Метаморфозы политики Горбачева..., с.7–8.
40. К.Н.Брутенц. Несбывшееся, с.485; А.Н.Яковлев. Перестройка 1985–1991. Документы. М., 2008, с.363.
41. Арчи Браун. Перестройка и пять трансформаций. В кн: Прорыв к свободе, с.57.
42. Цит. по Анджей Пачковски. Власть и оппозиция в Польше по отношению к СССР (1980—1989) // Польша — СССР. 1945 — 1989: избранные политические проблемы, наследие прошлого. М., 2005, с.285.
43. «Москва никогда серьезно не думала о прямом военном вмешательстве в польские дела, она рассчитывала на то, что с ситуацией в стране справятся “здоровые силы” в партии». (Н.И.Бухарин. Российско-польские отношения. 90 е годы XX века — начало XXI века. М.: Наука, 2007, с.41).
44. В.Л.Мусатов. Россия и Восточная Европа. Связь времен. М., 2008, с.195.
45. Михаил Горбачев. Жизнь и реформы, с.339.
46. Там же.
47. См. аналитическую записку, подготовленную ИЭМСС АН СССР для ЦК КПСС. Архив ИЭМСС АН СССР, 1986.
48. Они были переданы польской стороне уже президентом России Б.Н.Ельциным.
49. М.С.Горбачев. Избранные речи и статьи, с.465.
50. См. Н.И.Бухарин. Российско-польские отношения, с.45.
51. Известия. 20.10.2009, с.5.
52. См. Н.И.Бухарин. Российско-польские отношения, с.48.
53. Виталий Портников. Кто устоит в неравном споре? — Грани.ру, 25.09.2009 08:04.
(<http://grani.ru/Society/History/p.157772.html>)
54. Георгий Шахназаров. Цена свободы. М., 1993, с.100.

ВНОВЬ ОБРЕТЕННАЯ СВОБОДА И СУВЕРЕННОСТЬ

Политический опыт Польши и России после 1989 г. в каком-то смысле сопоставим, так как касается смены политического режима, совершавшейся в условиях глубокого экономического и общественного кризиса. В обоих случаях дело дошло до демонтажа всей системы правления коммунистической партии. Однако же в Польше сформировалась политическая система, опирающаяся на принципы равновесия ветвей власти, политической активности граждан, межпартийной конкуренции и смены власти путем выборов. Тем временем в России принцип разделения властей не был последовательно проведен, политическая конкуренция идет не между партиями, а между институтами внутри иерархической структуры власти, с 1991 г. никогда не происходило чередования власти, и наступил упадок политической активности общества. Если в случае Польши можно со многими оговорками вести говорить о переходе от авторитаризма к демократии, то в России осуществился, как доказывает Андрей Мельвиль, переход от «авторитарной мобилизации» к «олигархической конкуренции»^[1]. Возникший таким путем режим представляет собой разновидность элитарного правления, где формальный характер демократических институтов препятствует действительному осуществлению контроля над правлением верхов. Я оставляю в стороне ответ на вопрос, существенный для политической теории: с чем мы имеем дело в России — с так называемой демократией с изъянами (например, делегированной, нелиберальной либо суверенной) или же с новым авторитаризмом. В этом тексте я принимаю предложенную Борисом Макаренко стратегию оценки посткоммунистических режимов, в соответствии с которой существует принципиальная разница между результатами процессов преобразования в Центральной и Восточной Европе и ходом тех же самых процессов на пространстве бывшего Советского Союза. К западу от советской границы 1939 г. возникли системы сменяющихся у власти партий, а к востоку — сложились президентские системы^[2].

Опыт перехода от авторитаризма к демократии был обобщен в виде теории политического транзита, которая первоначально описывала процессы демонтажа авторитарных режимов и

консолидации демократии в некоторых странах Латинской Америки и Южной Европы, а после 1989 г. ее начали применять в изучении перемен государственного и общественного строя в Восточной Европе. Политический транзит прежде всего предполагает, что в обществе сохранился национальный консенсус, заключающийся в том, что большинство граждан не оспаривает своей принадлежности к национальной политической общности. В самом процессе транзита можно указать несколько важнейших моментов: принятие решения о политических переменах, затем проведение первых конкурентных выборов и консолидацию демократии. Об успехе транзита свидетельствует первая смена власти и «консолидация» демократических правил игры. Из этой общей схемы не вытекает, что транзит везде и всегда протекал одинаково, но можно указать несколько общих его черт, таких как мирный характер перемен, большая роль новых ненасильственных общественных движений, частое, хотя и не повсеместное, использование механизма «круглого стола» и большая роль элиты общества в процессе осуществления перемен.

Советская империя и ее идеологические мутации

Бурные события 1989 г. в Восточной Европе положили начало глубоким политическим, экономическим и общественным переменам, но размах и пространство воздействия этих изменений приблизительно совпадают с геополитической структурой империи. Этот политический процесс по-разному проходил в центре империи, или в России, и на ее периферии, в Центральной и Восточной Европе. Империя в этой части Европы распадалась дважды: сначала — после I Мировой войны, а во второй раз — на рубеже 1980-х — 1990-х.

Советский Союз не был обычным территориальным государством, наделенным национальными интересами, политической системой и бюрократическим механизмом принятия решений, а был прежде всего идеократией, а также экстерриториальным государством-партией. Телеология этой структуры и тип принимаемых решений, причем не только стратегических, но и тактических, вытекали из ее архетипа. Решения не столько принимались, сколько интерпретировались иерархией разных органов власти в процессе имперской мистерии (*arcana imperii*). РКП(б)-ВКП(б)-КПСС всегда была однородной, централизованной, но также международной по своим целям и функциям организацией, образующей победоносную, но все-таки лишь часть большего глобального целого. Союз Советских Социалистических

Республик никогда не был тождествен пятнадцати союзным республикам, обозначенным на карте мира ярким розовым цветом. Он скорее напоминал геополитическую систему, составленную из нескольких концентрических кругов, в центре которой стояла КПСС; первый имперский круг образовывала российская союзная республика (РСФСР), где партия правила непосредственно, не учреждая республиканского подразделения, а в качестве второго и третьего кругов выступали союзные республики и страны народной демократии со всё более сложными формами правления. Система обладала также своей экстерриториальной периферией — разного рода легальными и нелегальными организациями, которые «еще» не завоевали власть в «своих» странах. Существование этой всемирной системы составляло вектор, устанавливающий путь от одной исторической победы к другой — вплоть до окончательного торжества коммунизма. Как пишет Алексей Салмин, в такой ситуации идеологическая «мутация» политики была чрезвычайно редким событием, сопряженное с существенным обновлением всей верхушки, которое охватывало как смену руководства партии, так и физическую или только политическую ликвидацию части предыдущей элиты^[3]. По существу за годы советской власти таких мутаций было всего лишь три: это отказ от экспорта революции и принятие идеологии построения социализма в одной стране на исходе 1920-х, формулирование концепции «мирного сосуществования различных социально-экономических систем» в конце 1950-х, а за ней — программы построения коммунизма, и третья — закончившаяся неудачей перестройка Михаила Горбачева. Всякий раз идеологические «мутации» сопровождались изменениями в способе отправления власти.

Реформы Горбачева

Политические реформы начались в Советском Союзе ближе к концу 1980-х с некоторым опережением по сравнению с остальными государствами советского блока. Причины реформ были в СССР схожи с теми, что в Польше, ГДР или Венгрии: провал «ускорения» — попыток укрепить централизованное планирование, зависимость советской экономики от мировой системы (драматический крах цен на нефть в 1985 г. и рост затрат на обслуживание иностранного долга). В 1987–1988 гг. экономический кризис начал переходить в три структурных кризиса, которые Егор Гайдар определил как кризис лояльности провинций империи, кризис лояльности населения и кризис лояльности аппарата репрессий^[4].

Ход кризиса лояльности провинций империи вытекал из геополитической структуры советской империи: в первую очередь кризис охватил второй и третий ее круги. Начало системных изменений в Центральной и Восточной Европе мы можем датировать 1987–1988 годами. Тогда же начались конфликты между союзными республиками и Советским Союзом вокруг концепции республиканского хозрасчета. 16 ноября 1988 г. Верховный совет Эстонии принял декларацию о государственном суверенитете в рамках СССР, предусматривающую приоритет республиканского права над общесоюзным и республиканского бюджета над союзным. В 1989 г. такие декларации приняли Литва, Латвия, Армения, Грузия и Азербайджан, а в 1990-м — Россия, Молдавия, Белоруссия и Украина. К тому времени, когда кризис переместился в территориальный центр империи — Россию, декларации о независимости уже успели принять Литва, Латвия, Армения и Грузия, а Варшавский договор и Совет экономической взаимопомощи уже клонились к падению.

Кризис лояльности населения вытекал в первую очередь из кризиса снабжения, бюджетного дефицита, инфляции и замораживания сберегательных вкладов. В 1987 г. была легализована частная хозяйственная деятельность и увеличена самостоятельность государственных предприятий. Обостряющийся экономический кризис вызывал всё более массовые акции протеста вплоть до всеобщих политических забастовок весной 1991-го.

Кризис лояльности аппарата репрессий вытекал из «армейской революции» и пониженного финансирования оборонной промышленности. Кризис лояльности этого аппарата имел для КПСС принципиальное значение ввиду системной памяти о нелегальном происхождении советской власти и ключевом значении насилия для ее сохранения. С этой точки зрения бросается в глаза сдержанность коммунистов в применении насилия. Столь принципиальная новость, причем не только в истории коммунизма, но и в истории революции, впервые проявилась как раз в ходе «бархатных революций» 1989 г., затем повторилась в Советском Союзе в августе 1991 г., а позже — в процессе «цветных революций» в Грузии и на Украине. В случае применения силы побеждает не тот, у кого больше ресурсов, а тот, кто готов жертвовать собой ради сверхиндивидуальных целей. Отсутствие такой жертвенности в августе 1991 г. свидетельствовало, что КПСС, которая формально еще правила, уже перестала быть сувереном. Феномен «сдержанности аппарата репрессий» показывает, что распад Советского Союза вышел далеко за рамки политического

транзита, так как он касался проблемы суверенности, то есть куда более принципиального вопроса, чем политический режим.

Кризис суверенности старался предотвратить Михаил Горбачев, выступив летом 1988 г. инициатором политической реформы (XIX партийная конференция). Решениями конференции в конституцию были внесены изменения, в соответствии с которыми высшим органом государственной власти становился Съезд народных депутатов, создававший два других органа власти: Верховный Совет и пост председателя Верховного Совета, а с марта 1990 г. — президента СССР. Выборы народных депутатов состоялись в марте 1989 г., когда в Польше еще шли заседания «круглого стола». Две трети депутатов выбирались в округах, а треть назначалась непосредственно партией и подчиненными ей общественными организациями. В среднем на один мандат претендовали два кандидата. Новостью, кроме сложной системы выдвижения кандидатов, была также передача избирателям права принимать окончательные политические решения через обязанность вычеркивать фамилии кандидатов. Последствия выборов народных депутатов оказались двоякими. Во-первых, они положили начало механизму политической конкуренции, упрочившемуся годом позже, весной 1990 г., в ходе республиканских парламентских выборов. Во-вторых, в результате выборов возник Съезд народных депутатов, который смог легализовать новый орган государственной власти — президента Советского Союза.

На первых порах новые политические институты старались только снижать уровень социальной напряженности, а реальные политические решения по-прежнему оставались в руках аппарата КПСС, возглавляемого генсеком. Лишь в феврале 1990 г. Горбачев решил создать пост президента, подрывая тем самым монопольное положение партии. Съезд в марте 1990 г. выбрал Горбачева первым президентом СССР, изменив одновременно те положения конституции, которые гарантировали КПСС политическую монополию. Совпадение этих событий во времени хорошо иллюстрирует замысел заменить диктатуру партии «сильным» харизматическим президентством. Очень скоро оказалось, что новому президенту слишком тесно в границах конституции. После короткого периода демократизации советов он вернулся к практике концентрации власти. В октябре 1990 г. Съезд народных депутатов предоставил президенту чрезвычайные полномочия в проведении экономической реформы с помощью указов. Верховный главнокомандующий вооруженных сил получил

право издавать указы, имеющие силу закона. Таким путем реальная власть начала переходить из рук КПСС к президенту.

Внеконституционные действия президента подтолкнули и других политиков к похожим поступкам. Почти наавтра после занятия М.С.Горбачевым должности президента Нурсултан Назарбаев, первый секретарь ЦК КП Казахстана, предложил учредить пост президента в союзных республиках. Это предложение меняло логику преобразований, подрывая их исходное условие — «национальную консолидацию», по классической концепции Д.Растоу. Политическая конкуренция начала перемещаться из сферы межпартийного соперничества в сферу, определяемую институциональной структурой советской федерации. Политический ландшафт претерпел принципиальное изменение: с политической сцены начали исчезать партии, а их функции взяли на себя выбиравшиеся в республиках весной 1990 г. новые законодательные органы.

Суверенность России

В марте 1990 г. в РСФСР были проведены выборы народных депутатов, образовавших Съезд народных депутатов, то есть высший орган государственной власти, который имел полномочия — в соответствии с логикой «советской демократии» — создавать другие органы власти. Главным предметом заседаний первого Съезда народных депутатов РСФСР стало принятие декларации о государственном суверенитете РСФСР. Первоначально идею государственного суверенитета РСФСР в составе СССР выдвинул коммунист Александр Власов, занимавший к этому моменту пост премьер-министра РСФСР и добивавшийся должности председателя Верховного Совета. Он призвал к разграничению компетенций СССР и РСФСР. В ответ Борис Ельцин, соперничавший с Власовым, сформулировал лозунг «экономического суверенитета России». По его мнению, намерение РСФСР обрести независимую и абсолютную власть имело смысл только при условии образования республиканской собственности.

Ельцин считал, что полная и неделимая власть — так он понимал суверенитет, — охватывающая и экономическую сферу, составляет фундамент государства. Такой способ осмысления суверенитета соответствовал главенствующему в российской политической культуре пониманием власти в согласии с логикой обладания ею. Тут предполагается, что важен не институциональный аспект власти, а сам факт обладания ею в полном объеме. Декларация, принятая 12 июня 1990 г., полностью отвечала взглядам Ельцина. Она положила

начало длившейся несколько месяцев «войне законов», первым аккордом которой стало постановление «О разграничении функций управления организациями на территории РСФСР», отделившее Совет Министров РСФСР от правительства Советского Союза, а последним — закон «О собственности в РСФСР» от января 1991 г., предусматривающий переход всего союзного имущества под юрисдикцию республики. Можно рискнуть утверждением, что вместе с принятием этого закона Советский Союз перестал быть государством в веберовском значении этого понятия, утратив монополию владения материальными средствами осуществления власти.

Принятие в 1990 г. Белоруссией, Молдавией, Россией и Украиной деклараций о государственном суверенитете означало принципиальный поворот в развитии политической ситуации в Советском Союзе. В центре этой процедуры оказалась суверенность советских республик, а не их демократизация. Компромисс между политическими противниками не был достигнут, а основополагающим фактором политического процесса стала эскалация политической напряженности. Система позднесоветской демократии, опирающейся на конструкцию «Съезд — Верховный Совет», два раза терпела крах при трагических обстоятельствах: в августе 1991 г. — на уровне Советского Союза, а в сентябре 1993 г. — на уровне Российской Федерации. Развитие событий в 1990–1991 гг. показало ограниченное значение институционального анализа в рамках теории транзита и напомнило о важности более классических концепций, которые говорят о суверене как субъекте чрезвычайного положения и государстве как аппарате насилия.

В самой России логика конфронтации между союзными властями и властями республиканскими привела в начале 1991 г. к открытому расколу внутри российского Съезда народных депутатов. Ельцин, чья власть полностью зависела от народных депутатов, предпринял попытку преобразовать общественную поддержку в постоянный фактор легитимизации. В таких обстоятельствах родилась идея учредить в РСФСР/России пост президента, избираемого путем всеобщего голосования. В России то была новая идея с точки зрения способа создания высшей власти и источников ее легитимизации. Можно было бы признать, что учреждение должности президента РСФСР и проведение 12 июня 1991 г. первых прямых выборов на этот пост представляло собой осуществление и подтверждение предвидения, изложенного Максом Вебером в начале столетия. Тем более что первый президент России Борис Ельцин

подтвердил свою харизму, добившись в августе 1991 г. провала чрезвычайного положения. Появилась харизматическая фигура президента, способного противопоставить себя бюрократии и консервативным общественным группам. Однако же великая победа российской демократии оказалась ее последним словом, так как победивший политический лагерь уже в августе 1991 г. объявил мораторий на выборы, а президент России начал методом ползучего переворота перехватывать права и полномочия своего конкурента — президента СССР.

Выбор Ельцина на президентский пост и победа демократов в 1991 г. не только революционизировали способ формирования и легитимизации власти, но и начали процесс репродуцирования культурного архетипа власти, сконцентрированной в одних руках. В соответствии с этим архетипом, записанный в конституции принцип разделения властей понимался как способ размещения отдельных институтов в иерархической структуре власти. Процессу такого культурного репродуцирования способствовали и институциональные факторы. Российское президентство возникло в ходе политической конкуренции как способ преодоления кризиса советской системы, которая лишилась несущего остова КПСС. Институт президента занял в политической системе место, покинутое партией, и как бы автоматически вступил в конфликт с советами и Съездом народных депутатов, которых конституция наделила ничем не ограниченной властью. Политическая конкуренция превратилась в институциональный конфликт между органами власти, приведший в 1992–1993 гг. к кризису двоевластия и затем к вооруженным столкновениям в Москве 3–4 октября 1993 г., однако его контуры просматривались уже в августе 1991–го.

Немедленно после августовских событий Верховный Совет РСФСР принял закон, изменяющий устройство территориальных органов власти в государстве. Вместо коллегиальных исполкомов местных советов была создана должность главы администрации. В соответствии с этим законом руководителей администрации надлежало выбирать путем всеобщего голосования, но на переходный период, фактически до 1996 г., Верховный Совет объявил мораторий на выборы, передав президенту право назначать глав администрации указами. В августе 1991 г. для оценки предлагаемых кандидатур была образована администрация президента, однако никаких правил принятия решений по этим вопросам не разработали.

Первоначально президентскую администрацию не считали субъектом публичной политики, однако быстрый процесс перехватывания Ельциным полномочий президента Советского Союза (оборона, внешняя политика и спецслужбы) привел к тому, что она стала наиболее влиятельным — наряду с президентом — институтом власти. По сути дела в России от президента и его администрации зависят все политические институты. Процедуры принятия решений в администрации дополнительно осложнялись в 1990-х самостоятельной ролью отдельных помощников президента, руководителя его кабинета и главы охраны, что в значительной степени ограничивало роль ее формального руководителя. Зато в первый период президентства Владимира Путина неимоверно выросла роль главы администрации президента как фактического руководителя так называемой властной вертикали, или системы связей администрации с правительством и федеральными округами.

Чрезвычайно неформализованный характер функционирования администрации президента весьма уподобляет это учреждение аппарату ЦК КПСС как негласному органу власти. Можно рискнуть тезисом, что администрация президента совместно с Советом безопасности и с представителями президента в регионах, а с 2000 г. — в федеральных округах образуют самостоятельную и развитую структуру исполнительной власти, роль которой вытекает из центральной позиции президента в политической системе РФ.

В ноябре 1991 г. V Съезд народных депутатов на год наделил президента правом принимать в виде указов все решения, касающиеся проведения экономической реформы и формирования исполнительной власти. В дополнение к этому съезд назначил Ельцина на пост премьер-министра. В течение нескольких месяцев под юрисдикцию РСФСР/России перешли такие органы исполнительной власти Советского Союза, как вооруженные силы, внешнеполитические подразделения, специальные службы и функциональные министерства (например, финансов). Большинство союзных хозяйственных ведомств превращалось в государственные концерны (например, Газпром). Характерной чертой этого процесса было отсутствие юридических оснований в конституции РСФСР и в законе о президенте РСФСР, а также тот факт, что указанные преобразования опирались на чрезвычайное законодательство, постановления съезда и указы президента.

Политическая власть в России возникла и сформировалась под воздействием перенесения политического соперничества из

плоскости межпартийной конкуренции в плоскость двух институциональных конфликтов — конфликта союзных властей с республиканскими и конфликта между президентом России и народными депутатами, а также Верховным Советом. От политических процессов в других посткоммунистических странах политический процесс в России отличается отсутствием базового консенсуса по поводу преобразований. Победившее меньшинство навязало в августе 1991 г. свою волю большинству, а затем не легализовало последствий распада Советского Союза. В марте 1991 г. 71,3% активных избирателей России высказалось за сохранение Советского Союза. На Украине результаты этого мартовского референдума были 1 декабря 1991 г. аннулированы референдумом по вопросу о независимости. В России Верховный Совет ограничился единственно денонсированием союзного договора 1922 г., не приняв даже декларацию о независимости. Такая ситуация создала, по мнению Михаила Краснова, юридического советника президента Ельцина, состояние «мировоззренческой неопределенности»^[5], составлявшей предпосылку стремления к сохранению статуса великой державы. Государства СНГ 21 декабря 1991 г. признали за Россией статус «государства-продолжателя» Советского Союза. Тезис о России как «государстве-продолжателе» Советского Союза многократно формулировался Борисом Ельциным, а после 1999 г. — Владимиром Путиным.

Упрочение власти победившего меньшинства, которое пришло к руководству в результате поражения коммунистического переворота и успеха собственного «ползучего переворота», могло осуществиться исключительно в форме укрепления безальтернативного характера власти лично президента и его окружения, которое постепенно начало сужаться до круга «семьи». «В этой системе, — пишет Дмитрий Фурман, — не могут сложиться неизменные “правила игры”, при которых выигрывать, приходить к власти могут разные силы, а наоборот, обеспечивается постоянство пребывания у власти одного лица (или его наследников) при меняющихся в зависимости от ситуации “правилах игры”»^[6]. Демократия — это такая политическая система, в которой партии проигрывают или выигрывают на выборах. В России же в результате победы демократов возникла такая система, где правящие круги ни разу не проиграли на выборах, а смена власти может совершиться только в форме переворота. Отсутствие демократической легитимизации перемен, произошедших осенью 1991 г., предопределило не только безальтернативный характер российского президентства, но и дезинтеграцию политического контекста. Хаотичный характер

политической власти в России мы можем признать в равной степени как следствием революционных преобразований начала 1990-х, так и результатом того, что победителям было необходимо «покупать» себе поддержку влиятельных и активных общественных групп (например партийной номенклатуры).

Вновь обретенная свобода

Если в СССР и России мы имели дело с неудачной попыткой политического транзита от авторитаризма к демократии, заключавшейся в отсутствии легитимизации наступившего распада империи и, как результат, в несформированности механизма политической ротации власти, то Польша в процессе освобождения от империи столкнулась с проблемами, вытекающими из относительной слабости политических партий и конфликтного характера дуализма исполнительной власти.

В Польше уже много лет ведется оживленная дискуссия о причинах падения коммунизма и начала системных перемен, затрагивающая также связь между реформами Горбачева и теми изменениями, которые происходили в Польше во второй половине 1980-х. С хронологической точки зрения, конституционная реформа и выборы народных депутатов в СССР опередили соглашения «круглого стола», изменение конституции ПНР, а также выборы в Сейм и Сенат. Однако же с концептуальной точки зрения только начальную стадию перемен в Польше можно рассматривать как часть идеологической мутации империи. В Польше июньские выборы 1989 г. значительно ускорили развитие событий, а падение коммунизма в Европе было окончательно предрешено объединением Германии и ликвидацией советского бастиона в сердце континента. Выборы 1989 г. стали в Польше началом процесса постепенного внедрения и закрепления того механизма политической конкуренции, который в Советском Союзе и в России дважды потерпел крах при драматических обстоятельствах — в августе 1991-го и сентябре 1993-го.

На фоне других стран советского блока специфическим свойством политического транзита в Польше было существование организованной и относительно массовой оппозиции, которая охватывала рабочих государственных предприятий, объединенных в профсоюз «Солидарность». Нарастающий экономический кризис и отсутствие перспектив его преодоления в пределах советской империи привели к тому, что коммунисты начали стремиться к более глубокой интеграции ПНР с мировой системой при одновременном

сохранении своей политической власти. Первоначальные попытки втянуть специально отобранные оппозиционные группы в политический диалог, сопряженный с взаимными уступками, закончились неудачей. В этой ситуации коммунисты стали реализовать стратегию кооптации, всё время сопровождавшуюся ограниченным общественным давлением. Летом 1988 г. начались беседы министра внутренних дел Чеслава Кищака с председателем «Солидарности» Лехом Валенсой, результатом которых явился запуск механизма «круглого стола». Это привело к проведению 4 июня 1989 г. всеобщих выборов в две палаты парламента, напоминающих те «куриальные», выборы, которые проходили во многих европейских странах в период заката абсолютизма.

Созданный таким способом двухпалатный парламент провел выборы президента, которым стал первый секретарь ЦК ПОРП генерал Войцех Ярузельский, а Сейм назначил на пост премьер-министра генерала Чеслава Кищака. Ввиду протеста «Солидарности» миссия этого близкого сотрудника президента Ярузельского закончилась неудачей. Оппозиция образовала коалицию с прежними сателлитами коммунистов — крестьянской партией ЗСЛ и Демократической партией, а 24 августа 1989 г. Сейм назначил главой правительства Тадеуша Мазовецкого. Всеобщие президентские выборы, которые выиграл легендарный лидер «Солидарности» Лех Валенса, состоялись 25 ноября (первый тур) и 9 декабря (второй тур) 1990 г., а первые полностью демократические парламентские выборы прошли 27 октября 1991 года.

Можно, таким образом, признать, что выборы 1989 г. имели двойные последствия: с одной стороны, произошло значительное расширение политического участия, а с другой — был запущен механизм политической конкуренции и выборной ротации власти. Независимо от того, какие партии побеждали в следующие годы на выборах, политическая конкуренция всегда велась в форме партийного соперничества. Похожий механизм сложился и в остальных странах Центральной и Восточной Европы, причем независимо от того, как там возникали политические партии — с опорой на общественные сети нелегальной либо полуправовой оппозиции или же с опорой на аппарат бывших компартий.

Сущность демократической системы — право создавать разного рода политические объединения, которые располагают возможностью представлять и проводить в жизнь нужды и интересы тех или иных общественных групп. В условиях политического транзита основным ограничением развития

партии выступает неуверенность, связанная с отсутствием стабильных референтных структур в общественном окружении и в системе конституционно-административного устройства. Партийные лидеры стараются ограничить эту неуверенность через получение контроля над внешним окружением и происходящими там процессами. Ход демократизации в Польше определялся специфическими исходными условиями. Партии возникли в результате кризиса участия и кризиса легитимизации предыдущей системы. Их возникновению предшествовало полное изменение общественных установок по отношению к политической власти. Партии образовались как из фракций и обломков прежней номенклатуры, так и из окружения руководства «Солидарности», они создавались скорее сверху, а главной плоскостью их формирования были очередные парламентские выборы и функционирование законодательной власти. Элитарные и парламентские корни партий, отсутствие собственных партийных традиций и связей с интересами общественных групп, сила независимых профсоюзов и представительств некоторых хозяйственных отраслей предопределили институциональную слабость партий. Специфика исходных условий привела к тому, что в Польше не возникли сильные массовые партии. Польские политические партии ближе к моделям картельной партии или же к модели catch-all party (всеобъемлющей разношерстной партии). Несмотря на эти слабости, польские политические партии несомненно концентрируют распыленную публичную волю, а также удовлетворяют основному требованию по определению: они с успехом стремятся к завоеванию и удержанию верховной власти. Кроме того, партии обеспечили легитимизацию нового порядка.

Та принципиальная трудность, которую несет с собой ситуация перемены и которая состоит, помимо прочего, в переходе от видимого единства к открытой конкуренции, от монопартии к многопартийной системе, способствует общественному чувству дезориентации и с самого начала затрудняет задачу легитимизации новой системы. Новые власти были ограничены влиянием старой бюрократии, а их члены оказались вынуждены распутывать взаимоотношения с бывшей номенклатурой — трудные и порождающие большую неопределенность. Несмотря на это, польская политическая система позитивно выдержала тест на правомочность — в большой мере благодаря активности политических партий. Это подтверждается прохождением двух критических точек демократической перемены. Во-первых, внутри политической системы в результате выборов многократно состоялась передача политической власти между различными партиями.

При этом два раза власть передавалась от коалиции партий родом из «Солидарности» к партии бывшей номенклатуры, что можно признать особо трудным испытанием демократизации. Сходная передача власти касалась и поста президента. Во-вторых, часто совершалась передача власти внутри самих политических партий, между их лидерами, что также надлежит признать важным тестом на консолидацию демократии.

Польские политические партии оказались исключительно непрочными и неспособными войти в стадию институционализации. Основным участником избирательной игры в Польше остаются не политические партии, а предвыборные коалиции. Распад крупных антикоммунистических коалиций в начале 1990-х привел к партийному раздроблению, частым слияниям и дальнейшим расколам. Из числа антикоммунистических группировок, которые действовали в Сейме, избранном в 1991 г., ни одна не продержалась больше десяти лет, а их лидеры рассеялись по различным формированиям, нередко выступая теперь одни против других. Еще в 2001 г. в Сейм попали политические партии, которые до того были только предвыборными комитетами («Лига польских семей», «Гражданская платформа», «Право и справедливость»), а «Самооборона» была продуктом специфического слияния профсоюза и политической партии.

Польские политические партии еще и нестабильны. В принципе только две политические группировки участвовали с 1991 г. во всех парламентских выборах под одним и тем же названием: крестьянская партия ПСЛ и «Союз демократических левых сил»; все остальные партии претерпевали частые организационные и персональные метаморфозы. Многие из партий, добивавшихся высоких результатов на выборах 1991 и 1993 гг., уже завершили свою политическую жизнь («Конфедерация независимой Польши», «Либерально-демократический конгресс», «Соглашение центра», «Уния свободы»). Практически в каждом избирательном цикле появлялись новые политические субъекты, которые возникали незадолго до выборов, и многие из них оказались эфемеридами. Тот факт, что они привлекали значительную часть избирателей, хотя их программные предложения не были хорошо известны, указывает на весьма слабую связь политических партий с избирателями. Хорошим примером флуктуации электоральной поддержки служит коалиция «Избирательная акция “Солидарность”» — «Уния свободы», которая на выборах 1997 г. совместно завоевала

целых 47,2% голосов, чтобы четыре года спустя довольствоваться поддержкой всего лишь 8,7% избирателей.

Невзирая на эти негативные тенденции, доказательством в пользу стабилизации польской партийной системы может быть ее концентрация, иначе говоря, рост поддержки тех партий, которые на выборах занимают первое и второе места. Победитель выборов 1991 г. — «Уния свободы» — располагала поддержкой 12% избирателей, тогда как в 2001 г. сильнейшая из группировок — «Союз демократических левых сил» — получила свыше 40% голосов. Процент голосов, отданных двум самым крупным партиям, рос с 1991 до 1997 г., когда он достиг уровня 60%, а на очередных выборах снизился до 54%, чтобы на последующих выборах вновь вырасти. В ходе выборов 2005 и 2007 гг. два первых места завоевали одни и те же партии — «Право и справедливость» (ПиС) и «Гражданская платформа», — что может предвещать начало стабилизации польской партийной системы.

Перемены 1989 г. не только запустили в Польше механизм политической конкуренции и избирательной ротации власти, но также изменили способ создания и функционирования исполнительной власти. Правительство назначается парламентом и несет перед ним политическую ответственность. Поэтому характер и структура польской партийной системы существенным образом влияют на функционирование исполнительной власти, так как качество исполнительных органов в значительной степени зависит от того, кто их образует. Это качество зависит также от избирательной системы. В общем, чем менее пропорциональный характер носит избирательная система, тем сильнее позиция крупных политических партий, а значит, и правящей партии. Отсутствие заградительной клаузулы и низкий уровень порога исключения усиливают раздробленность парламента. К сходным последствиям ведет и применение метода Сен-Лаге вместо метода д'Ондта при переводе числа полученных голосов в количество мандатов. Хорошим примером этого служат парламентские выборы 1991 г., когда в Сейм попали представители целых 26 группировок. В период с декабря 1991 до мая 1993 г. действовали три премьер-министра. Для сравнения: в 1997 г. в Сейм вошли четыре группировки, а премьер-министр Ежи Бузек хотя и с трудностями, но функционировал на протяжении четырех лет. В 2001 г. в Сейм вошло 6 группировок, а у власти сменились два премьер-министра.

Управление государством представляет собой не только изъявление воли суверена, осуществляемое при помощи права и нормативных актов, но в первую очередь — умение координировать разного рода ресурсы, находящиеся в распоряжении исполнительных органов. Только такой центр, который способен добиваться, чтобы различные институты исполнительной власти проводили в жизнь единообразную политическую стратегию, может воздействовать на окружающую действительность. В демократических странах такой центр чаще всего располагается в правительстве и учреждениях, работающих непосредственно на его главу, и называется ядром правительства (*core of government*). После 1989 г. сменявшие друг друга демократические правительства пытались создавать современные инструменты управления, но лишь в 1997 г. было осуществлено принципиальное изменение ядра исполнительной власти. Премьер-министр сделался с тех пор неоспоримым главой правительства, а не только председателем совета министров. Проблема заключается в том, что в посткоммунистических государствах ядро правительств — это изолированный остров в море администрации, которая нацелена на пассивное выполнение приказов сверху, а не на участие в осуществлении целостных политических стратегий. Дело в том, что ядро правительства находится вне круга неформальной практики принятия решений, а правовые инструменты, принуждающие к координации внутри правительства, неэффективны.

Можно указать на несколько причин такого состояния дел в Польше. Во-первых, это отсутствие единственного ядра исполнительной власти, выражающееся хоть бы в виде хронического конфликта между президентом и премьер-министром. Во-вторых, институциональная раздробленность администрации, заключающаяся в функционировании большого числа министерств и центральных органов. В-третьих, хаотичный характер правительственных коалиций, особенно ощутимый ввиду значительно большего влияния парламента на формирование политики, чем это имеет место в большинстве стран Западной Европы. После 1989 г. все правительства Польши создавались партийными коалициями, располагающими в Сейме минимально необходимым числом голосов, что в условиях сильных идеологических расхождений, исключающих создание синкретических коалиций, вело к дестабилизации любой правящей коалиции. Конфликты внутри коалиций приводят к тому, что большинство правительств Польши эффективно осуществляло свою власть лишь на протяжении 16 месяцев. По истечении этого срока начиналось резкое падение их рейтингов в опросах

общественного мнения и беспомощный дрейф вместо управления. Так было с кабинетом Вальдемара Павляка (хотя его поддерживали почти две трети Сейма), а позже — с правительствами Ежи Бузека и Лешека Миллера.

Ярослав Качинский был, пожалуй, первым премьер-министром, который сознательно хотел обойти «закон 16 месяцев»^[7]. Использованная им политическая стратегия, по мнению Рафала Матыи, «вытекала не столько из плана управления, сколько из проекта укрепления управляемости коалиционного кабинета»^[8]. Качинский старался избежать судьбы кабинетов Бузека, Миллера и Бельки, которые функционировали в ритме политических скандалов, партийных расколов и газетных утечек. Его стратегия, ставившая целью не принимать «повестку дня», навязанную извне, состояла в том, чтобы выстраивать настоящие политические кризисы в условиях, гарантирующих возможность сохранить контроль над их протеканием, и формулировать убедительные тезисы, нацеленные на оппозицию, участников собственной коалиции или избранные профессиональные круги. Дополнительный метод состоял в том, чтобы отслеживать реальные или потенциальные сложности у членов правительства, участников коалиции и оппозиции при помощи инструментов, которыми располагает только глава правительства. Принятая Качинским стратегия привела к быстрой растрате капитала доверия внутри коалиции, к утрате благосклонности общественного мнения, а в результате — к падению управляемости самого правительства. Все это закончилось поражением ПиС на парламентских выборах 2007 года.

Монополия компартии, выражавшаяся в конституционном принципе монолитной государственной власти, была после 1989 г. заменена в Польше принципом торможения и уравнивания различных органов власти. Checks and balances (система сдержек и противовесов) понимается, однако, исключительно в негативном смысле — как ограничение всякой власти при минимизации значения любого сотрудничества. Правило взаимного блокирования, которое описал Артур Волек^[9], касается не только взаимоотношений между исполнительной и законодательной властью, но и взаимных отношений внутри законодательных органов, между Сеймом и Сенатом, и внутри исполнительных органов, между премьер-министром и президентом.

Дуализм как законодательной, так и исполнительной власти прямо вытекает из административных решений в сфере

государственного устройства, принятых в 1989 году. Должность президента и Сенат были формально учреждены в силу закона об изменении конституции, принятого последним Сеймом ПНР 7 апреля 1989 года. Положения этого закона были результатом компромисса, согласованного на переговорах «круглого стола». Сенат должен был выбираться путем всеобщего голосования, но иначе, чем Сейм, — без применения квот для различных политических сил. А вот президент выбирался Национальным Собранием на срок в шесть лет. Из принятых решений вытекало, что новым учреждениям предстояло гарантировать защиту определенных интересов. Сенат должен был гарантировать более масштабное участие оппозиции в законодательной власти, чем это следовало из положения о выборах в Сейм. Президенту же — предполагая, что им должен был остаться генерал Ярузельский, — предстояло оберегать интересы номенклатуры.

Политическая практика закрепила формальный дуализм. Принятие летом 1989 г. принципа «ваш президент, наш премьер» задумывалось только как способ решения конкретной проблемы в конкретной ситуации. С сегодняшней точки зрения, эта концепция, по словам Мацея Джонека, «стала катализатором расколов и создания резкого дуализма по принципу противопоставления, а не кооперирования. В дуализм исполнительной власти был в 1989 г. вписан существовавший тогда общественный раскол, который определялся термином раздела по линии “мы-они”»^[10]. Отныне во взаимоотношения премьер-министра с президентом навсегда был вписан политический антагонизм.

Решающее значение в выработке основных принципов функционирования дуализма исполнительной власти имели первые годы системных перемен. Закон 1989 г. об изменении конституции наделил президента, помимо полномочий представительского характера, тремя существенными полномочиями: возможностью накладывать вето на законы, правом назначать премьер-министра, а также правом в строго определенных случаях распускать парламент. Фактически Войцех Ярузельский располагал существенными возможностями воздействия на политику правительства Тадеуша Мазовецкого, например через своих близких сотрудников — генералов Чеслава Кищака и Флориана Сивицкого, возглавлявших министерства внутренних дел и обороны. В сентябре 1990 г. Сейм принял постановление о сокращении срока полномочий Ярузельского, а также обновил конституцию, устанавливая прямые выборы президента. Поражение Тадеуша Мазовецкого на президентских выборах

содействовало ослаблению позиции премьер-министра и укреплению позиции нового президента — Леха Валенсы.

Самым важным документом, описывающим новую расстановку политических сил в Польше, был принятый 17 октября 1992 г. закон о взаимных отношениях между законодательной и исполнительной властями, в обиходе называвшийся «малой конституцией». В целом этот закон усиливал позицию президента в структуре государственного устройства, предоставляя ему, помимо права назначать премьер-министра, еще и возможность в определенных обстоятельствах создавать на период до шести месяцев так называемое президентское правительство. Кроме того премьер-министр был обязан выслушивать мнение президента о назначении министров обороны, внутренних и иностранных дел. Президент осуществлял «общее руководство» в сферах международных отношений, внутренней и внешней безопасности страны. «Малая конституция» разрешала применять обычный вотум недоверия, что в кризисных ситуациях усиливало позицию президента. Политическая практика 1992–1995 гг. дополнительно укрепила позицию президента в административной структуре государственного устройства, так как Леху Валенсе была присуща отчетливая тенденция к расширенному толкованию своих полномочий.

Хотя новая конституция принималась 4 апреля 1997 г., ее писали с мыслью об ограничении политической роли Леха Валенсы. Положения нового основного закона лишили президента возможности создавать президентское правительство и высказывать свое мнение о кандидатах на посты министров обороны, внутренних и иностранных дел. Премьер-министр освобождался от обязанности информировать президента о работе правительства. В сфере иностранных дел и безопасности «общее руководство» президента заменялось обязанностью обеспечивать взаимодействие президента с премьер-министром и соответствующими министрами. Основным законом восстановил конструктивный вотум недоверия, что укрепило позицию главы правительства. У президента остались, однако, многие из его полномочий, что позволяет говорить о сохранении дуализма исполнительной власти. Сам по себе такой дуализм нельзя считать негативным — проблема состоит только в том, как он применяется. Дуализм исполнительной власти довольно часто встречается в практике государственного устройства демократических государств, а для польского политического строя он традиционен. Дуализм функционировал как в межвоенный период во Второй Речи Посполитой, так и в ее

властях в изгнании. Опыт польского транзита государственного устройства показывает, что взаимоотношения в кругах исполнительных органов изменчивы. Часто главами правительства становились второстепенные политики. Да и структура партийной системы, особенно при сильной партийной раздробленности парламента, повышает значение дуализма исполнительной власти.

Для успешного функционирования этого дуализма важнейшее значение имеет сотрудничество президента и премьер-министра на благо проведения государственной политики, что сопряжено в первую очередь с цельностью внешней политики. В Польше проблема с дуализмом заключается в том, что он часто становится политическим соперничеством, причем, как это ни парадоксально, самым острым оно становилось в тех случаях, когда премьер-министр и президент были выходцами из кругов с одной и той же идейной ориентацией. Хорошим примером этого служит президентство Леха Валенсы, когда премьером был Ян Ольшевский, президентство Александра Квасневского, когда премьером был Лешек Миллер, и президентство Леха Качинского, когда пост премьер-министра занял Дональд Туск. Рост эффективности польского дуализма потребует, наверное, укрепления административной позиции одного из двух центров исполнительной власти.

Политическая стабилизация в России

Указ президента Бориса Ельцина от 21 сентября 1993 г., положивший конец советской конституции и распустивший органы представительной власти, носил название «О поэтапной конституционной реформе в Российской Федерации» и, следовательно, предвещал реформу политического и правового устройства послереволюционной России. Принятие новой конституции в декабре 1993 г. завершило двухлетний кризис двоевластия, который привел к вооруженным столкновениям в Москве 3-4 октября того же года. В преамбуле конституции речь идет о народах, «соединенных общей судьбой на своей земле», о «возрождении суверенной государственности России» и о «сохранении исторически сложившегося государственного единства». Тем самым законодатель исходил из того, что когда-то существовало суверенное российское государство и ныне его территориальная преемственность сохранена. Отбрасывая советское прошлое, новые власти не декларировали правовую преемственность ни по отношению к Российской империи, ни к кратковременной республике. Отказались они и от идеи

выборов Учредительного собрания. Новую конституцию приняли 12 декабря 1993 г. путем всеобщего голосования. Вместе с конституционным референдумом состоялись выборы Федерального Собрания. Президентские выборы прошли в 1996 г. и были уже в значительной степени управляемыми — вплоть до того, что в конечном итоге Ельцин вернулся к монархической практике назначения преемника.

Из 27 государств, пребывавших в пределах советской империи, 16, не входивших в 1940 г. в состав Советского Союза, выбрали для себя парламентскую или смешанную, президентско-парламентскую модель организации государственной власти. Во всех этих государствах сложилась достаточно стабильная партийная система, а власть несколько раз передавалась с помощью выборов. В остальных 11 государствах, входивших в состав Советского Союза до 1940 г., сформировались президентские системы. Партийные системы в них очень слабы, а оппозиция лишь в немногих случаях получала пост президента в результате выборов. Из этой группы государств только на Украине произошла политическая реформа, повысившая значение парламента и направленная на укрепление механизмов разделения и уравнивания властей.

В России система прямых президентских выборов в два тура сложилась еще до распада Советского Союза, в 1991 году. Кроме того, на президентских выборах никогда не побеждал представитель оппозиции. В 1991 г. президентом стал Борис Ельцин, во время выборов занимавший пост председателя Верховного Совета РСФСР, в 2000 г. президентом стал и.о. президента, премьер-министр Владимир Путин, а в 2008 г. на выборах победил официальный «преемник», вице-премьер Дмитрий Медведев. Дважды, в 1996 и 2004 гг., имело место переизбрание действующего президента. Четыре раза фаворит выигрывал выборы в первом туре, а в 1996 г. победу Ельцину обеспечили выборы, проходившие в два тура.

Способ выбора Государственной Думы был введен указом президента от 1 октября 1993 г. и с определенными коррективами сохранял силу до 2005 го. В рамках смешанной системы половина депутатов выбиралась простым большинством в одномандатных избирательных округах, а вторая — в федеральном избирательном округе пропорционально числу голосов, отданных за федеральные избирательные списки. Пересчет количества полученных голосов в мандаты с применением метода Хэра, а также пятипроцентный избирательный порог создавал в Думе

добротное представительство партийных лидеров, что обеспечивало им большую автономию и давало возможность заключать политические компромиссы. Автономия партийных лидеров, ограниченные права Думы и слабость гражданского общества привели к тому, что в России не возникли полноценные политические партии в подлинном смысле этого слова. Роль выразителей важных интересов взяли на себя депутаты, избираемые в одномандатных округах. Их не связывала партийная дисциплина, а главным политическим ресурсом служили у них личные контакты и знакомства, что также не способствовало консолидации партийной системы.

В результате применения смешанной избирательной системы Россия в меру спокойно прожила девяностые годы — по крайней мере, в сравнении с периодом 1990–1993 гг. Антиреформаторская оппозиция всегда выигрывала выборы в федеральном округе, но никогда не была в состоянии образовать правительство. Оппозиция, как правило, в существенных вопросах заключала компромиссы с президентом, критикуя его лишь по вопросам, имеющим пропагандистское и эмоциональное значение. В период действия смешанной избирательной системы только один раз была начата процедура, имевшая целью обвинить президента и привлечь его к ответственности, тогда как в 1990–1993 гг. Съезд народных депутатов систематически грозил применением этой процедуры^[11]. Способ функционирования российской политической системы в 1993–2005 гг. хорошо передает феномен двойного большинства. В президентских выборах или референдумах всегда выигрывал кандидат правящего лагеря, но в парламентских выборах неизменно побеждала оппозиция, а «партии власти» терпели поражение. В голосовании 12 декабря 1993 г. разница между числом голосов, отданных за президентский проект конституции, и голосами, поданными за обе «партии власти», достигла 2,7 раза!

С принятием новой конституции существенным способом воздействия президента на формирование политических стратегий стали его ежегодные обращения к Федеральному Собранию. Темой первых таких обращений, подготовленных в 1990 е, было укрепление государства и рост эффективности исполнительной власти. На этом основании группа экспертов под руководством Михаила Краснова, помощника президента по правовым вопросам, подготовила в 1997–1999 гг. концепцию реформы государственного устройства. Она сосредоточилась на шести самых важных вопросах: реорганизация государства в соответствии с концепцией разделения властей, гарантирование конституционного единства системы

исполнительной власти на всех уровнях, разработка концепции государственной службы, приспособление системы управления к новым условиям рыночной экономики, открытость процесса принятия решений.

Концепции реформы государственного устройства вытекали из уверенности многих экспертов в неэффективности той политической системы, которая сложилась в России после бурных 1991–1993 годов. Среди экспертов господствовало убеждение, что главная причина этой неэффективности состоит в сосредоточении слишком большой власти в руках президента^[12]. Однако в 1990-е политическое внимание в большей степени концентрировалось на проблеме преобразования России в федерацию регионов, чем на создании более сбалансированной системы власти. Попытка внести изменения была предпринята лишь в условиях глубокого общественного кризиса, вызванного дефолтом 17 августа 1998 года. Массовые акции протеста 7 октября того года проходили под лозунгами отставки Ельцина. В таких обстоятельствах президент пообещал заключить политическое соглашение, где бы предусматривалось перераспределить полномочия между ветвями власти и даже изменить конституцию. Формой компромисса было назначение в первый и последний раз в новейшей истории России правительства парламентского большинства под руководством Евгения Примакова.

Значение этого события можно сравнить с избранием Ельцина на пост президента в результате всеобщего голосования в июне 1991 г. Тем более что создание правительства парламентского большинства сопровождалось обещанием изменить конституцию и перераспределить полномочия ветвей власти. Образование правительства Примакова в 1998 г. — точно так же, как избрание Ельцина в 1991 г., — таило в себе зародыш регресса, вытекающего из исторических и политических обстоятельств возникновения государственного строя Российской Федерации^[13]. Президент имел в виду всего лишь тактически разделить с Государственной Думой ответственность за кризис, а отнюдь не в корне изменить конституцию.

Источники тогдашней политики Ельцина нужно, видимо, искать в реакции федеральных властей на дефолт — в том, что политолог Эмиль Паин назвал «маятником политических стратегий». Если выход из кризиса 1991 г. Ельцин видел в федерализме, то выход из кризиса 1998 г. окружение Ельцина обнаружило в конструировании «катастрофических»

настроений после дефолта^[14]. Уже в сентябре 1998 г. несколько губернаторов сформулировали концепцию вертикали власти, иначе говоря, оси, связывающей правительство и администрацию президента. Существенным свойством этой концепции было снова апеллирование к архетипу «сосредоточения» всей полноты власти в одних руках и отклонение проектов административной реформы, которая состояла в углублении институционализации исполнительной власти в России. Назначение в августе 1999 г. Владимира Путина на пост премьер-министра, а затем занятие им должности президента означало возврат к практике неформальной концентрации власти в руках президента и его администрации.

Путин стал президентом не с целью осуществить политическую реформу, обещанную во время кризиса, а для того, чтобы стабилизировать ельцинскую политическую систему посредством ограничения плюрализма внутри политических элит. В мае 2000 г. были образованы федеральные округа и институт полномочных представителей президента в округах. Эти представители в качестве чиновников президентской администрации должны координировать деятельность территориальных подразделений особых сфер администрации (например спецслужб, налоговых служб). Изменению подверглись принципы формирования Совета Федерации, а также принципы назначения руководителей республик, краев и областей, хотя для местной администрации всё осталось неизменным. Право назначения глав областей и республик было с помощью особого закона предоставлено президенту. Тем самым оказались значительно расширенными его полномочия, перечисленные в главе 9 конституции 1993 года.

В 2001–2005 гг. было также внесено много изменений, ограничивающих политическую конкуренцию, в частности избирательный порог поднят с 5% до 7%, ликвидированы одномандатные избирательные округа, а смешанная избирательная система заменена чисто пропорциональной. Это увеличило контроль федеральных властей за формированием партийных списков, ходом выборов и функционированием парламента.

Самым важным изменением, осуществленным в период президентства Путина, было восстановление негласной инфраструктуры власти, составленной из огромного количества функционеров спецслужб, которых разместили по всем органам власти, общественным организациям, экспертным центрам, средствам массовой информации и

частным фирмам. Причины такого явления нельзя искать в реальных успехах спецслужб в России, так как в 1990-е их деятельность сопровождалась целой серией впечатляющих поражений. Причиной стал, наверно, тот консенсус, который сложился в обществе по поводу восприятия 1990-х как периода хаоса. У истоков оценки всего периода преобразований как хаоса лежит временная атрофия политической власти в первой половине 1990-х и частичная утрата государством монополии на легальное применение насилия, что в соответствии с классическим определением Вебера составляет основополагающее свойство современного государства. Хотя крах государства не был полным, однако уже сам опыт жизни в условиях подобной угрозы мог сформировать новый способ восприятия основ общественного порядка. Люди, которые испытали — хоть бы только в воображении — низведение общественных отношений до голого насилия, могут потом с особым упорством искать прочную основу общественного порядка. Такой тип обыденной политической теории предполагает, что люди хотели бы видеть демонов первобытной борьбы за существование обузданными, а состояние тотальной войны всех против всех — замененным по крайней мере на состояние «холодной войны».

Проблема политической реформы возникла в России приблизительно в то же самое время, когда в Польше произвели реформу ядра правительства. Она имела целью усовершенствовать дуализм исполнительной власти и укрепить ее способность формулировать политические стратегии. Политики в Польше и России столкнулись с похожими проблемами — глубоким экономическим кризисом, утратой общественного доверия, слабостью политических партий, а также слабостью институтов, унаследованных от коммунизма и неспособных выстраивать хоть какую-нибудь стратегию. В России, однако, концепцию реформы отбросили, и сложилась моноцентрическая система политической власти. Эта система в малой степени напоминает классическую президентскую республику, отличительной чертой которой является разделение исполнительной и законодательной власти, что гарантирует независимую и сильную позицию второй.

Конституция Российской Федерации с формальной точки зрения походит во многих местах на конституцию Французской Республики с ее полупрезидентским режимом, но в реальной политической практике полномочия парламента настолько ограничены, что Виктор Шейнис назвал Россию республикой не столько суперпрезидентской, сколько

«недопарламентской»^[15]. Морис Дюверже связывал возникновение полупрезидентской системы во Франции с кризисом власти, а также с существованием авторитарных тенденций в обществе. В 1990-е сходная ситуация существовала в большинстве постсоветских государств, где полупрезидентский режим представлял собой ответ на кризис, вызванный падением империи в обществах со слабыми демократическими традициями, особенно к востоку от советской границы 1940 года. Постепенный выход этих государств из кризиса начал порождать эрозию полупрезидентской системы, что лучше всего видно на примере Украины. Однако нигде это не привело к возникновению парламентской системы. Слабость политических партий и слабость парламента вызвали в России замену дуализма исполнительной власти президентским моноцентризмом, дополнительно усиленным неформальными связями внутри синдиката специальных служб.

Автор — член Польско-российской группы по трудным вопросам.

-
1. См. Мельвиль А. Политические ценности и ориентации и политические институты // Россия политическая. Под ред. Л.Шевцовой. М.: Моск. центр Карнеги, 1998, с.166–167.
 2. См. Макаренко Б. «Цветные революции» в контексте демократического транзита // Мир перемен. 2005. №3.
 3. См. Салмин А. Изнанка внешней политики. Внутренние факторы в системе международных связей, обязательств и проектов Российской Федерации // Российская полития на рубеже веков. Избранные статьи. Под ред. А.Салмина. М.: Полития, 2001, с.145 и след.
 4. См. Гайдар Е. Гибель империи. Уроки для современной России. М.: РОССПЭН. 2006.
 5. См. Краснов М. Административная реформа (1991–2001): почему сохраняется ее актуальность// Страна после коммунизма: государственное управление в новой России. Т.1. М.: Ин т права и публичной политики, 2004, с.99–101.
 6. Фурман Д. Политическая система современной России и ее жизненный цикл // Свободная мысль. 2003. №11, с.6.
 7. См. Wolek A. Instytucje, glupku! // Gazeta wyborcza. 14.02.2007.
 8. Matyja R. Centrum władzy wykonawczej w praktyce rządów Prawa i Sprawiedliwosci 2005–2007 // Władza wykonawcza w Polsce i

Europie. Red. M.Drzonek, A.Wolek. Krakow–Nowy Sacz: OMP–WSB–NLU, 2009, s.59.

9. См. Wolek A. Demokracja nieformalna. Konstytucjonalizm i rzeczywiste reguły polityki w Europie Środkowej po 1989 roku. Warszawa: Inst. Studiów Polit. PAN, 2004, s.118–119.
10. Drzonek M. Efektywny czy dysfunkcyjny? Dylematy dualizmu polskiej egzekutywy // *Władza wykonawcza...*, цит. соч.
11. См. Макаренко Б. Новый закон о выборах и эволюция режима // *Pro et Contra*. 2006. №1, с.95–103.
12. Отчет, подготовленный фондом «Реформа». См. Мигранян А. [и др.]. Проблема субъектности российской политики. Олигархизация власти в Москве чревата ослаблением государства // *Независимая газета*. 18–19.02.1998.
13. См. Клямкин И. Постсоветская политическая система в России (возникновение, эволюция и перспективы трансформации) // www.liberal.ru/article.asp?Num=53; распечатка, с.2.
14. См. Паин Э. Этнополитический маятник. Динамика и механизмы этнополитических процессов в постсоветской России. М.: Ин-т социологии РАН, 2004, с.195–212.
15. См. Шейнис В. Взлет и падение парламента: Переломные годы в российской политике (1985–1993). Т.1–2. М.: Моск. центр Карнеги, 2005.

ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

- 4 июля во втором туре выборов президентом Польши был избран Бронислав Коморовский, набравший 53,01% голосов. За его противника, Ярослава Качинского, проголосовали 46,99% избирателей. Явка составила 55,31%.

В первом туре, прошедшем 20 июня, за пост президента боролись 10 кандидатов. Бронислав Коморовский набрал 41,54% голосов, Ярослав Качинский — 36,46%, Гжегож Наперальский (Союз демократических левых сил) — 13,68%. За остальных кандидатов — Януша Корвина-Микке, Вальдемара Павляка, Анджея Олеховского, Анджея Леппера, Марека Юрека, Богуслава Зентека и Корнеля Моравецкого — проголосовало от 0,13 до 2,28% избирателей. Явка составила 54,9%.

- Согласно опросу ГфК «Полония», проведенному за 10 дней до первого тура президентских выборов, за Бронислава Коморовского («Гражданская платформа») проголосуют 42% избирателей, за Ярослава Качинского («Право и справедливость») — 29%, за Гжегожа Наперальского (Союз демократических левых сил) — 11%, за Вальдемара Павляка (крестьянская партия ПСЛ) — 4%. Во втором туре Бронислав Коморовский наберет 58% голосов, а Ярослав Качинский — 34%. («Жечпосполита», 12–13 июня)

- «Согласно опросу ЦИОМа, проведенному с 8 по 13 мая, деятельность Бронислава Коморовского на посту маршала Сейма, исполняющего обязанности президента, положительно оценивают 62% респондентов. Противоположного мнения придерживаются 18%». («Газета wyborcza», 20 мая)

- «Институт изучения общественного мнения «Номо Номини» спросил, имеет ли значение для выборов увлечение Бронислава Коморовского охотой. 64% опрошенных ответили, что не имеет, а около 15% — что имеет. Исходя из того, что в президентских выборах будут участвовать около 15 млн. человек (так было на выборах 2005 г.), из которых 45% заявляют, что готовы поддержать кандидата «Гражданской платформы» (ГП), можно подсчитать, что приблизительно для миллиона избирателей охотничья страсть Коморовского имеет значение». («Жечпосполита», 20 мая)

• «Я необычайно ценю, что в определенных ситуациях можно быть выше всех разделений и с уважением относиться к аргументам другой стороны. Господин Коморовский пригласил меня на парад в Москву, а я с удовольствием и благодарностью принял его приглашение. Летели мы вместе (...) В моем понимании маршал Коморовский обладает харизмой. Его отличают достоинство и величавость, но в то же время это человек открытый, умеющий устанавливать непосредственные отношения, с чувством юмора (...) Ведь я знаю его уже много лет, особенно когда он был министром национальной обороны (...) После трагедии под Смоленском я написал письмо Ярославу Качинскому. По-человечески я глубоко ему сочувствую. С другой стороны, я ценю его характер, стойкость (...) Я не ждал ответа (...) Ярослав Качинский сказал когда-то, что я заслуживаю пули в лоб, что меня можно сравнить с Адольфом Эйхманом, что судьба Чаушеску была бы для меня слишком жестокой, но тюрьма — почему бы и нет?» — генерал Войцех Ярузельский. («Польша», 19 мая)

• «Мне казалось, что обретение независимости должно привести к росту взаимной доброжелательности, великодушия и всенародной солидарности, а не к «холодной гражданской войне» и таким методам сведения счетов с прошлым, которые не могли не сказаться отрицательно на образе Польши», — проф. Анджей Валицкий, член Польской Академии наук, профессор Университета Нотр-Дам (США) на пенсии. («Пшеглэнд», 30 мая)

• Согласно опросу Лаборатории социологических исследований от 4 июня, ГП поддерживают 45% поляков, «Право и справедливость» (ПиС) — 37%, Союз демократических левых сил (СДЛС) — 9%, крестьянскую партию ПСЛ — 4%. («Газета wyborcza», 7 июня)

• «Юг Польши. Закрыты школы, дороги, сорваны мосты, залиты тысячи домов (...) «Холодильник и мебель плавают, я только собаку успел спасти», — говорит Марек Яблонский, 65 летний житель гмины Вильча в Гливицком повете». («Жечпосполита», 19 мая)

• «Известно, что с залитых территорий пришлось эвакуировать 23 тыс. человек. Пострадать могло даже 100 тыс. хозяйств. Ограничено движение на более чем 300 км дорог, закрыто 70 км железнодорожных путей». («Газета wyborcza», 22-23 мая)

• «Приют для бездомных животных в Кракове закрыт. Большинство из более чем 700 животных (главным образом собак) и около 120 кошек нашли временное пристанище в

Краковском клубе верховой езды. Многих из них взяли в свои дома краковяне (...) После того как по радио и в Интернете было объявлено об угрозе наводнения, краковяне сразу же начали приезжать в приют. Некоторые брали животных к себе, другие на своих машинах помогали перевозить собак и кошек в клуб». («Польша, 20 мая)

- «Премьер-министр Дональд Туск заверил, что если ущерб от наводнения достигнет 3 млрд. евро, то Польша сможет рассчитывать на 100 млн. евро помощи ЕС». («Польша», 21 мая)

- «Из Москвы в Польшу прибыл самолет со спецоборудованием для борьбы с наводнениями (...) Польша впервые воспользовалась соглашением о взаимопомощи, подписанным в 1993 году (...) Россия передала польской стороне 18 насосов высокой мощности, 34 лодки и 5 передвижных электростанций (...) «Мы готовы оказать дополнительную поддержку», — сказал представитель МЧС Николай Пахомов». («Жечпосполита», 26 мая)

- «Ущерб от наводнения составил 14 млрд. злотых. Вторая волна наводнения приведет к очередным потерям польских хозяйств и предприятий. В общей сложности они могут достичь 1% ВВП. По предварительным подсчетам, первая волна наводнения нанесла ущерб в размере 10 млрд. злотых». («Жечпосполита», 7 июня)

- «13 лет назад премьер Влодзимеж Цимошевич, который правил в период очень хорошей конъюнктуры, проиграл из-за одного неудачного, хотя искреннего высказывания: «Надо было застраховаться» (...) В Польше нельзя избежать последствий наводнений, так как тысячи домов построены на пойменных землях (...) В докладе Высшей контрольной палаты от декабря 2009 г. перечислено множество примеров плохого состояния инфраструктуры по борьбе с наводнениями». (Витольд Гадомский, «Газета wyborcza», 22-23 мая)

- «Многие гмины сознательно разрешают строить дома на землях, находящихся под угрозой наводнения». («Жечпосполита», 9 июня)

- «“Во многих странах давно поняли, что на пойменных землях строить нельзя”, — говорит Рената Дэвидсон, эксперт по кризисному планированию. Президент (мэр) Тарнобжега объясняет, что городские власти давали разрешения на строительство, так как не ожидали такой высокой воды (...) В гмине Гожице под водой оказалось несколько тысяч хозяйств. Многие из них были построены уже после наводнения 2001 года

(...) Крестьяне говорят: “Это наши наследственные земли. Почему мы должны оттуда переезжать? Пусть гмина защитит нас от наводнений”». («Жечпосполита», 22–23 мая)

• «Мы строили главным образом защитные валы. Это методика XIX века (...) Надо ввести запрет на строительство на пойменных землях и построить систему, рекомендованную ЕС. Необходимы польдеры и регулирующие резервуары (...) Политики думали только на четыре года вперед — до выборов, а здесь нужно решение на четыре–пять парламентских созывов вперед. Иногда противопаводковая система создается даже 20 лет. Она может стоить миллиарды злотых», — Адам Яцевич, гидротехник. («Газета wyborcza», 26 мая)

• «В 2003 г. экологи из организации «Фонд дикой природы» (...) подготовили доклад о необходимости строительства в Мазовии польдеров. План разработали выдающиеся польские специалисты (...) Никто им не заинтересовался. Он был отложен в долгий ящик». («Газета wyborcza», 29–30 мая)

• «Единственные польдеры, которые у нас есть (в общей сложности 16), были построены в долине Одера еще немцами. Между тем на многих европейских реках имеются целые системы польдеров (...) Защитные валы, общая протяженность которых достигает в Польше 9 тыс. км, по-прежнему остаются основной защитой от паводков (...) Валы вдоль Одера были насыпаны сто, а в нижнем течении Вислы — почти двести лет назад». (Эва Нецкула, «Впрост», 6 июня)

• «Президент Варшавы Ханна Гронкевич-Вальц заявила, что европейская программа «Натура-2000» препятствует противопаводковым инвестициям, так как предписанные ею процедуры трудновыполнимы (...) Министр внутренних дел Ежи Миллер сказал, что главная угроза для защитных валов — это семейства бобров (...) «У нас нет доказательств, что в каком-либо случае валы были прорваны в результате деятельности бобров», — признаёт министр охраны окружающей среды проф. Анджей Крашевский». (Ягенка Вильчак, «Политика», 5 июня)

• «Бобры заплатят за наводнение. Охотники будут отстреливать их в окрестностях валов и убивать, сколько смогут. Неважно, что как раз сейчас бобры воспитывают потомство (...) Региональный директор по охране окружающей среды в Быдгоще разрешил отстрел бобра европейского (*Castor fiber*) в окрестностях защитных валов из охотничьего огнестрельного оружия (...) Отстрел будет продолжаться до конца июня». (Адам Вайрак, «Газета wyborcza», 2–3 июня)

• «В пятницу щецинским охотничьим клубам было поручено отстрелять 20 бобров, живущих вдоль Одера в Западнопоморском воеводстве (...) Егерь Алойзы Петрас говорит прямо, что откажется отстреливать животных: «Кто это придумал, чтобы стрелять в бобров в период размножения? — возмущается он. — Да и вообще — на каком основании мы должны отстреливать бобров, которые круглый год находятся под охраной?» (...) Специалист по бобрам Анджей Чех считает, что благодаря многочисленным бобровым плотинам на реках последствия наводнения были даже более слабыми». (Томаш Неспал, Мацей Милош, «Жечпосполита», 8 июня)

• «Я вижу, что происходит с Беловежской пущей (...) Очередное правительство закрывает на это глаза (...) Я призываю деревообрабатывающие фирмы не покупать древесину из Беловежской пущи (...) Ежегодно в пуще вырубается свыше 100 тыс. кубометров дерева (...) Допустимая ежегодная вырубка — это 30–40 тыс. кубометров. Как раз столько необходимо для нужд местного населения». (Якуб Медек, «Газета wyborcza», 15–16 мая)

• «В Поланце французская группа GDF «Sucz» должна до 2012 г. построить электростанцию мощностью 190 МВт (...) Ежегодно она будет сжигать 1 млн. тонн преимущественно древесины (...) В прошлом году стоимость древесины, проданной Польскими государственными лесами в качестве топливного сырья, составила 307 млн. злотых». («Жечпосполита», 24 мая)

• «Студенческий турнир лесорубов в варшавской Главной сельскохозяйственной школе. Матеуш Жешуто — чемпион по вырубке (...) Он учится на познанском лесном факультете. Соревнования включают в себя, в частности, лесоповал (...) Отец Матеуша — тоже лесоруб». («Газета wyborcza», 15–16 мая)

• «Согласно опубликованным вчера расчетам Главного статистического управления (ГСУ), в первом квартале этого года наша экономика выросла на 3% (...) На фоне средней по ЕС — 0,3% — это превосходный результат (...) На удивление выросло т.н. частное потребление — на целых 2,2% в годовом исчислении (...) Инвестиции сократились на 12,4% в годовом исчислении». («Дзенник — Газета правна», 1 июня)

• Сначала, еще в 2008 г., мы помогли в рамках международного антикризисного сотрудничества Латвии. Польша выделила ей 200 млн. евро. Затем мы передали такую же сумму Исландии. («Газета wyborcza», 17 мая)

- «В июньском докладе швейцарского Института развития менеджмента на тему конкурентоспособности мировых экономик Польша поднялась с 44 го места на 32 е». («Дзенник — Газета правна», 21 мая)

- «Согласно докладу Института всемирной экономики варшавской Главной торговой школы, в 2009 г. Польша стала более конкурентоспособной в Евросоюзе и в мире. В рейтинге Всемирного экономического форума она поднялась на семь ступеней, заняв 46 е место среди 132 обследованных стран». («Дзенник — Газета правна», 31 мая)

- «Расходы на исследования и развитие в польских фирмах очень малы, вузы не чувствуют давления со стороны промышленности, поэтому охотнее всего занимаются «чистой наукой», теориями, у которых не слишком много практических аспектов (...) Мы пользуемся плодами глобальной диффузии технологий. Сами мы ничего не изобретаем, а внедряем то, что изобретено и сконструировано в американских, немецких или японских лабораториях. Это хороший способ быстро догнать мировой авангард. Но, с другой стороны, у нас нет шансов перегнать его. Мы всегда будем на несколько шагов отставать». (Витольд Гадомский, «Газета wyborcza», 22-23 мая)

- «Пишет вам из Жешува ученик 2 го класса общеобразовательного лицея №4. Я увлекаюсь новыми технологиями, читаю о них в Интернете. Дома я окружен всевозможными электронными приборами: провожу много времени за персональным компьютером, пользуюсь палмтопом, ноутбуком и enTourage eDGe. Кроме того, у меня есть множество других высокотехнологичных приборов, которых в школе не найдешь. Когда я вхожу в школу, у меня возникает странное ощущение, что я переместился во времени на 15-20 лет назад (...) Дамиан П.». («Газета wyborcza», 22-23 мая)

- «Мыло и горячая вода в каждой школе. Министерство национального образования подготовило директиву, благодаря которой все ученики получают возможность вымыть руки (...) 10,64% польских учеников не могут вымыть в школе руки горячей водой (...) В мае 2009 г. Государственная санитарная инспекция провела проверку (...) Оказалось, что среди 6364 проверенных школ целых 23% не соответствуют санитарным нормам». («Жечпосполита», 21 мая)

- «Как сообщило министерство финансов, к концу марта государственный долг уменьшился по сравнению с февралем

на 2 489 200 злотых и составил 655 296 100 млн. злотых. Тем самым он уменьшился на 0,4%». («Польска», 21 мая)

- «Долг, с которым мы должны сегодня разбираться, возник не по инициативе государственных властей (...) Проблемы начались, когда государственный сектор должен был преодолеть кризис, начавшийся по вине частных финансовых структур. Сначала нужно было спасти разоряющиеся банки, потом поддерживать замирающий спрос. Государственные финансы должны были взять на себя это огромное бремя», — говорит проф. Марек Белька, бывший премьер-министр и министр финансов, с 10 июня с.г. — президент Польского национального банка (ПНБ). («Дзенник — Газета правна», 21 мая)

- «Спустя два года после падения биржевых курсов финансовые сбережения поляков снова достигают рекордных отметок. В декабре прошлого года их сумма превысила триллион злотых, а к концу марта достигла 1,06 триллиона злотых (...) Хотя число «триллион» производит впечатление, по сравнению с объемом ВВП, который в прошлом году превысил 1,3 трлн. злотых, финансовые активы поляков совсем невелики. По сравнению с Германией наши 75% ВВП — это немного. Там в середине 2009 г. сбережения населения соответствовали 100% ВВП (...) Данные ПНБ не учитывают стоимости недвижимости поляков». (Лукаш Вилькович, «Жечпосполита», 17 мая)

- «Начисленная зарплата более чем 590 тыс. поляков превысит в этом году 7,1 тыс. злотых в месяц. За последние 10 лет число таких людей удвоилось». («Жечпосполита», 20 мая)

- «По данным ГСУ, в апреле средняя зарплата составила 3398 злотых. В годовом исчислении зарплаты поляков выросли на 3,2%. А это больше, чем инфляция». («Польска», 20 мая)

- «В мае места в ресторанах и домах свадебных торжеств забронированы. Хорошо зарабатывают и кондитеры, которым в период празднования первого причастия заказывают специальные торты (...) Платья для девочек (...) стоят от 300 до 1000 злотых. За костюм для мальчика можно заплатить от 300 до 500 злотых. Популярные подарки — это велосипеды (в среднем 300–900 зл.), компьютеры (ноутбук стоит по меньшей мере 2000 зл.), mp4-плееры (около 169 зл.), цифровые фотоаппараты (от 79 до 189 зл.). Хитом по-прежнему остаются квадроциклы и мини-скутеры». (Гжегож Мечниковский, «Газета wyborча», 21 мая)

- «Зоопарк в опасности (...) Список наших грехов долог: пирожки, начиненные гвоздями, подброшенные в вольер копытных, сладости с лезвиями внутри, целлофановые пакеты с попкорном у бурых медведей, пакетики с конфетами у шимпанзе. Во время вскрытия умершего крокодила у него в горле была обнаружена детская соска (...) В мини-зоопарке, где играют дети, кто-то вбил отвертку в лопатку ослика». (Роберт Рыбарчик, «Жечпосполита», 4 июня)
- «В Бещадах найдена мертвая трехлетняя самка зубра (...) Животное убили браконьеры. Возбуждено следствие». («Жечпосполита», 9 июня)
- Согласно опросу Лаборатории социологических исследований, проведенному 7-8 мая, 79,5% поляков выступают за усиление контроля государства над предприятиями. 16,5% высказываются против этого. («Газета выборча», 12 мая)
- «Согласно докладу глобальной аудиторской компании «Ernst & Young» об инвестиционной привлекательности, (...) наши позиции слабеют (...) Почти наполовину уменьшилось в прошлом году число рабочих мест, созданных благодаря иностранным инвестициям: с 15,5 тыс. в 2008 м до 7,5 тыс. в 2009 году (...) Доля Польши в новых рабочих местах в европейском секторе промышленного производства уменьшилась с 12 до 6%. В секторе услуг наша доля в новых рабочих местах сократилась с 6 до 5%. В рейтинге создания новых рабочих мест в Европе мы переместились со 2 го места на 5 е — нас опережают Великобритания, Франция, Россия и Турция. Более чем на треть уменьшилось число новых инвестиционных проектов — со 176 в 2008-м до 102 в 2009 году (...) В этой области мы упали с 5 го места на 8 е». (Адам Возняк, «Жечпосполита», 10 июня)
- «По данным министерства труда, в мае уровень безработицы составил 12%. По сравнению с апрелем безработица упала на 0,3%. К концу мая число безработных было на 61,3 тыс. человек меньше, чем в апреле». («Польска», 8 июня)
- Из доклада ГСУ следует, что за последние 7 лет из польских городов уехало почти 700 тыс. человек. Уменьшилось число больших и средних городов (...) Люди предпочитают жить либо в деревне, либо в крупных метрополиях». («Дзенник — Газета правна», 17 мая)
- «“Расползание” городской застройки (urban sprawl) коснулось уже всех крупных польских городов (...) Экономический бум ведет к обогащению общества (...) Девелоперы начинают

присматриваться к городским окраинам. Быстро появляются идиллические микрорайоны (...) Идиллия продолжается два-три года, потому что в предместьях хотят жить всё новые люди. Тогда строятся следующие микрорайоны — немного дальше, еще ближе к окраине (...) Очередные протесты, очередные микрорайоны. Так выглядит urban sprawl по-польски». (Филип Шпрингер, «Политика», 1 мая)

• «Политиков, особенно правящих, повсеместно критикуют за отсутствие реформ или за реформы несовершенные, половинчатые, несоответствующие нуждам времени, увечные и рахитические. Эта критика означает, что у нас, помимо ужасающего парламента, еще и бездарное правительство, неспособное к реформированию (...) Может быть, уважаемым недовольным стоило бы съездить в Белоруссию, на Украину или в Россию, чтобы увидеть, как можно не проводить реформы?» — профессор Лодзинского университета Стефан Несёловский, депутат от ГП, бывший политзаключенный. («Газета wyborcza», 19 мая)

• «В 2009 г. в Польшу приехало 4214 грузин. Ни одно из заявлений о присвоении статуса политического беженца не было рассмотрено положительно». («Политика», 5 июня)

• «Полицейский застрелил Максвелла Итойю, нигерийца, уже шесть лет прожившего в Польше. Это привело к первым за многие годы беспорядкам на расовой почве (...) Задержано 33 человека. Большинству предъявлены обвинения, в частности, в нападении на полицейских при исполнении служебных обязанностей (...) Нигерийцы — самая большая группа африканцев в Польше. В Варшаве есть несколько африканских магазинов и ресторанов, а также Центр африканской культуры (...) В 2001 г. 134 нигерийца получили польское гражданство, а у 876 граждан Нигерии имеется постоянный вид на жительство. Их число быстро растет со времени вступления Польши в Евросоюз (...) По данным полиции, до сих пор нигерийцы не создавали серьезных проблем, хотя большинство из них совершает мелкие правонарушения, связанные с нелегальной торговлей (...) В Польше нигерийцы воспринимаются положительно. Это подтверждают и полицейские статистики преступности, в которых нигерийцы, как и другие национальные меньшинства, занимают далекие места». (Марлена Мистшак, Войцех Лакомский, «Впрост», 6 июня)

• «Польша — единственное государство ЕС, игнорирующее директиву о равенстве и не создавшее специального учреждения, которое должно изучать случаи дискриминации на расовой и этнической почве (...) В нашей стране самая

большая доля цыган, жалующихся на плохое отношение в школах и медицинских учреждениях». («Жечпосполита», 11 июня)

• «В 2008 г. коэффициент детности составлял 1,39. Это значительно ниже оптимальной величины, необходимой для стабильного демографического развития. Нормальный коэффициент детности должен составлять 2,1–2,15 (...) Продолжительность жизни увеличивается. В результате этих явлений общество резко стареет. Доля детей и молодежи (от 0 до 17 лет) в структуре населения составляет 19%. А еще в 2000 г. их было 25%. В настоящее время общее число поляков — 38,2 миллиона. В 2035 г. нас будет на 2 млн. меньше — 35,99 миллиона». (Бартош Марчук, «Дзенник — Газета правна», 26 мая)

• «Проблема заключается в демографическом кризисе. Нужно привыкнуть к тому, что в будущем у среднего европейца будет немного более смуглая кожа и немного более раскосые глаза. У Европы нет другого выхода: она должна шире открыть двери иммигрантам», — проф. Марек Белька, бывший премьер-министр и министр финансов, с 10 июня с.г. — президент ПНБ. («Дзенник — Газета правна», 21 мая)

• «“Час Европы только настает”, — сказал в Ахене премьер-министр Дональд Туск на церемонии вручения ему международной премии им. Карла Великого за вклад в объединение Европы. Он стал третьим поляком (после Бронислава Геремека и Иоанна Павла II), удостоившимся этой награды, которая присуждается за особые заслуги в деле воплощения европейской идеи». («Жечпосполита», 14 мая)

• «Одним из приоритетов польского председательства в ЕС, которое начнется во второй половине 2011 г., будет энергетическая безопасность всего Евросоюза, — обещал вчера в Брюсселе Дональд Туск. Вместе с ним в штаб-квартире Европейской комиссии присутствовали министры (...) Премьера сопровождали 13 членов кабинета (...) «Мы убеждены: как создатели Евросоюза знали, что уголь и сталь могут послужить началом интеграции, так и мы сегодня прекрасно понимаем, что газ и нефть тоже требуют совместных действий», — сказал Туск». («Польска», 10 июня)

• «Россия рассчитывает, что Польша взамен на потепление отношений перестанет блокировать российско-европейские инициативы. Такую позицию высказала в кулуарах саммита ЕС — Россия в Ростове пресс-секретарь президента РФ Наталья Тимакова». («Дзенник — Газета правна», 2–3 июня)

• «Польско-российский форум регионов в Варшаве. Говорит маршал Сената Богдан Борусевич: «Мы организуем его уже второй раз — первая встреча прошла в сентябре прошлого года в Москве. Теперь гости прилетели в воскресенье и разъехались по польским регионам. Там у них были ознакомительные визиты. Мы хотим показать им, как работает самоуправление в польских воеводствах, и по одному крупному городу в каждом регионе. Завтра они приезжают в Варшаву на пленарную дискуссию и встречи в трех группах (...) С польской стороны в форуме участвуют все регионы. С российской стороны — 33 субъекта Российской Федерации, 9 губернаторов, три вице-губернатора и 13 председателей областных дум (...) Кроме того, пройдет официальный визит председателя Совета Федерации Сергея Миронова». («Газета выборча», 17 мая)

• «“Когда наши народы были вместе, они всегда побеждали. И полякам, и русским было хорошо. А когда мы были порознь — нам было плохо”, — говорил в Кракове на встрече со студентами Ягеллонского университета председатель Совета Федерации РФ Сергей Миронов». («Газета выборча», 18 мая)

• «Маршал Сейма Бронислав Коморовский встретился с председателем российского Совета Федерации Сергеем Мироновым. Миронов “попросил согласия на награждение российскими орденами и медалями четырех тысяч польских ветеранов II Мировой войны — солдат и офицеров Войска Польского”». («Впрост», 24–30 мая)

• «Группа журналистов из России, Украины, Грузии, Молдавии и Белоруссии возвращалась из длившегося несколько недель путешествия по Европе (...) 9 мая они оказались в Варшаве (...) Журналисты поехали на кладбище советских солдат на аллее Жвирки и Вигуры (...) На кладбище было уже темно, но на могилах и у памятника горели тысячи свечей. Мерцали цветные огоньки, в небо поднимался темный дым (...) Русские лишились дара речи. Вслед за ними — белорусы и все остальные (...) «Такого 9 мая у меня еще не было», — сказал один из них». (Мартин Войцеховский, «Газета выборча», 22–23 мая)

• «“Могила моей мамы останется на легницком кладбище навсегда”, — заверил во время своего визита в Легницу Сергей, сын Лидии Новиковой. А это означает, что в этом нижнесилезском городе останется могила женщины, ставшей героиней уже культового фильма «Малая Москва» (...) Семью Лидии пригласили президент Легницы Тадеуш Кшаковский и общество «Тарнинов» [один из районов Легницы]. Лидия Новикова совершила самоубийство в 1965 г., когда открылся ее роман с польским офицером. На основе этой трагической

истории Вальдемар Кшистек снял многократно награжденный фильм «Малая Москва» (...) Лидия Новикова была женой советского летчика (...) Уже многие годы могила Лидии — одно из самых посещаемых мест в Легнице. Там всегда горят свечи и лежат свежие цветы (...) На могилу приходят люди со всей Польши». (Зигмунт Мулек, «Польска», 11–13 июня)

• «Патриарх Московский и всея Руси Кирилл совершил в Смоленске, на месте крушения самолета президента Леха Качинского, литию — короткое заупокойное богослужение. К камню памяти 96 жертв трагедии 10 апреля патриарх возложил два венка: один из белых и красных роз, второй — с изображением православного креста (...) Днем раньше предстоятель [православной] Церкви посетил кладбище в Катыни. Там он возложил цветы на польском воинском кладбище, где покоятся почти 4,5 тыс. польских офицеров, расстрелянных в 1940 г. по приказу Сталина, а также на российской части, где похоронено около 10 тыс. советских жертв НКВД (...) Патриарх Кирилл посетил в Катыни строящуюся при входе на кладбище церковь Воскресения Господня». («Газета wyborcza», 7 июня)

• «В специальном обращении к российским гражданам Ярослав Качинский поблагодарил их за помощь и доброжелательность к полякам после катастрофы под Смоленском. «Есть в истории такие моменты, которые могут изменить всё», — сказал Качинский, обращаясь к «русским друзьям»». («Впрост», 17–23 мая)

• «Межгосударственный авиационный комитет опубликовал в Москве предварительный доклад о катастрофе в Смоленске. По мнению россиян, аэропорт был хорошо подготовлен, а диспетчеры в башне не допустили ошибок. Председатель комитета Татьяна Анодина считает, что на пилотов — с ее точки зрения, плохо обученных — оказывалось давление, чтобы они селились, несмотря на плохие условия, а в кабине пилотов за минуту до катастрофы находился человек, не входивший в состав экипажа». («Тыгодник повсехный», 30 мая)

• «Правительство обнародовало запись разговоров, зарегистрированных «черными ящиками» в кабине пилотов Ту-154, разбившегося под Смоленском (...) Конец записи драматичен». («Тыгодник повсехный», 13 июня)

• «Какую цель преследует публикация записей, сделанных под Смоленском? (...) Эти ребята не полетели туда, чтобы лишиться жизни. Они полетели, чтобы как можно лучше служить своей

стране, — так они обещали когда-то, принося военную присягу. Они служили стране, которая многого от них требовала, но не нашла нужным обучить их так, как обучают пилотов во всем цивилизованном мире. А теперь пусть публика видит и слышит, как они попали в переплет (...) Пусть теперь все слышат, как они умирают со словами «курва» или «Иисусе» на устах (...) Только [где здесь] право на достойную и уединенную смерть?.. Благодарная за труд своих пилотов страна бросает их на съедение массам», — Славомир Тихонь, капитан-инструктор аэробусов А 320, налет — 10 тыс. км. («Газета wyborcza», 10 июня)

- «Варшавская окружная прокуратура ведет следствие по делу о краже кредитных карт и ограблении останков Анджея Пшевозника, погибшего в катастрофе президентского самолета под Смоленском. По данным Агентства внутренней безопасности (АВБ), кражу совершили четверо солдат, охранявших место крушения самолета. Ранее была распространена ошибочная информация, что задержанные — сотрудники ОМОНа». («Дзенник — Газета правна», 7 июня)

- «Возобновление расследования по делу о расстреле польских офицеров невозможно — об этом заявил главный военный прокурор России Сергей Фридинский. Следствие по делу о расстреле 22 тыс. пленных поляков, которое Главная военная прокуратура вела в 1990-2004 гг., было прекращено в связи со смертью виновных». («Жечпосполита», 1 июня)

- «“Чуждый элемент” (...) — так называется книга Олега Закирова, который, хотя и был сотрудником КГБ, способствовал раскрытию катынского дела. Закирову не повезло: его выгнали из органов, подвергли травле и остракизму. Любопытно, что поляки тоже не сочли его достойным доверия. Дело дошло до того, что он вынужден был просить милостыню на улицах Лодзи. Поучительно». («Польска», 31 мая)

- «Кремль удостоил режиссера фильма «Катынь» Анджея Вайду премии в размере 165 тыс. евро (чуть более 680 тыс. злотых)». («Жечпосполита», 11 июня)

- «Вчера вечером «Катынь» Анджея Вайды была показана по первому (государственному) каналу украинского телевидения. Это — первый телевизионный показ фильма на Украине. В отличие от России, там он демонстрировался в кинотеатрах». («Газета wyborcza», 25 мая)

- «Вчера в Одессе состоялось торжественное открытие мемориальной доски памяти трагически погибшего

президента Леха Качинского. Доска находится на стене здания, расположенного по улице, названной его именем». («Дзенник — Газета правна», 28-30 мая)

- «Улица Леха и Марии Качинских в Батуми (...) идет вдоль Черного моря. Улица длиной свыше 12 км соединяет аэропорт с центром 120-тысячного города (...) На открытие пришли жители Батуми. «Мы будем всегда благодарны ему за поддержку во время войны с Россией», — говорили они». («Жечпосполита», 26 мая)

- «В Моронг прибыла американская ракетная батарея (...) Она будет находиться там до 19 июня (...) 100 американских военнослужащих будут обслуживать ракеты и обучать польских специалистов (...) Это ракеты средней дальности (около 90 км) типа РАС 2». («Жечпосполита», 25 мая)

- «После двухлетних стараний и подготовки в Польшу приехала батарея ракет «Пэтриот» (...) Она будет размещена только временно — в любой момент ее могут вернуть на базу приписки в Рамштайн. Ракеты будут без боеголовок — американцы согласились только на учебную миссию, хотя непонятно, кому она нужна, если обслуживающий персонал остается американским, а у Польши собственных «Пэтриотов» нет». («Политика», 29 мая)

- «“Размещение в Моронге батареи американских ракет «Пэтриот» не представляет угрозы для России”, — сказал вчера бывший командующий Балтийским флотом адмирал Владимир Егоров». («Дзенник — Газета правна», 26 мая)

- «Ко вторым похоронам Николая Коперника во Фромборке (...) готовились почти полгода. В январе 2010 г. начался монтаж надгробия (...) весящего почти две тонны (...) В пятницу похоронная процессия с останками Николая Коперника (...) двинулась из Олыштына во Фромборк. По дороге она совершила остановки в Добром-Месте, Лидзбарке-Варминском, Орнете, Пененжно и Бранево. Все эти города связаны с деятельностью Коперника (...) 22 мая состоится главная церемония захоронения во фромборкском кафедральном соборе (...) в которой примут участие представители правительства, воеводских и местных властей, а также духовенство и жители города. Богослужение совершит примас архиепископ Юзеф Ковальчик (...) После мессы гроб будет опущен в гробницу в том месте, где останки астронома покоились до открытия их в 2005 году». (Гжегож Гедрыс, «Газета выборча», 22-23 мая)

- «Этого дня многие ждали почти 26 лет, с тех пор как пээнэровская госбезопасность убила капеллана «Солидарности». Папский легат архиепископ Анджело Содано официально объявил о причислении о. Ежи Попелушко к лику блаженных мучеников Церкви (...) На мессу пришло почти 150 тыс. человек. Ковчежец с мощами о. Ежи принесли к алтарю его мать Марианна Попелушко, а также двое братьев и сестра нового блаженного». («Жечпосполита», 7 июня)

- «Архиепископ Юзеф Ковальчик стал новым примасом Польши (...) В настоящее время примас — это лишь почетный титул. В декабре 2009 г. даже представительские функции примаса были урезаны и распределены между четырьмя иерархами: примасом, председателем Епископата и архиепископами Краковским и Варшавским. Во внешних сношениях от имени Епископата выступает его председатель. Однако в силу исторических причин титул примаса пользуется в Польше большим авторитетом (...) Будучи нунцием, архиепископ Ковальчик досконально изучил польскую Церковь и священников (...) Он несколько раз напоминал епископам, чтобы они не вдавались в политику (...) и критиковал политическую деятельность радио «Мария» (...) «Мы все должны руководствоваться заповедью любви к ближнему», — подчеркивает новый примас». («Жечпосполита», 10 мая)

- «Государство полуофициально стало конфессиональным, а католическая символика, католические моральные и нравственные взгляды глубоко проникли в государственные власти на всех уровнях, почти полностью вытесняя дух нашей конституции, которая (за исключением статьи о конкордате) вполне либеральна (...) Кто знает, не начнут ли вскоре поляки рассматривать вездесущность Церкви в публичном и государственном пространстве как проявление несправедливых привилегий и несоответствующей конституции пристрастности государства?» — считает профессор Ягеллонского университета Ян Хартман. («Польска», 21 мая)

- В течение 19 лет государство передало Церкви 490 объектов недвижимости, в т.ч. 19 больниц, 8 детских домов, 26 школ, 9 детских садов, 3 музея, 3 театра, 2 библиотеки, здания архива, суда, прокуратуры, налоговой палаты, автобусного вокзала и даже пивзавода. Стоимость этих объектов составляет 24,1 млрд. злотых. Компенсации наличными составили еще 107,5 млн. злотых. Вместо возвращения проданных или застроенных объектов Церковь получила сельскохозяйственные и строительные участки общей площадью свыше 60 тыс.

гектаров. Это больше, чем площадь Варшавы (...)
Недвижимость, передававшаяся в качестве компенсации, оценивала только церковная сторона. Эти оценки не проверялись (...) Оценки, подготовленные Церковью, по-прежнему остаются секретными (...) Со времени своего создания в 1991 г. Имущественная комиссия приняла решения по более чем 3 тыс. объектов недвижимости католической Церкви. Не рассмотрено еще 248 церковных заявлений». (Иоанна Гергонт, «Газета выборча», 8 июня)

• «Варшавская прокуратура предъявила вчера обвинения в лжесвидетельстве семи лицам, в том числе четырем членам оценочной группы при церковно-правительственной Имущественной комиссии, занимающейся возвращением церковной недвижимости, двум директорам министерства внутренних дел и администрации, а также экспертам, оценивающим стоимость земельных участков (...) Представители церковной стороны в оценочной группе — это варшавский адвокат Кшиштоф Вонсовский (...) и сопредседатель комиссии, а также финансовый директор Катовицкой епархии свящ. Мирослав Песюр (...) Пресс-секретарь Епископата свящ. Юзеф Клох сказал, что как Вонсовский, так и Песюр “пользуются доверием церковной стороны”». («Жечпосполита», 11 июня)

• «Вчера министр внутренних дел и администрации Ежи Миллер освободил от занимаемых должностей двух членов Имущественной комиссии, которым предъявлены обвинения». («Газета выборча», 12-13 июня)

• «По данным Института статистики католической Церкви, в 2009 г. воскресные богослужения посещал 41,5% католиков (...) Это почти на 3% меньше, чем в 2007 г. (...) «Похоже, что результат последних исследований свидетельствует о дальнейшей тенденции к понижению», — говорит директор института свящ. проф. Витольд Зданевич». («Жечпосполита», 14 мая)

• «При входе в кабинет Ежи Гедройца висела табличка с латинской сентенцией: «Берегись людей», а одним из немногих существ, к которым он проявлял нежность, была собака», — пишет Юлиуш Куркевич в рецензии на первую полную биографию создателя парижской «Культуры» «Ежи Гедройц. В Польшу из сна» авторства Магдалены Гроховской. Книга вышла в издательстве «Свят ксёнжки» («Мир книги»). («Газета выборча», 10 июня)

• «Памяти Яна Зацюра (01.01.1934–28.05.2009) (...) который более года боролся с жесточайшей болезнью — склеродермией. Двукратно избирался председателем Союза польских учителей, был участником «круглого стола», а затем депутатом 2-го и 3-го созывов Сейма (...) Взял домой бездомную собаку (...) Когда он был в больнице, собака так тосковала, что ее сердце не выдержало и разорвалось. Гражина Рамотовская-Зелинская». («Газета wyborcza», 15–16 мая)

Томаш Яструн

СТИХИ РАЗНЫХ ЛЕТ

Облучённые

И пришло время
Когда моим одноклассникам
Стали резать груди
Печально выглядит
Обрезанная грудь
А рядом гибнут друзья
От рака лёгких и толстой кишки
То тихий инфаркт
То инсульт настигает
На полуслове
А мы как ни в чём не бывало
Ходим по месту побоища
Будто и нет войны
Хотя не уцелеет никто
В записных книжках
Всё больше мёртвых
Номеров
Они словно облучённые
И всё-таки иногда
Я их набираю
Спрашиваю что слышно
И хотя ничего не слышно

Слушаю

То чего не слышно

Это можно назвать —

Приручением тигра

Камень

Михал умирает

Я держу его за руку

Мы оба беспомощны

— Я вытащил чёрную метку — говорит он

А я: — Мы все её вытащили

Только ты развернул её чуть раньше

Вот и всё

Когда я еду в трамвае

Чувствую как чёрная метка

Жжёт мне бедро

Вот и всё

Дома беру на ладонь камень

Он совершенен — безмолвен и замкнут

Полон собой до отказа

Смотрит на меня

Своим чёрным глазом

Я ему отвечаю своим светлым

Но не становится ни темней

Ни светлей

А ведь это не всё

Во тьме моей комнаты

Уже вызревает неведомая фотография

Тётя Зося

У неё были худые нервные ладони

Она щекотала меня крича

Война или мир?

Рано или поздно

Я просил пощады

От тёти Зоси

Остался только пепел

У меня седые волосы

И в глазах предвкушение заката

Я щекочу внучку Зосю

Кричу: война или мир?

Города и люди

Обращаются в руины

Но несмотря ни на что

Всё как было

Подушки туч выстилают небо

Солнечный луч

Застывает на веке камня

Боксёр

Антоний Камиль Яструн

Родился

13 ноября 2006 года

В 16.30

Произошло чудо

А ведь я Фома неверующий
Не верю в чудеса
Касаюсь его головки
И всё ещё не верю
Хотя вокруг столько вина
Превращённого в кровь
Акушерка зашивает мою жену
Как рваную простынь
А у неё всё такие же золотые волосы
И зелёные с жёлтым глаза
Рядом я — верный болельщик
Сбежал с пенсии в самоволку
И сижу в первом ряду
Антоний похож на боксёра
После двенадцати раундов боя
Откинулся в уголке
В синей шапочке
На нём смешные налапники вместо кожаных рукавиц
Смотрит Антоний
Из-под опухших век
И молчит:
Мол и-я-человек
Огонёк
Ты лежишь рядом
Я пытаюсь
Содрать с тебя кожу

А ведь протестовал
Когда ты говорила
Будет так
Ты отведёшь меня в сторону
И начнёшь потрошить
Но уже тогда
Украдкой
Я вытаскивал свой нож
Осматривал его
И прятал
Не хочу тебя обидеть
Просто хочу
Слегка оросить
Нашу нежность

* * *

Я проиграл
Но не больше
Чем те кто выиграл
Я слышу тишину
Которой никогда
Не услышат победители
Повтор
Ты приходишь на минутку
Чтобы ко мне прижаться
Как и я приходил
Потом ты меня закопаешь в землю

Как я закопал его
Ты будешь помнить и не будешь
Как я и помню и не помню
Я произвёл тебя на свет
Бездумно но не в жестокости
И вот теперь беспомощно смотрю
К тебе идёт
Слепой старик
С протянутой рукой
Окна открыты
Пахнет жареным мясом
Матери поют на дворе
Пора обедать
Торопись
Времени мало
Всё остынет
Правосудие
Убийцы обвиняют
Они подолгу глаголят мучая всех
Исчерпывающими показаниями
Убийцы дают говорить только убийцам
А мы приговорённые к молчанию
Дырявим словами тишину
Убийцы плачут над судьбой убийц
Их умиляет запах крови
И запах пота палачей

Приговор всё же будет вынесен
Чтобы насытить справедливость
И перерезать ей горло
Когда она — обожравшись — уснёт

Распад

От нас не останется даже железного лома
Даже смеха

Мы не питали иллюзий

Ни в конце ни в начале

Восстания увязаны в тюки

Пожитки сложены в прихожей

Полотенце и зубная щётка

Готовы в путь

Кто-то стучится в дверь

Эхо этого стука

Грохочет по пустым коридорам лет

А на пороге не связной

И не тюремный конвоир

А всего лишь сосед сверху

У него засорилась раковина

Он бессильно разводит руками

Устав

Целиться надо в грудную клетку

На малой дистанции можно и в голову

Уставом эти вещи описаны детально

На всех языках мира

Для всех цветов глаз
В пухлом уставе сказано
Не убий
Возлюби ближнего своего
Как самого себя
Поэтому редко когда убивают
Ближнего
Чаще всего убивают врага
Непреднамеренно либо чтобы спасти от смерти
Других
В уставах популярно
Слово «ликвидация»
Ликвидируют целые армии
Конкретные подразделения и отдельных солдат
Ликвидация — это много крови
И полные ужаса
Запавшие вглубь зрачки
Домны
Когда Владислав Броневский
Сидел в одной камере
С товарищем Яном
А далекие домны Магнитогорска
Сияли им
Как вифлеемская звезда
Он не знал
Что в этих домнах

Сожгут наши книги
Наши боевые знамена
И орла который завохчет
Как прирезанный курчонок
Он не знал
(это потом он научится закрыв глаза
в темноте глушить водку
когда поблизости на Раковецкой
зэки будут кричать под пытками)
Что когда-нибудь в камеру номер тринадцать
Товарищи охранники
Будут пролетарскими пинками
Загонять студентов и рабочих
Прямиком с улицы Броневского

ЛИРИЧЕСКАЯ АВТОБИОГРАФИЯ

Томаш Яструн (р.1950) — сын выдающегося поэта Мечислава Яструна (1903–1983) и поэтессы Мечиславы Бучек. Дебютировал в 1978 сборником стихотворений «Без оправдания». Некоторое время работал редактором еженедельника «Тыгодник культуральный», затем стал сотрудничать с журналами, издававшимися подпольно. Был репортером — в частности, опубликовал обширное интервью с деятельницей «Солидарности» Анной Валентинович, которая в апреле этого года погибла в смоленской катастрофе («Жизнь Анны Валентинович», 1985). В период военного положения был соучредителем и редактором подпольного литературного ежеквартальника «Везване» («Вызов»). Тогда же выпустил несколько сборников стихов, которые принесли ему немалую популярность, в частности «Записки из заколдованного круга» (1983) и «Время памяти и забвения» (1985). Кроме того, он автор романа «Подземная река» (2005) и сборника очерков «Предварительная игра» (2003), посвященного проблемам эротики.

С начала 1980-х на страницах журнала «Везване», затем в парижской «Культуре» у Ежи Гедройца, наконец в журналах, издаваемых в Польше («Ньюсуик-Польша»), печатает — сперва под псевдонимами, теперь под своим именем — цикл очерков, составивших нечто вроде интеллектуального дневника, в котором он с дистанции наблюдает и оценивает жизнь страны, не чураясь острых критических суждений о польской действительности. Несомненно, эти записки складываются в одну из наиболее интересных летописей последних десятилетий.

Если бы я должен был кратко охарактеризовать поэзию — и всё творчество — Томаша Яструна, я бы охотней всего использовал определение «личный лирический репортаж», в котором личные мотивы нераздельно сплетены с общественными. Однако последнее время автор в своей лирике сосредоточился прежде всего на первых. В этой лирической автобиографии, которая часто пишется «по горячим следам», эмоции охлаждены и приглушены дистанцией, не лишенной автоиронии.

БЕСЕДЫ О ТОМ, ЧТО СВЯТО

В лице Ежи Новосельского сочетание богословия с искусством нашло двойное измерение. Профессор Академии изящных искусств, автор церковных фресок, православный верующий, он не только выдающийся живописец, но и крупный «художник мысли». Его оригинальные, смелые размышления — необычайно творческие, им присуща большая интеллектуальная красота. Это богословие ускользает от готовых и простых ярлыков, отвергает жесткую ортодоксальность, клеймит конформизм и духовную леность, призывая к труду личного мышления. «Речь идет о том, — разъясняет Новосельский, — чтобы человеческий труд был направлен на познание, а не на повиновение! Перед нами нелегкая задача: мы должны стараться и мучиться, дабы обрести истину. Познайте истину — и истина сделает вас свободными. До конца это невозможно, потому что лишь после смерти мы познаем ее — лицом к лицу, но всякая религиозность, которая запрещает такой труд и всё сводит к катехизическим аксиомам, попросту замыкает человеческий дух в ограничениях, губительных для развития религиозного сознания. Пусть это даже самый прекрасный, самый мудрый катехизис — а этот новый^[1] действительно очень хорош...» Поэтому, добавляет художник, «великий богослов вынужден быть еретиком. Невозможно быть религиозным человеком, не будучи еретиком. Постоянно надо доискиваться сути вещей, ставить вопросы».

Условие самостоятельных занятий богословием — огромные знания, и Новосельский удовлетворяет этому условию с избытком. Это человек, принадлежащий сразу ко многим духовным мирам, знаток патристики и истории первого тысячелетия, но еще и различных эзотерических учений, нехристианских религий и всей истории философии. «В мышлении Новосельского я чрезвычайно ценю широту взгляда, — писал о. Вацлав Гриневич. — Он мыслит, действительно глядя вокруг себя, во все стороны...» При всей свободе мышления Новосельский остается истовым христианином, приверженцем православия. Во времена, когда некоторым фундаменталистам величайшей современной ересью представляется экуменизм, художник демонстрирует «идеальный экуменизм». Веруя в единую мистическую Церковь Христову, он провозглашает принципиальное

единство ветвей христианства и подчеркивает положительный аспект его исторических разделений, раскрывающийся в идее «перетекания харизм».

«Кто из нас, — вопрошал Рышард Пшибыльский, — настолько богат, что может позволить себе оставить без внимания мысли великого христианского художника, который — именно потому, что Господь Бог одарил его невообразимым талантом, — проникает в историю Церкви и в нашу сегодняшнюю жизнь глубже, нежели мы? (...) Путь к Богу вымощен смелыми и нетривиальными мыслями». Духовное кредо Ежи Новосельского представляет собой чрезвычайно ценный вклад в историю польской религиозной мысли, в экуменический диалог и в развитие знаний о культуре православия. Этих бесед не было бы, если бы не компетентность и пытливая профессиональная любознательность Збигнева Подгужеца, который все эти признания и мудрые соображения, как он сам говорит во вступлении, «вырвал из глубин сердца художника».

Збигнев Подгужец (1935–2002) был выдающимся знатоком русской культуры и православия. Журналист, переводчик и издатель, он переводил на польский, в частности, Гоголя, Достоевского (и А.П.Достоевскую), Льва Толстого, Лескова, Флоренского, Шаламова, Зощенко. Этот поклонник театра на протяжении нескольких десятков лет писал рецензии, посвященные театральной жизни России, плодами чего стали его книги о драматической истории русского театра XX века и о Владимире Высоцком. С начала 1970-х Подгужец вел цикл бесед с выдающимися представителями русской культуры, которые публиковал главным образом на страницах «Тыgodника повшехного». Среди его собеседников — Геннадий Айги, Василий Аксенов, Михаил Алпатов, Михаил Бахтин, Владимир Войнович, Александр Зиновьев, Фазиль Искандер, Владимир Максимов, Эрнст Неизвестный, Булат Окуджава, Андрей Тарковский, Арсений Тарковский, Юрий Трифонов, Борис Успенский, Анатолий Эфрос.

«Збышек в исключительной степени способствовал преодолению в Польше определенного стереотипа мышления о русских, — вспоминал Подгужеца уже после его смерти о. Генрик Папроцкий. — В этом состоит его самая главная заслуга. Благодаря этой серии интервью поляки внезапно обнаружили у русских мыслителей огромный заряд интеллектуализма. Подгужец помог полякам и в прочтении Достоевского, в усвоении крупнейших сокровищ русской культуры — хотя бы в своей антологии русской молитвы „Молимся словами православных русских“. Его знания о русской культуре и

духовности были невероятными, причем он умел вникнуть в них, оказаться как бы по ту, русскую сторону, вчувствоваться в их склад ума. Это было чем-то совершенно необыкновенным, потому что по сути дела ни с кем таким в те годы не удавалось поговорить... После Збышека польская интеллигенция смотрит на Россию иначе, чем прежде».

Подгужец выбрал для себя трудную роль посредника между обеими культурами. Во времена ПНР это не было легкой задачей. Официальная просоветская линия культурной политики государства парадоксальным образом затрудняла или прямо делала невозможным исследование подлинного, неискаженного облика русской литературы и искусства. А наглость пропаганды приносила плоды в виде явного нежелания издателей и читателей обращаться к «русской тематике». «Я хотел доказать, — говорил Подгужец одной журналистке в 1994 г., — что можно показать Россию иначе, чем это делало Общество польско-советской дружбы. Кроме того проведение интервью, которые находились на грани проходимого, содержало элемент игры. А я всю жизнь играю». Лицо ирониста по существу служило выдающемуся переводчику защитной маской. После неожиданной смерти Подгужеца Ян Гондович вспоминал, выступая по радио: «Он был настолько же авторитетом и сокровищницей знаний, насколько и яркой индивидуальностью. Подгужец был моим учителем и воспитывал меня с помощью некоего духа противоречия и едкой иронии, которая у него была основным способом общения с миром. Разговоры с ним были фехтовальным поединком, интеллектуальным тренингом. Одновременно он производил на меня впечатление человека, огорченного тем, что его знания остаются в значительной мере не востребуемыми, так как русская тематика была далеко не самой популярной в 60-е, 70-е и особенно 80-е годы, а люди, занимавшиеся русской духовностью, воспринимались в самых разнообразных кругах как замаскированные русификаторы... Всё это было для него немалой трагедией».

Обладая огромным опытом «интервьюера» и имея за плечами встречи со многими замечательными собеседниками, Збигнев Подгужец главным делом своей жизни считал беседы с Ежи Новосельским. Он вел их непрерывно на протяжении почти четверти века: первая состоялась в 1971 г., последнюю он опубликовал в 1996-м. На встрече, представлявшей читателям сборник «Мой Христос», он сказал собравшимся:

«Без православия, без иконы вообще не узнать Россию, а раз у нас есть в Польше человек, который знает Россию, православие

и русскую философию так великолепно, как в настоящее время лишь немногие русские, — ну, пожалуй, надо его эксплуатировать! И вот уже двадцать лет я старался его, если можно так сказать, эксплуатировать. Я хотел, чтобы этот человек, которому есть что сказать о религиозной культуре России, о православии, взаимопроникновении наших культур, — чтобы он нам что-то рассказал, чтобы благодаря его великой мудрости эти вещи дошли до наших соотечественников.

Поначалу мне казалось, что я хорошо познакомился с Новосельским, что мне известно кое-что о нем самом и его творчестве. Между тем, когда я предпринял первую серию бесед с ним, он всё больше и больше закрывался от меня, как будто прятался, уходил в себя, хотя одновременно был со мною вполне откровенным — но лишь до известных границ; сам сказал, что о чем-то говорить не будет. И случилось нечто любопытное — не знаю, может быть, мне удалось завоевать его доверие... Когда в середине 80-х я приступал ко второй серии этих интервью, у меня сложилось впечатление, что пан Ежи в большей степени „раскрутился”. Кое о чем он говорил уже напрямую, не камуфлируя, — впрочем, возможно, пришла такая пора. (...) Мне, тем не менее, кажется, что он остается для меня еще большей тайной, чем был поначалу, хотя я знаю его уже двадцать лет».

Весомость этих разговоров заключается еще и в том, что признания Новосельского носили до чрезвычайности личный, прямо интимный характер. Мы не привыкли так разговаривать о вере — и тем выше следует оценивать духовную щедрость художника и чистосердечную откровенность его свидетельства. «Я предлагал многим другим разговор о том, Кто для них Христос, — говорил Подгужец на встрече с читателями. — Все отказались. А ведь из этого могла бы возникнуть потрясающая книга». Сам Новосельский был собеседником выдающимся, но вместе с тем и трудным: было очень нелегко поспевать за стремительным течением его монологов, справляться с ошеломляющими ответными репликами и провокациями, приводить в порядок возвращающиеся мотивы, охватывать всё богатство открывающихся перед тобою знаний. Из бурного, нередко хаотичного обмена мнениями требовалось в заботе о читателе «отцедить» сущность размышлений и споров. Сравнение сохранившейся звукозаписи бесед с окончательной редакцией интервью показывает также, каким многоопытным редактором был Збигнев Подгужец и каким непростым был тот вызов, который он принял. Успех двух первых томов («Вокруг иконы» и «Мой Христос») и живой отклик на них подтолкнул Подгужеца продолжать разговоры с Новосельским — он

планировал третий том, озаглавленный «Мой Иуда». Эти планы перечеркнула безвременная смерть переводчика — 11 декабря 2002 года. Остались записи: полтора десятка магнитофонных кассет, на которых увековечены живые, страстные споры, лирические отступления и шуточные препирательства собеседников, — документ, обладающий всеми достоинствами и недостатками стихийного разговора. Из уцелевших записей удалось скомпоновать четыре беседы, которые раньше не печатались.

Оба сборника диалогов: «Вокруг иконы» и «Мой Христос», — опубликованные малыми тиражами, быстро приобрели статус книги-легенды. Многократно цитировавшиеся, обсуждавшиеся, перепечатывавшиеся в отрывках, они уже давно стали для читателей объектом поисков. Издательство «Знак» решило переиздать все вместе эти беседы, обогащенные неопубликованными интервью. Итог представляет собой поистине «сумму богословия» обоих мыслителей. За рамками сборника остались две опубликованные в прессе беседы, выдержанные в иной манере: это интервью 1971 г. «О богородичных традициях православия», основные положения которого Новосельский шире развил в позднейших высказываниях, а также интервью, посвященное личности Ежи (Георгия) Клингера, православного священника, философа и поэта, который, будучи другом и духовным наставником Новосельского, пробудил в нем богословское воображение.

Беседы Подгужеца с Новосельским, появлявшиеся первоначально в периодике, вызывали необычайно широкий и живой отклик, становились зачином богословских диспутов, но также источником разногласий и возмущения. Тадеуш Ружевиц в письмах к Новосельским шутил, что это «сатанинские стихи». После прочтения «Моего Христа» он писал другу: «Читаю „сатанинские стихи“ Юрека. Застрелить тебя, думаю, не застрелят, но могут предать анафеме... как Толстого». «Неприрученное богословие» Новосельского комментировали священники, выдающиеся мыслители, философы и рецензенты обеих нашумевших книг. Чтение этих статей позволит читателю провести сопоставление, глубже войти в проблематику и выработать собственное мнение. Поэтому к беседам мы прилагаем библиографию самых важных текстов, посвященных богословской мысли Ежи Новосельского.

Выражаем горячую благодарность Юлии Пономаревой-Подгужец, вдове выдающегося переводчика, за проявленное доверие и передачу бесценных архивных звукозаписей издательству «Знак».

Краков, 2008

Из книги: J. Nowosielski, J. Podgorzec, «Rozmowy z Jerzym Nowosielskim», Znak 2001.

-
1. Катехизис католической Церкви (1992), польское издание — 1994. — Пер.

БОЛЕЗНЬ СОЧИНИТЕЛЬСТВА

Публикация «Переписки» Тадеуша Ружевича с Зофьей и Ежи Новосельскими стала одним из самых любопытных литературных событий 2009 года. Почти незамеченная, лишенная сколько-нибудь широкой огласки, замолчанная средствами массовой информации, она стала как раз тем, о чем могли бы только мечтать герои писем 1963–2002 гг. Раскрытие Тадеушем Ружевичем частных сторон собственной жизни составляет особый успех Кристины Черни, которая уговорила автора предоставить доступ к его архивам, а также занялась их обработкой и подготовкой книги. Эта публикация становится тем более ценной, когда мы узнаём, что поэт весьма неохотно дает интервью, избегает журналистов, а также публичных выступлений и вдобавок не пользуется ни компьютером, ни пишущей машинкой, ни сотовым телефоном.

Начало знакомству Ружевича с Новосельским, которое переросло в длившуюся несколько десятков лет дружбу, было положено в Кракове на исходе 1945 года. Однако их переписка охватывает лишь 1963–2002 гг. Как поясняет поэт: «На протяжении всего периода проживания в Кракове мы не переписывались, потому что бывали друг у друга. Письма должны начинаться где-то с пятидесятих годов».

Летом 1949 г. у супругов Ружевичей настал «гливицкий период» (1949–1968), но в «Переписке» не встречается ни одной почтовой открытки с датой раньше 1963 года. Для читателей это значительная потеря информации, относящейся как к художественной, так и к личной жизни обоих адресатов. Есть смысл напомнить, что за это время в жизни Тадеуша Ружевича произошли важные события: женитьба на Веславе, рождение сыновей — Камиля и Яна, прославленная дружба с Леопольдом Стаффом и, наконец, смерть любимой матери, описанная лишь по истечении сорока лет в сборнике «Мать уходит».

У Ежи Новосельского между 1950 и 1962 гг. имел место «лодзинский период», вызванный изгнанием Тадеуша Кантора, у которого он был ассистентом, из краковского Государственного высшего училища изобразительных искусств. С 1957 г. Новосельский руководил мастерской проектирования декоративных тканей в аналогичном лодзинском институте, чтобы через пять лет в конечном итоге возвратиться в родной

Краков и приступить к чтению лекций студентам Академии изящных искусств.

Кристина Черни разъясняет во вступлении, что не сохранилось ни единого письма Новосельского, относящегося к этому периоду, так как они «пропали или попросту не были написаны. В этой сфере у человека кисти существовали явно меньшие потребности». А затем она подсчитывает, что в книге оказалось в общей сложности 380 открыток и писем, из которых только 52 были написаны Ежи и Зофьей Новосельскими.

Тадеуш Ружевич, о чем известно немногим, сразу же после окончания II Мировой войны изучал историю искусства в краковском Ягеллонском университете. Но, как признаётся в беседе сам писатель, дипломную работу он не написал: «Точно так же, как президент Квасневский, — высшее образование без диплома. Но я успешно окончил все семестры, Метек [Порембский^[1]] даже говорил мне, что я могу писать у него диссертацию». Огромная влюбленность поэта в живопись и его горячая увлеченность отдельными художниками позволили ему стать равноправным партнером в разговорах об искусстве с Ежи Новосельским.

Ружевич, которого Людвик Фляшен некогда провозгласил «самым молодым классиком», в письмах к Новосельскому избегает тем, затрагивающих текущую литературную жизнь, и на протяжении сорока лет их совместного эпистолярного общения лишь от случая к случаю описывает коллег по цеху:

Тадеуш Ружевич — Зофье Новосельской, открытка, 7 апреля 1973 г.; Вроцлав

(...) Все праздники сижу дома. В качестве одного из «Академиков Литературы» (избранного читателями [варшавского еженедельника] «Литература») меня пригласили в столицу на торжественный обед, назначенный на 19 апреля, но я не принял ни высокого звания, ни приглашения — предложил на свое место прабабушку Иллакович или же глупца-мудреца Сандауэра^[2], — пожелав всей Академии «приятного аппетита» (...)

А также:

Тадеуш Ружевич — Зофье и Ежи Новосельским, 23 января 1980 г.; Вроцлав

Мои дорогие!

Письмо (с очерками о театре «нуль <смерти>»^[3] во Флоренции и Кракове получил)... Марысе Стангрет^[4] и Тадеушу К[антору] больше везет на (Сандауэра), чем мне... я вынужден доказывать, что не являюсь недоразвитым вредителем (малолетним-извращенцем, нигилистом, слабоумным дуралеем)... и при этом сомневаюсь, смогу ли «провести доказательство»...

Ни в одном из писем не появляется политическая тематика, а ведь в Польше хватало переломных дат — 1968, 1970, 1981, 1989. С одинаковой сдержанностью поэт и художник описывают свою семейную жизнь, социальные и «светские» контакты, а также религиозный опыт.

Самой важной темой их корреспонденции остается творческая форма, именно ей они посвящают больше всего места в своих почтовых отправлениях. Особенно у Тадеуша Ружевица рождалась неслыханная потребность писать о своих сиюминутных впечатлениях. В одном случае эти размышления касались какого-то фильма, увиденного по телевизору, другой раз — выставки в картинной галерее, а то и состояния собственного здоровья, как в этом случае:

Тадеуш Ружевиц — Зофье и Ежи Новосельским, открытка, 14 апреля 1976 г., Вроцлав

Мои дорогие!

Всё время пишу вам письма и не знаю, когда перестану. Быть может, это у меня какая-нибудь болезнь — сегодня, например, я написал два. Порою хочу «воздержаться» (так как в наше время столь частое сочинение писем нельзя считать нормальным), но... то и дело хватаюсь за авторучку и пишу! Нынче у меня болит голова... то есть что-то барахлит с «давлением», потому как у меня в мозгах и в глазах бегают посверкивающие мурашки. Я уже знаю, Юречек, почему так пишу тебе...

Для разнообразия ем без передышки. Сегодня купил бутылку красного вина и прочитал 20 стихотворений знакомой поэтессы. Во Вроцлаве открылось чудо — пивная, в которой вроде бы можно купить 20 сортов пива!?!

Однако же бесспорно, что чаще всего письма касались того творческого бессилия, которое накатывало на поэта сравнительно нередко и порождало тревожные состояния апатии, сомнения, необоснованного страха. Как Ежи Новосельскому, так и Тадеушу Ружевицу лучшим способом улизнуть от затянувшегося плохого самочувствия представлялось буквальное бегство из дома. Обоим этим

художникам по причине их профессиональных занятий часто подворачивались возможности путешествовать, но, парадоксальным образом, они старались избегать поездок, которые подсознательно их парализовали.

Ружевичу едва ли не каждый раз приходилось заставлять себя отправляться в заграничные вояжи, и почти все их он рассматривал как экскурсии в известные музеи — Лондона, Мюнхена, Вены, Стокгольма, Нью-Йорка. Ежи Новосельский благодаря своим профессиональным обязанностям, а также работе над фресками и декором в храмах как восточного, так и западного обряда тоже был вынужден часто пускаться в путешествия и подобно своему другу-писателю не самым лучшим образом переносил осознание отъезда из дома. Его беспримерное пространственное воображение позволяло ему на протяжении сорока с лишним лет проектировать многочисленные шедевры в церквях не только Польши, но и зарубежья. Именно из-за своих религиозных убеждений он в 1974 г. отказал Тадеушу Ружевичу в просьбе создать обложку к драме «Непорочный марьяж», написав другу одно из самых длинных и наиболее решительных писем в томе «Переписки», фрагменты которого звучат следующим образом:

Ежи Новосельский — Тадеушу Ружевичу, 22 ноября 1974 г.;
Краков

Дорогой Тадеуш!

Позавчера я подписал в «Выдавництве литерацком» договор по поводу суперобложки, то есть рисунка на суперобложку «Непорочного марьяжа». Одновременно я получил обратно текст этой пьесы в «Диалоге», который когда-то одолжил Ханке Порембской^[5]. Прочитал — и случилась катастрофа! Оказывается, пьесу я знал только по тем фрагментам, которые ты нам когда-то читал, а после повторного подробного прочтения обнаружил в ней элементы, которые приводят к тому, что делать эту суперобложку я не могу! Поскольку всё это дело — сложное, а также неприятное и для тебя, и для меня, то я должен подробно изложить тебе мои мотивы.

Так вот, пьеса мне нравится, в ней присутствует большая поэзия, и у нее очень красивая конструкция, а также красивое окончание. Здесь есть превосходный юмор, который меня искренне веселит, и морализаторское воздействие — всё это правда. Тем не менее, однако, основополагающие элементы такого воздействия являются специфически ситуационными, а может быть, и по необходимости святоотечественными (по крайней мере, в моем субъективном ощущении). А теперь будь внимателен: я не могу

предъявить тебе по этой причине даже минимальный упрек. Как художник, как моралист и как просто человек, выражающий конкретную правду, ты имеешь полное право на подобного рода обращение с определенными вещами. Но, с другой стороны, у меня субъективно существуют те или иные внутренние испытания и внутренние переживания, связанные с такими вещами, как крест, евхаристия, символы св. Николая, которые делают для меня невозможным художническое взаимодействие с подобного рода искусством. Я могу пассивно иметь к этому искусству положительное отношение в качестве потребителя, могу давать публичное выражение этому положительному отношению и публично защищать твое право, но активным образом художнически взаимодействовать в этом направлении я не могу, потому что нарушил бы те особенно важные переживания, которые несколько раз испытывал и всё еще постоянно продолжаю их осознавать (...)

В беседе с Кристиной Черни Тадеуш Ружевиц признался, что это письмо было одним из самых важных среди тех, которые он когда-либо получал от Ежи Новосельского, так как художник сформулировал в нем свое кредо, определяющее, каким образом его вера влияет на то, что, хотя пьеса ему нравится, он не в состоянии ее проиллюстрировать:

«Юрек был довольно решителен, если речь шла о его убеждениях, но убеждениях скорее богословских, нежели художнических. В своем мышлении он, однако, шел в вертикальном направлении — от человека к Богу. А я передвигался на горизонтальной плоскости. В этом заключалась принципиальная разница. Для него зло и добро было разделено, а для меня они были и остаются рассеянными...»

Последствия публикации «Непорочного марьяжа» оказались серьезнее, чем кто-либо мог предполагать. Ружевица подверг публичной критике сам кардинал Вышинский: «В Польше это оказалось большим недоразумением, в котором — совершенно понапрасну — принял участие даже кардинал Вышинский. Видимо, ему это подсунул кто-нибудь из коллег-драматургов, так как Вышинский ведь не читал „Диалога”», — вспоминает писатель. Черни, которая занималась составлением и редактированием тома его писем, упоминает в одном из примечаний, что автора многократно обвиняли в порнографии и оскорблении христианской морали, а также выдвинула предположение, что постановка этого спектакля в Стокгольме помешала поэту получить Нобелевскую премию.

Частота отправления писем Тадеушем Ружевишем с течением времени падает, в 90-е годы она намного меньше, нежели в предшествующий период, зато любопытно, что усиливается эпистолярная активность Зофьи и Ежи Новосельских, дабы окончательно сойти на нет в 1998 году. Эти открытки становятся, однако, всё грустнее, в них всё меньше рассуждений об искусстве, а всё больше и больше — о недугах и медицинских проблемах супругов.

Как уже упоминалось в самом начале, Тадеуш Ружевиш неохотно делится своей частной жизнью, и число опубликованных писем возросло бы, не имей они чрезмерно интимной направленности. Поэт в разговоре с Кристиной Черни объясняет, что «жизнь Юрека и Зоси была сложной... Есть такие вещи, которых я никому не стану рассказывать — вообще. Это не имеет ничего общего ни с искусством, ни с его живописью, ни с верой, религией или характером. Когда-то я написал такую его характеристику: „Это был святой, который временами выпивал”», — а также: «Существуют разные точки зрения, я попросту никогда и никому не скажу о кое-каких вещах — ни из жизни Юрека Тхужевского^[6], ни Новосельского, поскольку это было бы нелояльным и гадким. Отнюдь не всё выставляется на продажу».

-
1. Мечислав Порембский (род. в 1921) — видный критик и искусствовед, в 1950–1969 гг. преподаватель Академии изящных искусств в Варшаве, затем связан с Ягеллонским университетом. Автор многочисленных монографий, в т. ч. «Новосельский» (Краков, 2003), ставшей в 2004 г. одним из финалистов «Нике» — главной литературной премии Польши. — Здесь и далее прим. пер.
 2. Казимера Иллакович (1892–1983) — польская поэтесса; Артур Сандауэр (1913–1989) — литературный критик и прозаик, эссеист и переводчик.
 3. Отсылка к концепциям «нулевого театра» и авторского «театра смерти», которые Т.Кантор реализовал в своем авангардном театре «Крико-2», соответственно, с 1963 и 1975 гг.
 4. Мария Стангрет (род. в 1921) — художница, неизменная актриса «Крико-2», с 1961 г. — жена Т.Кантора.
 5. Анна Порембская (1920–1992) — историк искусства, переводчица, жена Мечислава Порембского.
 6. Ежи Тхужевский (1928–1999) — живописец и график, член

т.н. Краковской группы (куда, в частности, входил и Т.Кантор); с 1987 г. проф. Варшавской Академии изящных искусств; первоначально находился под влиянием сюрреализма

КУЛЬТУРНАЯ ХРОНИКА

• Кинофестиваль в Гдыне, который обычно проводится в сентябре, в этом году впервые состоялся в конце мая. На нем показали 21 новый фильм польского производства, которые оценивало жюри под председательством Анджея Баранского. Предыдущий фестиваль, с такими фильмами, как «Реверс», «Плохой дом», «Польско-русская война» или «Лес», давал надежду на обновление польского кино. Нынешний фестиваль вызвал намного меньше энтузиазма, а оценки жюри были восприняты с недоверием. Павел Т. Флис («Газета wyborcza») написал: «Этот вердикт возмущает, удивляет и просто огорчает: две из трех главных премий получили исторические подделки. Выигрывает «Розочка» Кидавы-Блонского — фильм прозрачный, лишенный авторской печати, по-своему милый, но пустой».

Того же мнения Тадеуш Соболевский: «Разочаровывающие «Золотые львы», присужденные «Розочке» Яна Кидавы-Блонского, повторили ситуацию двухлетней давности, когда жюри пренебрегло настоящими открытиями фестиваля и наградило коммерческую «Малую Москву». «Розочка» — такая же добротная сделанная мелодрама, политкорректная, заслужившая аплодисменты, но лишенная тайны, оперирующая стереотипами».

• Для порядка назовем главных лауреатов 35-го Фестиваля польских художественных фильмов в Гдыне:

«Золотые львы» за лучший фильм — «Розочка» в постановке Яна Кидавы-Блонского;

«Серебряные львы» за фильм «Крещение» режиссера Мартина Вроны;

специальная премия жюри за фильм «Неполное среднее, 1947 й» Януша Маевского.

• А какие фильмы, по мнению критики, остались недооцененными? Прежде всего «Эрратум» Марка Легкого (премия журналистов и премия за дебют) и загадочная, интригующе построенная «Мать Тереза от котов» Павла Сали. Большого заслуживало и «Крещение» Мартина Вроны. Ради этих фильмов стоило приехать в Гдыню.

- «Платиновыми львами» за вклад в киноискусство был награжден в Гдыне Януш Моргенштерн, режиссер таких фильмов, как «До свиданья, до завтра...», «Надо убить эту любовь», сериалов «Ставка больше, чем жизнь», «Колумбы» и «Польские дороги».

Януш Моргенштерн — один из ведущих представителей польской киношколы. Это он предложил взять Збигнева Цыбульского на роль Мачека Хелмицкого в «Пепле и алмазе» Вайды. В историю польского кино вошла знаменитая сцена с горящим спиртом в стаканах — это была идея Моргенштерна.

Ранее «Платиновых львов» получали Анджей Вайда, Станислав Ружевич, Ежи Кавалерович, Ежи Хоффман и Казимеж Куц.

- Во время Гдыньского фестиваля состоялась премьера последнего мультфильма Томаша Багинского «Анимированная история Польши», до этого показанного только во время Всемирной выставки в Шанхае (фильм был одной из главных достопримечательностей польского павильона). Картина Багинского — это путешествие сквозь запутанную и драматическую тысячелетнюю историю Польши — от королевства Пястов до заседаний «круглого стола» и падения коммунизма. Идет неполных восемь минут!

— В восемь минут можно вместить только общие впечатления, настроения и атмосферу. Вот такой у нас фильм. Визуальная поэма, стихотворение, рассказанное картиной, вдохновленное польской историей, — сказал Багинский, автор номинированного несколько лет назад на «Оскар» «Кафедрального собора». Те, кто уже видел «Анимированную историю Польши», говорят, что фильм просто потрясает. Шедевр.

- В середине июня на экраны вышла «Венеция» Яна Якуба Кольского — фильм настроения, поставленный по мотивам рассказов Влодзимежа Одоевского. «Утверждать, что темой «Венеции» была польская катастрофа сентября 1939 года и развенчание романтического мифа, было бы серьезным упрощением. Это фильм о взрослении, об особенном путешествии-инициации молодого героя, путешествии, которое проходит вопреки внешним условиям и даже вопреки здравому смыслу», — отмечает Конрад Зарембский на портале Culture.pl.

Главный герой фильма Марек — нелюбимое дитя. «Он бежит в мечты о красивой жизни, путешествиях и, главное, о поездке в Венецию, — пишет Барбара Холлендер в «Жечпосполитой». — А

идет 1939 год. Всё громче говорится о войне. И свою Венецию Марек устроил в имении тети Вероники, в залитом водой подвале дома».

В Гдыне картина получила премию за операторскую работу (Артур Рейнгарт), сценографию (Иоанна Маха) и актерский дебют (Мартин Валевский). Сам Ян Якуб Кольский должен был удовольствоваться премией Объединения студийных и местных фильмов.

- Вторую жизнь обрел один из шедевров польской кинематографии — «Сальто» (1965) по сценарию и в режиссуре Тадеуша Конвицкого. Фильм прошел цифровую реконструкцию, кадр за кадром, — как изображение, так и звук. Это стало возможным благодаря проекту KinoRP, имеющему целью спасение выдающихся польских фильмов от гибели и показ их современному зрителю в высоком качестве.

- Присуждены ежегодные премии министра культуры и национального наследия. За совокупность творчества награждены Тадеуш Конвицкий и Томаш Станько — выдающийся джазовый трубач.

Премии по литературе получили профессор Мария Попшецкая за «Шедевры польской живописи» и Анджей Барт за романы «Фабрика мухоловок» и «Реверс», а также за сценарий фильма «Реверс» в режиссуре Бориса Ланкоша.

В нынешнем году больше всего премий министра культуры получили кинематографисты: Агата Бузек за роль в «Реверсе», а также за успех на Берлинском фестивале, во время которого она вошла в число десяти наиболее одаренных молодых актеров; Роберт Венцкевич — за необычайно удачный артистический сезон 2009 года, а также кинорежиссеры: Борис Ланкош за неоднократно премированный «Реверс» и Бартек Конопка за режиссуру выдвинутого на «Оскар» фильма «Кролик по-берлински».

Министр Богдан Здроевский наградил также театральных режиссеров Гжегожа Яжину и Кшиштофа Варликовского. Первого — за постановку спектаклей «Т.Е.О.Р.Е.М.А.» и «Между нами всё в порядке», второго — за инсценировку «(А)полонии» в варшавском Новом театре. Сюрприза не было.

В музыке — сопрано Александра Кужак за сезон 2009 года и пианист Петр Андершевский, в частности за первую концертную пластинку «Петр Андершевский в Карнеги-холле».

В области визуальных искусств премию получил Павел Альтхамер за проект «Общее дело» — мероприятие, осуществленное в Брюсселе к 20 й годовщине выборов 4 июня 1989 года. В «Общем деле» приняло участие свыше 150 человек, одетых в золотые комбинезоны. В Брюссель на празднование годовщины начала восстановления независимой Польши они полетели специальным самолетом, который позолотил Альтхамер.

В первый раз в истории премии министр культуры наградил учреждение — Национальный центр культуры.

- Наряду с премиями Богдан Здроевский вручил также дипломы министра культуры и национального наследия. Их получили Катажина Коленда-Залеская за документальный фильм о Виславе Шимборской «Иногда жизнь бывает сносной», Камила Дрецкая и Януш Андерман за документальный фильм «Что я тут делаю? Тадеуш Конвицкий».

- 19 июня были названы лауреаты литературной премии «Гдыня-2010». Жюри под председательством профессора Петра Сливинского присудило поэтическую премию Юстине Баргельской за сборник «Два фиата», а в категории прозы — Анджею Стасюку за «Таксим». В категории эссеистики и документальной литературы отмечена книга Рышарда Козёлека «Тела Сенкевича. Исследование о плоти и насилии». Лауреаты получили по 50 тыс. злотых. Специальной «особой» премией отмечена Малгожата Шейнерт за замечательные достижения в области репортажа. Особое внимание было уделено ее последней книге «Остров Ключ» — репортажу об Эллис-Айленде, островке возле Нью-Йорка, который много лет называли «воротами Америки».

- Лауреатом премии «Трансатлантик» за нынешний год стал Пьетро Маркезани, преподаватель Генуэзского университета, выдающийся переводчик польской литературы на итальянский язык. Совет по премии избрал его среди 30 кандидатов из 22 стран. Премия в размере 10 тыс. евро вручается за популяризацию в мире польской литературы. Пьетро Маркезани перевел произведения таких авторов, как, например, Гомбрович, Херберт, Конвицкий, Лец, Милош, Мрожек, Пшибышевская, Щипёрский, Шимборская и Виткаций. Маркезани также известен как автор многих исследований и статей о польской литературе, организатор научных конференций и издатель. В 2001 г. он основал в издательстве «Либри Шайвиллер» серию, посвященную польской культуре, в которой, в частности, были опубликованы

тексты Яна Котта, Виславы Шимборской, Тадеуша Ружевича и Тадеуша Кантора.

В числе лауреатов премии «Трансатлантик», присуждаемой Институтом книги, в прошлые годы были Хенрик Береска (2005), Андерш Бодегард (2006), Альбрехт Лемпп (2007), Ксения Старосельская (2008) и Бисерка Райчич (2009).

- Десять лет существования отметил Институт Адама Мицкевича — организация, популяризирующая польскую культуру за рубежом. В связи с этим в сквере Гувера и на Мариенштадте в Варшаве прошел настоящий фестиваль классической и авангардной музыки, рок-музыки, джаза, фольклора, актерской песни, уличных и кукольных театров.

Уличный театр «Бюро путешествий» показал «Макбета», а Вроцлавский театр кукол — «Сломанные ногти. Речь о Марлен Дитрих». Любители современного танца могли наблюдать перформансы танцоров, связанных с театром «Дада фон Бздулов».

Юбилею Института Адама Мицкевича посвятил один из своих концертов оркестр «Sinfonia Varsovia». В программе концерта, состоявшегося 19 июня в концертной студии Польского радио имени Витольда Лютославского, прозвучали две симфонии Бетховена. Оркестром дирижировал его музыкальный руководитель Марк Минковский.

- «Ars Homo Erotica» — таково название выставки, открывшейся в июне в Национальном музее в Варшаве. Журналисты втайне рассчитывали, что вернисаж не обойдется без скандала, но ничего сенсационного не случилось. Экспонировались давно известные произведения из собрания Национального музея, а также работы специально приглашенных современных художников. Общим знаменателем должно было стать гомоэротическое воображение творцов — от античности до наших дней. «Ars Homo Erotica» погружена в традиции культуры, но связана и с актуальной политической проблемой прав меньшинств, как утверждают авторы выставки. «Выставка объединяет мифы и историю искусства с современностью и спорами о стандартах демократии. Она отражает философию эротизма как опыта, ведущего к гуманистической идее приятия радости жизни и секса, даже под угрозой репрессий».

Одним критикам экспозиция пришлась по вкусу, другим понравилась меньше. «Я думаю, что каждый зритель, в том числе и гетеросексуал, получит от этой выставки много

радости», — пишет в «Газете выборчей» Дорота Ярецкая. А Моника Малковская («Жечпосполита») недовольна: «...мало объектов высшего уровня, а о шедеврах вообще не говорю». Обе дамы с одобрением признают, что выставка поднимает на новую высоту мужскую обнаженную натуру — от академических штудий XIX века и реалистической живописи до современного искусства «голубых». Выставку можно посмотреть до 5 сентября.

- Иоанна Райковская стала в этом году лауреатом Большой премии Фонда культуры. Популярность художнице принесли главным образом проекты, осуществленные в общественном пространстве, такие как «Приветы с Иерусалимских аллей» (пальма на варшавской площади де Голля) и «Оксигенатор» — обогащенный кислородом искусственный водоем на Гжибовской площади в Варшаве.

- 20 июня исполнилось 80 лет Магдалене Абаканович — одной из крупнейших современных польских художниц. В связи с этим в садах варшавского Королевского замка можно до 30 сентября посмотреть пленэрную выставку «Абаканович. Наконец в Варшаве». Представлены скульптуры из цикла «Бамбини» и монументальная «Голова». А краковский Национальный музей подготовил ретроспективу художницы, названную просто «Абаканович». Экспозиция, разместившаяся в главном здании музея и возле него, охватывает работы с 1960-х по начало нынешнего века. Представлены, конечно, знаменитые «абаканы» — род мягких, висящих крупных скульптур из сизаля, которые прославили художницу в мире. Выставка в Кракове будет открыта до 29 августа.

- Варшавская галерея «Захента» подготовила к лету выставку работ Яна Лебенстайна (1930–1999) «Печать Эроса и Танатос. Париж, 60-е», построенную прежде всего на никогда до этого не выставлявшемся наследии Либенстайна. Благодаря этому мы знакомимся с частной мифологией художника, зашифрованной не только в известных картинах из цикла «Осевых фигур», но и в интимных набросках и гуашах. Представлены работы из частных собраний (например Войцеха Фибака), а также из коллекции вроцлавского Национального музея и варшавского Литературного музея. Выставка продлится до 22 августа.

Прощания

12 июня в Варшаве умер Ежи Стефан Ставинский, выдающийся сценарист, один из основателей школы польского кино. Он прожил 89 лет. Был автором книг, по которым сняты,

например, «Канал» Анджея Вайды, «Героика» и «Косоглазое счастье» Анджея Мунка. Во время войны он был в подполье, участвовал в Варшавском восстании, вместе с другими повстанцами пробирался по канализационной сети из Мокотова в центр города. На основе воспоминаний об этих событиях позже был написан сценарий фильма «Канал». Спустя годы Ставинский говорил: «Ничто в моей жизни несравнимо с переходом по каналам во время Варшавского восстания. То, что все оказались в дерьме, что ко всем чертям пропали наши порывы к независимости и пришли большевики, наполнило меня горечью. Я начал смотреть на мир иронически».

Ставинскому принадлежат также сценарии фильмов «Крестоносцы» Александра Форда, «Покушение» Ежи Пассендорфера, «Операция у арсенала» Яна Ломницкого, «Час В» Януша Моргенштерна, «Полковник Квятковский» Казимежа Куца, «Завтра идем в кино» Михала Кветинского. Он опубликовал много книг, среди которых «Шесть превращений Яна Пищика», «Повстанческие рассказы», «Записки молодого варшавянина о дне рождения». В марте нынешнего года Ставинский получил польскую кинопремию «Орел» за совокупность творчества.

17 июня в Нью-Йорке в возрасте 72 лет умерла от рака Эльжбета Чижевская — легенда польского кино, одна из самых знаменитых актрис кино, телевидения и театра. В 60-е годы она была на вершине популярности, ее комедийный талант изумлял в фильмах «Муж своей жены», «Жена для австралийца», «Брак по расчету» Станислава Бореи, «Джузеппе в Варшаве» Станислава Ленартовича, «Где генерал?» Тадеуша Хмелевского. Здесь она перевоплотилась в русскую солдатку Марусю, помогающую польскому рядовому, которого играл Ежи Турек, поймать немецкого генерала. Была она прекрасна и в драматических ролях, например в «Дне поминовения» Тадеуша Конвицкого, «Рукописи, найденной в Сарагосе» Хаса, «Первом дне свободы» Форда, в картине Вайды «Всё на продажу». Сыграла также в двух фильмах «новой волны» — у своего первого мужа Ежи Сколимовского в «Особых приметах» и «Валковере».

Ее вторым мужем был известный американский журналист Дэвид Хальберстам. Когда в 1967 г. его выслали из Польши за статью, критически описывавшую социалистическую действительность, Чижевская уехала вместе с ним в Америку. Пресса ПНР нападала на нее тогда, не стесняясь в выражениях.

«В театре она играла Мэрилин Монро, в спектакле «После падения» Миллера, и, наверное, даже ощущала себя ею, — вспоминает друживший с актрисой Януш Гловацкий. — В ее жизни был огромный успех и обидное поражение, табуны мужчин и одиночество.

Чижевская — это тема для Достоевского. В Америке она не сделала карьеры из-за акцента. Но акцент не мешал ей, когда в она Вудстоке прекрасно играла в «Моей охоте на тараканов», потому что эта пьеса об эмигрантах. Только когда спектакль переехал в Нью-Йорк, Артур Пенн взял в труппу Дайан Уист, которая как раз получила «Оскара»».

Яцек Щерба в прощальной статье на страницах «Газеты выборчей» вспоминает: «Когда Вайда в 1974 г. поставил в Йельском репертуарном театре «Бесов» Достоевского, она играла Марью Лебядкину. В труппе была молодая американская актриса, которая ориентировалась на Чижевскую, старалась ей подражать. Ее звали Мэрил Стрип».

ЧТО СЛУШАЕТ ПОЛЯК В ПОЛЬШЕ XXI ВЕКА?

Люди пожилые любят повторять формулу «в наше время». Как-то так странно получается, что в «их время», по их оценке, всё всегда было лучше, интереснее и честнее. Может, потому что мы охотно забываем все неприятное и сохраняем лишь приятные воспоминания? Боюсь, то, что я напишу о сегодняшних музыкальных пристрастиях польской молодежи, автоматически отнесет меня к старикам, ибо я всё же слегка покритикую нынешнее время.

Сначала краткий исторический экскурс, чтобы понять, на каком фоне я собираюсь критиковать. Прежде чем в Польше воцарился свободный рынок и наступила коммерциализация СМИ, у нас были три общепольских радиопрограммы. Эти три программы Польского радио, в особенности 3-я, играли очень важную роль в музыкальном образовании слушателей. Несмотря на всяческие идеологические ограничения, когда весьма неохотно разрешали продвигать западную музыкальную моду и тамошних звезд эстрады, Польское радио знакомило с тем, что было самого лучшего на мировом рынке легкой музыки. Польские исполнители, желая удержаться на рынке, использовали доступные заграничные образцы. Несмотря на убогую техническую и организационную базу, они делали всё, чтобы их художественный уровень не слишком уступал мировому. И у нас существовал такой парадокс: молодые люди, жившие в стране, где не было магазинов с пластинками, а печатная информация о кумирах рок- и поп-музыки была доступна только благодаря возникавшим там и сям «уголкам меломана», не только много знали о легкой музыке, но и прекрасно ориентировались, что в ней достойно внимания, а что нет.

Наконец в один прекрасный день рухнул железный занавес, кончились запреты, исчезла цензура, не стало монополии государственных СМИ. Вскоре появилось частное телевидение и частные радиостанции. Как известно, ни радио, ни телевидение невозможно делать без развлекательных передач, поэтому потребность в музыкальных программах стремительно возрастала. Упоенные свободой и возможностями выбора, молодые поляки как будто не

заметили, как в страну широким потоком хлынула не только лучшая, но и весьма низкопробная коммерческая продукция, штампованная на конвейере. Оказалось, что отмена ограничений не привела к повышению качества музыки, звучащей в СМИ. Наоборот, подражание Западу, с особым пиететом к англо-американским образцам, вытеснило из сознания слушателей интересные художественные поиски в других направлениях. С грустью можно констатировать, что польская публика плохо осведомлена о легкой музыке, создающейся во Франции, Италии, Испании или России. Безнадежный уровень таких международных музыкальных событий, как конкурс Евровидения, ни в коем случае не решает проблемы. Тревожит и такое весьма заметное и имеющее коммерческую основу явление, как появление на нашем рынке «звездочек» одного сезона из Германии и других европейских стран. Они исполняют создаваемую компьютером низкопробную танцевально-вокальную жвачку. Всяческие «океаны» («Ocean») и «ингриды» («In-Grid»), которых нам представляют как «международных звезд», мелькают на наших эстрадах и экранах, создавая некую иллюзию, что их пластмассовый блеск признан во всем мире.

В свою очередь польские артисты делятся на группы, различающиеся довольно четко. В одной – так называемые «самограи» (музыкальные автоматы) или, если сказать иначе, «любимцы публики». Сюда входят такие исполнители, как Байм, Юстина Стечковская, Марыля Родович, Рышард Рынковский, Кшиштоф Кравчик, Наталья Кукульская, Эдита Гурняк. Уже много лет находясь на рынке, они ничем не удивляют, исполняют вполне нейтральный и, честно говоря, совершенно не современный репертуар популярной музыки. Есть также заслуженные и уже хорошо известные рок-исполнители, как скажем, группы «Perfect» или «Lady Pank», стригущие купоны со старых успехов. Следующую группу составляют довольно громко рекламируемые «современные» звезды. От «любимцев публики» они отличаются псевдонимами, количеством татуировок, частой сменой нарядов от модных фирм, а также количеством интервью и фотосессий. Пением — уже меньше. Тут пальма первенства принадлежит таким дамам, как Doda, Paulla или Candy Girl. Исполняемые ими песенки тоже вторичны, немодны и мало интересны.

Когда смотришь популярные развлекательные телепрограммы или слушаешь передачи коммерческих радиостанций, постоянно звучащие в парикмахерских или супермаркетах, может возникнуть ошибочное впечатление, что польской

публике нравится что угодно. Однако это не так. Есть люди, которым хочется чего-то большего, и они проявляют интерес к тому, что редко услышишь в польском эфире. У нас есть любители «хип-хопа», «металла», фолка, блюза и ряда других музыкальных жанров. Однако тут возникает довольно серьезная экономическая проблема. Молодежь не располагает большими деньгами, зато хорошо разбирается в информатике. В результате этого покупать диски стало немодным и финансово обременительным, а модным и практичным стало скачивать из интернета и копировать музыкальные сайты. Распространенные повсюду устройства типа i Pod или музыкальные телефоны стали общедоступными, и с их помощью можно с легкостью получить самые популярные записи. Здесь порочный круг замыкается — студии звукозаписи зарабатывают меньше и поэтому не слишком стремятся рисковать и сотрудничать с артистами, которые не могут гарантировать «верняк».

К счастью, еще не совсем исчезли радиостанции, которым претит поверхностность и которые предлагают своим слушателям записи таких исполнителей. И, конечно, есть интернет, благодаря которому не только копируются художественные схемы, но и обеспечивается невероятно демократический доступ к дискуссионным группам или сайтам, представляющим музыку, которую не услышишь в СМИ.

Так что если кто-то захочет узнать, что слушают в Польше, он не должен полагаться на первое впечатление. Второе, третье, а иногда и четвертое впечатление бывают гораздо более интересны и по сути более правдивы.

Войцех Манн — видный музыкальный критик, радио- и телеведущий.

С МОЛОДЫМИ НУЖНО ЗАКЛЮЧАТЬ СДЕЛКУ

— Вы смотрите сериал «39 с половиной»?

— Если представляется возможность, то да.

— Там главный герой, которому скоро стукнет сорок, ведет себя и выглядит точно так же, как и его сын-подросток. За последнее время в СМИ появились высказывания социологов, что конфликт поколений по существу исчезает, что молодежь становится более консервативной. А из ваших исследований это тоже вытекает?

— Мы продолжаем думать о молодежи как о целостной, гомогенной группе. Тем временем взаимоотношения между детьми родителей с высшим образованием и их общественным окружением совершенно отличаются от ситуации, когда отец располагает лишь профессиональным образованием, а мать — аттестатом зрелости и работает мелкой служащей. Надо нам начать смотреть сквозь призму таких понятий, как культурный капитал семей, дифференцированные поколенческие биографии родителей и детей, изменения той культурной среды, в которой все мы созревали или созреваем. Кроме того принадлежность к определенному общественному слою и уровень зажиточности обычно предопределяют, по какой именно дороге пойдет молодой человек.

Стоит обратить внимание на то, что сегодня различия между поколениями зачастую проявляются в тех зонах, где их ранее не существовало. На первый взгляд, в старой зоне вроде бы царит полнейшее спокойствие — может представляться, будто конфликта между старыми и молодыми вообще нет. Именно так обстоят дела в Польше, когда проводится опрос о ценностях и когда оказывается, что поразительным образом — и весьма на руку консервативным политическим подходам — мы сумели спастись от натиска «бурного потока испорченности и скверны, который хлещет известно откуда», так как системы ценностей у взрослых и молодежи очень похожи. Но извлекать отсюда вывод о консервативности нашей молодежи — это ошибка. Хотя бы потому, что если мы задаем вопрос о семье, то респондент может иметь в виду лесбийскую семью или же супружескую пару, чей союз не освящен церковью. Дьявол таится в деталях. Как правило, среди ответов, предлагаемых в

качестве подсказок, на первых позициях располагаются такие ценности, как семья, работа, материальная обеспеченность и здоровье, которые в нашем культурном кругу важны для большинства людей. А дальше — когда человек уже проставит от трех до пяти галочек в верхних строках — появляются другие ценности, например карьера, одинокая жизнь и т.д. Но их уже не выбирают, так как разрешено выбрать только три или пять ответов. Более достоверны те опросы, в которых не предлагается готовый список, а людей просят, чтобы они сами указали важные для них ценности. А еще лучше — такие, где мы просим респондентов самостоятельно описать, каким образом они их понимают.

— Стил ь одежды уже, пожалуй, не становится поводом для раздоров.

— Вот именно, что становится. Меня это тоже поразило. Я провела опрос на прошлогоднем «Вудстоке» и с изумлением констатировала, что опять возвращается проблема внешнего вида, одежды и даже длинных волос. В высших учебных заведениях (sic!) на студентов оказывают давление, чтобы те обрезали волосы, особенно дреды. Есть и такие средние школы, где это оказывается проблемой. Одного из мальчиков, который сделал себе прическу, не одобрявшуюся родителями, «отец взял, — по его словам, — голодом». Паренек не получал обеда, пока не постригся. Я снова почувствовала себя, словно во времена молодости, когда в школе наш директор линейкой отмерял приемлемую длину прически.

Кое-какие конфликты в старых зонах межпоколенческих взаимоотношений вытекают из возраста. Они появляются и исчезают, едва только молодые люди становятся совершеннолетними, — как, скажем, война по поводу времени возвращения домой или каникул. Мне тоже нравится то, о чем написал в книге «Цифровая зрелость. Как поколение сети меняет наш мир» Дон Тапскотт: «Когда я был молодым, Америка была безопасной, дети отправлялись играть на улицу, пропадали там целыми днями и возвращались вечером, а выволочку от матери получали максимум за изодранные брюки. Мы тоже выходили во двор, и родители не дрожали, что произойдут какие-либо плохие вещи. Теперь же ребенка требуется отвозить в школу, его свободное время по соображениям безопасности находится под контролем взрослых. Мы боимся всего на свете, начиная от половых извращенцев и кончая похищениями. Поэтому современные дети совсем иначе проживают свое детство и юность».

По причине такого усиленного контроля войны за более поздние возвращения домой и за каникулярные поездки обретают дополнительную интенсивность, но обычно родители их проигрывают. Молодежь в любом случае поступает, как хочет. Уже хотя бы потому, что изменилась структура времени, которое в семье может уделяться детям. Сидение с матерью за столом и разговоры ни о чем вытесняются временем, предназначенным на то, чтобы подвозить ребенка в разные места.

— Действительно, у молодежи должно складываться впечатление, что ее слишком сильно контролируют.

— Однако же это пространство неконтролируемого времени, оказавшись зажатым в жесткие рамки, «выпирает» в другой точке. К примеру, в интернете. Вечерами старшие сидят и смотрят телевизор, а ребенок в своей комнате с головой окунается в сеть.

— Недавно я слышала рассказ о девочке-подростке, которая вместе с родителями переехала за город. Родители удивляются, что, оказавшись отрезанной от подруг, она нисколько не отчаивается, а сразу же, как ее привезут домой, исчезает в своей комнате... Применительно к интернету мы можем, пожалуй, говорить о поколенческой пропасти.

— Недавно один немолодой таксист рассказал мне такую историю. Мол, купил я себе компьютер, пробую подключиться к интернету, а тут пришел внук и сказал: «Смотри, дедушка, вот как это делается», — после чего проделал какой-то шахер-махер, а я ничегошеньки не понял. В людях постарше сидит страх, будто они эту аппаратуру испортят. Не знают они, что для этого понадобилось бы на нее топором замахнуться, а не нажать неправильную клавишу.

— Но если внук найдет хороший способ научить дедушку, то образуется поле для соглашения и взаимопонимания.

— Только для этого ребенку понадобится найти в себе такие качества, которые не присущи юности: выдержку, терпимость.

— Мир встал с ног на голову. Когда-то знания были прерогативой старшего возраста.

— Нужно снять шапку перед Маргарет Мид, которая в 1970-е годы в работе «Культура и преемственность. Исследование конфликта между поколениями» всё это предсказала. Каждая фраза там актуальна.

— А каким образом взрослые справляются с тем, что перестали быть авторитетом в вопросах знаний?

— Почти все они, а уж наверняка учителя и воспитатели, узурпируют то, что Бурдье назвал «педагогическим авторитетом», который у нас вроде бы должен полагаться «по возрасту и по должности». В этом не очень-то много общего с социологическим определением авторитета, например принадлежащим Веберу, которое предполагает добровольное признание чьего-либо превосходства в том или ином отношении. Считается, что без авторитета невозможно воспитывать. Однако авторитета, понимаемого таким образом, на практике уже давно нет.

Это касается не только технологии, но и, к примеру, потребления. Недавно на конференции у меня спросили, как воспитание может осуществляться без авторитета. Даму, которая упорно настаивала, что без авторитета воспитывать невозможно, я спросила, кто принимает решение о том, какую блузку ей себе купить? Она или дочь? В этот момент ее дочь, тоже сидевшая в зале, начала смеяться и сказала: «Естественно, я».

Сегодня покупки для всё большего числа людей старшего поколения становятся сплошным мучением. А для молодежи это мир, в котором она движется, словно рыба в воде. Маркетинговые действия теперь нацелены на детей и молодежь, так как выяснилось, что это они принимают решения о покупках.

Такие ситуации, когда на занятиях молодому парню не разрешают носить длинные волосы, представляют собой какие-то «откаты в прошлое», попытки защитить тот старый порядок, которого практически уже не существует.

— Итак, каким же образом воспитывать без авторитета?

— Это может быть сделкой: молодой человек располагает знаниями, но зато у него нет денег. Чтобы жизнь шла вперед, родители и дети должны договориться (и они «как-то» договариваются).

Когда в разнообразных исследованиях мы спрашивали о тех личностях, которые для молодежи представляются важными, то еще в начале 90-х указывали мать Терезу, Иоанна Павла II, Яцека Куроня. Потом эти проценты начали катастрофически падать, и по существу никаких авторитетов уже не существовало. Однако несколько лет назад мы заметили, что

появляется новый тип авторитета — не один персональный образец, но эдакий Франкенштейн, сшиваемый из разных кусков. Молодой человек говорил: я ценю своего дядю, так как он превосходно играет в шахматы, отца — за то, что он содержит семью, мать — за ее предприимчивость и изобретательность, старшую сестру, так как она хорошо воспитывает ребенка. Этот набор качеств в совокупности создает своего рода жизненный идеал, функционирующий в качестве квази-авторитета. В последних исследованиях, в том числе вудстоковских, выяснилось, что наблюдается дальнейшее развитие этого явления. Неправда, будто молодежь вообще не ценит взрослых. Но авторитет «по возрасту и по должности» уже принадлежит прошлому.

— Вместе с Пшемиславом Зелинским вы провели опросы варшавской молодежи. Вы с коллегой резюмировали их, в частности, следующим образом: в дискуссии о молодежи у нас имеет место моральная паника. Мы не знаем, какова эта молодежь, и подозреваем о ней самое худшее. Не оказывается ли подобная паника еще и следствием потери авторитета?

— С помощью Альберта Хупы мы провели анализ языка СМИ о молодежи. Оказалось, что чаще всего на эту тему высказываются сами журналисты, на втором месте стоят эксперты, причем эти два голоса очень похожи один на другой. Те научные работники, которые решаются как-то выступить в СМИ, в определенном смысле управляются журналистом: обычно тот просит прокомментировать какое-нибудь сенсационное сообщение, например о том, что девочка всадила подружке топор в спину. А чьи голоса в таком разговоре отсутствуют? Родителей и, разумеется, самой молодежи. Ее не рассматривают как партнера.

— Снова во всём виноваты журналисты?

— Средства массовой информации. Существует некий тип публичной дискуссии — довольно-таки ужасный, — которому СМИ в последнее время отдают предпочтение. Разговор ведется вовсе не о действительных проблемах и потребностях молодого поколения. Всегда присутствует какая-то сенсационная новость. Нам показывают ангелов и дьяволов, а в дополнение к ним изредка приводятся еще и примеры вундеркиндов. Главная часть такого подхода концентрируется на тех сообществах, которые действительно создают огромные проблемы. Эти проблемы реальны, но то, как о них говорится, попросту скандально. С такого рода молодых людей сдирают последние остатки достоинства. Да и мои коллеги-эксперты тоже здесь не без вины. Если сегодня в СМИ и появляются

изображения молодежи, то в основном тех, что с отупевшим взглядом таскаются по торговым центрам. Но в нашем исследовании лишь 3% молодежи заявили, что проводят время в торговом центре! Может быть, их побольше, но даже если они туда и ходят, то вовсе не считают, что подобные блуждания чем-то важны. А мы бьем тревогу.

— Результаты ваших совместных исследований во многом ужасают: эксперты по делам молодежи не представляют, чем молодежь занимается. В таких обстоятельствах воспитание непременно становится чередой сплошных недоразумений.

— Взрослые, вступая в контакты с молодежью, каждый день вынуждены как-то справляться с ситуацией, и они справляются, применяя более чем странные, убогие, увечные и односторонние стратегии, иногда — слишком авторитарные, иногда — чересчур либеральные, близкие к вседозволенности. Порой им удается достигнуть цели, установить хороший контакт, но всё это остается нестабильным. Однако же продолжает бытовать убеждение, что взрослый должен или даже обязан знать, как всё-таки надо обходиться с этой самой молодежью. А ведь можно взаимно учиться друг у друга. Необходимо только сбросить с себя эти заколдованные правила старого общения. Расскажу анекдотический случай: моя дипломница Кася Калиновская на протяжении целого года посещала гимназию в качестве школьницы.

— Школьницы?

— У нее есть для этого подходящие физические данные, Кася выглядит маленькой девочкой. Она описала следующую историю: один мальчишка безобразничал на уроке религии. В какой-то момент разнервничавшийся ксендз спрашивает у него: «Как школьник должен вести себя на уроке религии?» А парнишка на это: «Достойно».

Весь класс разразился хохотом. Молодые люди — большие мастера обходить все эти строгости, разные нереалистические требования насчет авторитета. А взрослые в целом не подготовлены к этому.

— Вы говорите о еще одной важной проблеме: у нас всё время загоняют молодежь в «гетто», рассматривая ее в качестве особой группы, — впрочем, точно так же, как и пожилых. А для общества это нехорошо.

— И очень. Цивилизационные перемены порождают всё большую дифференциацию социальных групп и сообществ —

мы не образуем собою единства. На данный момент наилучшую картину общества создали бы пуантилисты. В этой связи публичный дискурс, в значительной части медийный, но и политический тоже, звучит таким образом: мы должны все эти дисфункциональные группы включить в общество. Как? Направляя конкретно им адресную помощь. Зачастую это приводит к плачевным последствиям. Приведу еще один анекдотический пример, о котором мне рассказал социолог из Лодзинского университета Войцех Возняк, занимающийся изучением бедности. Сотрудники службы социальной помощи решили купить «бедным ребятишкам» комплект «приданого» к школе. И приобрели для них соответствующие наборы, в состав которых входили также школьные ранцы. Все они были желтыми. Знаете, что означало в той школе определение «желтый ранец»?

— Что?

— Оно было чудовищной стигматизацией. Равно как и идея, чтобы дети, получающие в школе бесплатное питание, ели в столовой до тех, за кого родители вносят деньги. Как будто не существовало других вариантов решения подобной проблемы! Никто не думает о том, что такие дети стыдятся. Они не хотят, чтобы на них смотрели как на «бедных ребятишек». Часто молодежь сама требует: это должно быть предназначено для нас, прокладывайте для нас велосипедные дорожки, сделайте нам клуб. А почему только для вас? Устроим в гмине публичные дебаты. Может быть, мы посчитаем, что важнее создать клуб пожилых людей или установить скамейки для стариков и матерей с малыми детьми. Это должны быть действия не для определенной категории лиц, а для всех. Такие, которые соединяют, а не разобщают. Типовым решением может послужить инициатива, несколько лет назад появившаяся в «третьем секторе», — банки времени. Они позволяют благородным способом производить общественный обмен — и сходные решения можно применить в отношениях между поколениями. Быть может, молодые люди, наделенные немного большим терпением, сумеют научить пожилого человека пользоваться компьютером, а тот поможет им подогнать математику. Это научит всех, что мы представляем собой общество и что отношения между поколениями можно выстраивать на принципах доброжелательности и взаимной полезности.

Беседу вела Милада Ендрысик

Профессор Барбара Фатыга — специалист по культурологии и социологии молодежи, руководитель Центра исследований

молодежи в Институте прикладных общественных наук
Варшавского университета.

ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ

Я пишу в канун президентских выборов, в «день молчания», когда можно забыть о политиках с их высокомерием и ежедневно нарастающей агрессивностью по отношению друг к другу, — приятная возможность уйти от пены повседневной жизни и обратиться к истории. Через несколько лет всё это станет уделом разве что детей из бедных семей, в которых вколачивают знания о событиях прошлого, способного, наверное, вызвать у них лишь презрение: они, конечно, будут знать, что эти слова относятся ко временам политического дилетантства, когда люди держались за власть, не имея никаких профессиональных знаний для своей работы. Почти всех наших ведущих политиков оценивают по их отношению к коммунистическому режиму, по тому, что они делали в условиях оппозиционной деятельности, сопровождавшейся жесткими репрессиями, то есть в условиях, не способствовавших взвешенной оценке ситуации на основе глубоких знаний о стране и мире, потому что большая часть информации по этому вопросу подвергалась цензуре, была засекречена и тщательно скрывалась от общественности.

Может быть, тогда, когда настанет время для прихода в политику моих студентов, всё нормализуется. Но это действительно будет другая реальность. Может быть, это еще одна культурная реальность, литературная, в чем я пытаюсь убедить авторов, писавших о новом положении печатных средств массовой информации. В последнем номере краковской «Декады литерацкой» (2010, №1-2) вышла подборка материалов под заголовком «Литература 2.0». Уже сами заголовки статей могут напугать всех, кто не следит постоянно за экспериментами в этом пространстве: «Под слоем стекла и хрусталя. Как читается цифровой текст» Мариуша Писарского, «Кибернетическая литература, или Буря в стакане воды» Анджея Паёнка, «Извините за опоздание. О событиях-предтечах гипертекстовой литературы» Дороты Сикоры и, наконец, «Перспективы электронной поэзии» Эмилии Бранны-Янковской. Не знаю почему, но при чтении этих текстов у меня возникает ощущение *d?j? vu*... Если задуматься, на память приходят эксперименты восхищенных новыми техниками футуристов, хотя бы название изданного в 1922 г.

сборника Титуса Чижевского «Ночь — день. Механический электрический инстинкт», предпринятые тогдашними поэтами попытки преодоления ограничений строчной записи и всякие другие штучки. Тогда отец польского авангарда Тадеуш Пейпер писал, что «сменилась кожа мира». Что ж, кожа мира меняется постоянно, но у меня, однако, впечатление, что сущность его если вообще изменяется, то едва заметно.

Номер журнала открывается обширным отчетом о редакционной дискуссии под названием «Литература и новые медиа». Получив в ней слово, Анна Лебковская сказала:

«В широком читательском обиходе интерактивные романы (...) мало известны. Они имеют значение исключительно в своей нише. На это влияет, в частности, то, что на Западе, а особенно в США этот тип искусства очень развит, а в Польше он всё еще в зачаточном состоянии. Кроме того надо помнить, что такая литература, конечно, требует специфической компетентности читателя, связанной с умением работать с программами, знанием конвенций, а также с чем-то еще. Вопреки обычному мнению, есть много интерактивных романов, которые достигают уровня высокого искусства. Я думаю здесь о классике (например, «afternoon» Майкла Джойса), которая представляет собой творчество осознанно интертекстуальное, авторефлексивное».

В свою очередь Кристина Вилькошевская формулирует важные вопросы:

«Если мы говорим о гипертексте как об определенном мультимедийном произведении, то он не обязательно произведение искусства, он может быть и определенной медиальной структурой. А значит, где точка перехода от этой медиальной структуры к литературе? Когда мы можем говорить о гипертекстовой литературе? И можем ли мы по отношению к гипертекстовой литературе пользоваться старыми понятиями, выработанными теорией литературы? (...). Получатель перестает быть получателем-наблюдателем, а становится соавтором, потому что может создавать структуру произведения, которая настолько открыта, что он может себе ходить по ссылкам так, как ему хочется. И потом: можно ли сохранить понятие ценности? И можно ли сохранить понятие приятности? И какой — эстетической?»

И, наконец, выступление Кшиштофа Униловского в завершение дискуссии:

«Можно указать несколько этапов, когда речь идет о новых медиа и интернете. Когда мы впервые отдали себе отчет в масштабности явления, наверное где-то около 2000 года, преобладал энтузиазм. Казалось, интернет будет инструментом, который разблокирует пространство массовой коммуникации. Потом мы осознали, что дело не так просто, что в нем тоже существует сильная иерархия, хотя она менее заметна и расплывчата. Быть может, десять лет понадобилось, чтобы скорректировать нашу первую реакцию. Это видно и в литературной жизни, потому что мы с большими трудностями строим институты литературной жизни, которые функционируют в интернете и завоевали определенный авторитет. Я могу назвать только два журнала, функционирующих в интернете, которые завоевали себе позиции, сравнимые с бумажной периодикой: «artPapier» и «Двухнедельник» (...). А если говорить об авторских сообществах, то мне на ум приходит [портал] «Нешуфляда» [«Не-ящик»], откуда (...) вышло несколько авторов, добившихся успеха (...). Но и это в свою очередь показывает, что пространство интернета трактуется сегодня (...) как место, где только начинается карьера в этой среде, как стартовый пункт, с которого надо двинуться и как можно скорее перенестись в «бумажный оборот», в «нормальные» журналы и издательства. Пока еще очень далеко до того, чтобы интернетный обиход стал независимым, а по своему значению сравнился с обиходом традиционных медиа».

В принципе можно быть уверенным, что «традиционные медиа» еще долго будут обеспечивать литературе сравнительно спокойное бытование. В этом убеждает завершение статьи Дороты Сикоры, которая пишет:

«Испытание временем для гипертекстовых произведений особенно трудно. В принципе не имеет значения, к какому из изданных тогда [в 90-х годах] текстов мы обратимся, каждый был создан в жестких рамках доступных в то время технологий. Развитие интернета открыло более широкий доступ к гипертекстовому наследию начала 1990-х. Однако динамика перемен, которая сопровождает развитие новых технологий, оставила далеко позади прежние завоевания словесного искусства в цифровых медиа. Мы читаем опубликованную в интернете литературу, пока обозреватель страниц www только-только отображает на экране текст. Возможно, завтра, после обновления системы и инсталлирования очередной «примочки», это уже будет недоступно».

Эти слова склоняют к более широким размышлениям: в любом случае нам приходится иметь дело со столкновением двух тенденций, первая из которых связана с попыткой использовать новые технические возможности, увеличивающиеся постоянно и часто скачкообразно, а вторая вписывает эти эксперименты в стабильную традицию линейного письма. Но будет ли так всегда? Этого никто, ответственный за слово, не может сказать утвердительно.

Совершенно другое дело — функционирование литературы в период нынешней цифровой революции. Этой проблематике посвящен блок текстов в ежеквартальнике «Res Publica Нова», последний, запоздавший номер которого (2009, №9) я как раз просматриваю. В пространном интервью с Лукашем Голембёвским, озаглавленном «Цифровая культура книги», говорится:

«Участие в культуре изменяется так, что для нового потребителя необходимо подготавливать содержание совершенно иначе. Если вести речь о литературе, то, несомненно, гипертекст будет конкурентом обычному тексту. Точно так же Википедия была альтернативой традиционной энциклопедии и выиграла это состязание. Еще один вопрос: неизвестно, не будет ли новый потребитель ожидать произведений во фрагментах. Мы это видим на примере YouTube, где произведения редко существуют дольше семи минут. Молодой человек не может сконцентрировать внимание на два часа на одном показе. Быть может, то же случится с литературой, хотя трудно себе представить такой литературный микст. К сожалению, может случиться так, что «Войну и мир» или «Анну Каренину» никто уже не захочет читать, потому что это слишком длинные книги. Не исключено, что люди будут двигаться от эпизода к эпизоду, а не читать всю книгу от доски до доски».

Это направление изменений в потреблении литературы имеет свою традицию, опережающую цифровую революцию: давно уже многие потребители общаются с произведениями литературы исключительно через их перевод на язык кино. Это не значит, что все отказываются от удовольствия обычного чтения. И хотя со всей определенностью появлению новых медиа сопутствует появление «нового потребителя», но преувеличением было бы поднимать по этому поводу какую-то тревогу и переносить наблюдения, касающиеся отдельных групп потребителей, на всех участников культурной жизни. А именно так поступает Голембёвский, когда заявляет: «Я

убежден, что простота доступа и пользования содержанием вызовет все большее обеднение нашего разума».

Более оптимистически видит происходящие перемены Генрик Возняковский, представляющий издательство «Знак», который в интервью под заголовком «Читатель знает свое» говорит:

«А что до нытья, то оно всегда или преждевременно, или вообще не вовремя. «Пусть расцветают сто цветов», — вспомним эту китайскую мудрость, которой дал новую жизнь председатель Мао (но он не наш патрон). Е-book'ов не стоит и не следует бояться. Уже пора, чтобы после Гутенберга произошла глубокая перемена, которая, я надеюсь, даст книге новые шансы. А что это будет связано со значительным изменением роли и функции издателя, что новые медиа, новые формы чтения повлияют также на способ письма, построения текстов, что в связи с этим появятся новые виды писательства — это точно. Мне очень интересно, как будет происходить такая эволюция».

Тем временем с чтением дела обстоят не лучше. В редакционном вступлении к блоку материалов, касающихся положения книги и литературы, говорится:

«Поляки не читают книг. В 2008 г. едва 38% из нас взяли в руки хотя бы одну книгу. Можно полагать, что в 2009 г. положение будет таким же, и допустить, что 2010 год тоже не принесет ожидаемого изменения. И ничего удивительного: книги регулярно проигрывают в борьбе за внимание, и не только телевидению, но и интернету, компьютерным играм, одним словом, жизни. Это тем более заставляет нас в «Res Publica» (...) заняться книгами, особенно традиционными, бумажными, коль скоро в Польше в продажу пошли электронные книги (и не пошелестишь уже страницами, и не закуришь сигарету, чтобы пепел свободно летел на бумагу), а Гугл предоставляет миру свою большую интернет-библиотеку. Тем самым мы склоняем голову перед исчезающим уже за горизонтом эпохи старосветским стилем бытия интеллигента, который в дымном ресторанчике за чашкой остывшего кофе страстно отдавался или чтению, или бесконечным дискуссиям о литературе, неожиданно совершая очередную интеллектуальную революцию».

В заключение, наверное, стоит процитировать рецензию на книгу Гжегожа Лещинского «Бунт читателей». Рецензент Эва Хухро на страницах «Новых ксёнжек» (2010, №6) пишет: «Автор задумывается, нужна ли еще книга в эпоху господства

медиа (телевидения, интернета), и не окончилось ли ее время. И убежденно отвечает, что нет, отмечая, что книга приспособливается к требованиям своего потребителя. (...) Затрагивается также вопрос о «литературном хеппенинге», с которым мы имеем дело благодаря интернету и при котором читатели-пользователи делятся информацией о прочитанных книгах, помещают свои рецензии, создают альтернативную историю, пользуясь литературой как первоисточником (так называемая fan fiction) и размещают собственную поэзию и прозу. Качество сетевого творчества самое разное, в подавляющем большинстве тексты никудышные (...). Интернет не составляет угрозы для чтения и книг».

Если надо всем этим задуматься, то не подлежит сомнению, что как в сфере чтения, подверженного тому, что я назвал бы культурой фрагментации и мозаичности, так и в сфере самого литературного творчества происходит что-то очевидно новое, но одновременно, как это всегда бывает, эти новые тенденции и эксперименты вписываются в традиционные рамки. Жалобы на спад интереса к чтению и отмирание «старосветского стиля бытия интеллигента» представляются преувеличенными, хотя, разумеется, и чтение, и интеллигентский стиль жизни занимают сегодня иное место, чем когда-то. Достаточно просмотреть еженедельные журналы, в которых культура, в том числе литература, занимают всё меньше места, рецензии на книги ужались до рекламных анонсов, а на первый план выходят подробные отчеты о явлениях массовой и популярной культуры, чтобы понять, какие проблемы занимают внимание большинства. Но так было и раньше, разве что об этом неловко было говорить вслух.

«НОВАЯ ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА»

Началось с журналистской экспедиции. В декабре 2004 г. двое молодых журналистов краковского «Тыгодника повсехного» поехали в Киев — писать репортажи об «оранжевой революции». Но, когда основная масса корреспондентов пришла к выводу, что перелом завершился, так как «оранжевые» победили «синих», и разъехалась по домам (или отправилась в очередную горячую точку на планете), Анджей Бжезецкий и Малгожата Ноцунь остались на Украине. И в присылаемых оттуда аналитических материалах давали понять — как оказалось, с хорошим чутьем, — что у нового много черт старого, что лагерь победителей с самого начала сильно расколот, а его социальная база весьма слаба, и потому даже в самых взбунтовавшихся регионах страны общественная поддержка триумфаторов с Майдана может скоро кончиться.

Более того, со временем Бжезецкий и Ноцунь стали всё чаще ездить на восток — то в Белоруссию, то в Россию, а то и снова на Украину. Результатом стали книги «Белоруссия — картошка и джинсы» (Краков, 2007) и «Ограбленный народ. Беседы с белорусскими мыслителями» (Вроцлав, 2008). Постсоветское пространство явно заворожило и увлекло обоих. В конечном итоге они начали считаться в польском публицистическом мирке многообещающими специалистами по этому региону.

Нет ничего удивительного, что основанный в 2001 г. во Вроцлаве фонд «Коллегия Восточной Европы» предложил им редактировать издание, которое должно было способствовать «сближению и взаимному познанию» народов Восточной Европы. Ибо, как подчеркивал Ян Новак-Езёранский, инициатор создания «Коллегии» (а в коммунистические времена — легендарный директор польской редакции радио «Свободная Европа»): «В польских национальных интересах лежит поддержка нашим государством общественных начинаний, цель которых — сближать людей и помогать им узнавать друг друга. Только на пути непосредственного знакомства поляков и немцев, поляков и русских, украинцев, белорусов, литовцев, чехов и словаков можно построить прочные фундаменты договоров, заключаемых на правительственном уровне».

Сферой интересов журнала «Новая Восточная Европа», выходящего раз в два месяца, стала в итоге Центральная и

Восточная Европа, а также Центральная Азия.

Как велит добрый обычай схожих периодических изданий, журнал открывается обширным разделом «Хроника и комментарии». Здесь отмечаются и анализируются события, ставшие ключевыми в России, Белоруссии, на Украине, на Кавказе и в Центральной Азии. «Хронику» ведут эксперты Центра восточных исследований — самого серьезного сегодня в Польше аналитического учреждения по этой тематике. При этом они не ограничиваются механическим накоплением повсеместно известных фактов, а скорее обращают внимание на то, что осталось незамеченным в других польских СМИ, хотя эти факты и существенны — или могут оказаться существенными.

В свое время эти специалисты детально описали хотя бы такое знаменательное событие, как чуть ли не цивилизационный манифест президента России Дмитрия Медведева — мало того, что он был оглашен на оппозиционном интернет-портале Gazeta.ru, но в нем еще и была указана необходимость принципиального изменения направленности хозяйственно-экономической политики страны, а также самого мышления о модели ее развития — предлагалось делать ставку на привлечение новых технологий, вместо того чтобы упорно ограничиваться одной лишь эксплуатацией имеющегося природного сырья.

Тем не менее, как и пристало органу, который претендует на роль в формировании общественного мнения, в «Новой Восточной Европе» ключевое место занимает публицистика. Основной круг текстов касается, естественно, политической проблематики — с той лишь разницей, что редакция понимает ее широко. Скажем, она ценит значение экономики, прошлого и традиций, т.е. общественной ментальности, как элементов политики. А вдобавок часто стремится подходить к ним нешаблонно. Ставит, к примеру, вопрос, какое место в политике Украины занимает... Черное море (и выдвигает тезис, что Киев не использует огромного значения этой акватории). Или же рисует образы важнейших действующих лиц политической сцены — в этом специализировался особенно Виталий Портников (журналист русской редакции радио «Свобода»), чей портрет президента Медведева опубликован также в виде книги в «Библиотеке» журнала (там же издан, среди прочего, сборник эссе историка Ярослава Грицака «Новая Украина, новые истолкования»).

Важно, что авторы «Новой Восточной Европы» — не только польские публицисты, но и западные эксперты, а еще и

комментаторы из тех стран, которым журнал посвящен. Их мнение особенно интересно, так как оно позволяет читателю познакомиться с точкой зрения, которая нередко отличается от польской, но достойна внимательного рассмотрения. А в их числе имена такого класса, как Микола Рябчук, Дмитрий Бабич, Сергей Кулик.

Вдобавок к этому журнал, не колеблясь, излагает взгляды, мягко говоря, спорные. Печатает, к примеру, обширную беседу с Александром Прохановым — как-никак символом современного русского национализма (или, скорее, национал-коммунизма) и автором концепции Пятой Российской империи.

Природа региона такова, что при его описании нельзя забывать о роли истории — особенно новейшей. И особенно с учетом того, что здесь всё еще много белых пятен. Однако благодаря «Новой Восточной Европе» можно, в частности, узнать, какой была в ноябре 1989 г. подоплека первой со времен II Мировой войны поездки некоммунистического премьер-министра Польши в Москву. Тадеуш Мазовецкий рассказывает, что организовать эту поездку помог «по своим каналам» генерал Войцех Ярузельский. Рассказывает он и про свой двухчасовой разговор с Михаилом Горбачевым о Катыни («Горбачев (...) сказал, что в Кремле давно уже удивлялись, почему Хрущев не раскрыл это и другие преступления»), равно как и о встрече с Андреем Сахаровым («У меня не укладывалось в голове, что Сахаров критикует Горбачева, а не всех этих твердокаменных, этот вялый, медлительный аппарат, и не видит трудностей, с которыми сталкивается Горбачев. (...) В одном я должен был со временем признать правоту Сахарова — в национальном вопросе. В 1989 г. он убеждал, что эта проблема — самая важная для судьбы и будущего Советского Союза»). А на вопрос: «Ощущали ли вы поддержку Запада в отношениях с Москвой?» — Мазовецкий отвечает: «Ощущал доброжелательность, но Запад (...) сам не знал, что делать с переменами в Центральной и Восточной Европе».

Столь же занимательно описание правил, в соответствии с которыми II Речь Посполитая набирала дипломатов в представительства на территории Советского Союза, или же операции «Шторм-333», иначе говоря, вторжения в Афганистане в 1979 г. (оказывается, «уже в январе 1980 г. советские аналитики передали правительству СССР экспертное заключение, показывающее нецелесообразность активной вовлеченности в войну»). Или же статья Гжегожа Пшебинды, русиста из Ягеллонского университета, о творчестве Василия

Гроссмана — в связи с недавней публикацией в Польше его великого романа «Жизнь и судьба».

Еще одна задача, которую ставит перед собой «Новая Восточная Европа», — показать, как выглядит повседневная жизнь наших восточных соседей. Поэтому из номера в номер всё более сильной стороной журнала становится репортаж — особенно потому, что зачастую речь в нем идет о глухой провинции бывшей империи либо о тех местах и людях, до которых журналисты СМИ, нацеленные на сиюминутные сенсации, обычно не добираются. Впрочем, в этом нет ничего странного — ведь для этого журнала пишет хотя бы Кристина Курчаб-Редлих (многократно награжденная за материалы о Чечне). Большое впечатление производят в «Новой Восточной Европе» и фоторепортажи — то из Грозного, а то и из Нытвы, городка в Пермском крае, который в былые годы славился фабрикой ложек, но потом, когда это предприятие рухнуло, «отчаялся и потерял надежду».

*

Редакция «Новой Восточной Европы» хочет, чтобы журнал был «местом встреч и публикаций людей, которые по-разному так или иначе влияют на польскую и европейскую восточную политику». Помимо самого журнала, этому должны способствовать разнообразные иные начинания — это и уже упоминавшиеся книги, издаваемые в его «Библиотеке», и постоянные дискуссии после выхода каждого номера, в которых принимают участие также парламентарии и дипломаты, занимающиеся странами к востоку от Польши.

Всё ради того, чтобы — как заявляет Славомир Дембский, президент Польского института международных отношений, — в соответствии с замыслом Ежи Гедройца и Юлиуша Меровского «менять парадигму польского мышления» применительно к ближайшим и более отдаленным соседям. Это, однако, было бы невозможно, если не дать изложить свои доводы, взгляды и интересы всем — русским, украинцам, белорусам, прибалтам, грузинам и т.д. А также, естественно, самим полякам.

«НОВАЯ ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА»

Началось с журналистской экспедиции. В декабре 2004 г. двое молодых журналистов краковского «Тыгодника повсехного» поехали в Киев — писать репортажи об «оранжевой революции». Но, когда основная масса корреспондентов пришла к выводу, что перелом завершился, так как «оранжевые» победили «синих», и разъехалась по домам (или отправилась в очередную горячую точку на планете), Анджей Бжезецкий и Малгожата Ноцунь остались на Украине. И в присылаемых оттуда аналитических материалах давали понять — как оказалось, с хорошим чутьем, — что у нового много черт старого, что лагерь победителей с самого начала сильно расколот, а его социальная база весьма слаба, и потому даже в самых взбунтовавшихся регионах страны общественная поддержка триумфаторов с Майдана может скоро кончиться.

Более того, со временем Бжезецкий и Ноцунь стали всё чаще ездить на восток — то в Белоруссию, то в Россию, а то и снова на Украину. Результатом стали книги «Белоруссия — картошка и джинсы» (Краков, 2007) и «Ограбленный народ. Беседы с белорусскими мыслителями» (Вроцлав, 2008). Постсоветское пространство явно заворожило и увлекло обоих. В конечном итоге они начали считаться в польском публицистическом мирке многообещающими специалистами по этому региону.

Нет ничего удивительного, что основанный в 2001 г. во Вроцлаве фонд «Коллегия Восточной Европы» предложил им редактировать издание, которое должно было способствовать «сближению и взаимному познанию» народов Восточной Европы. Ибо, как подчеркивал Ян Новак-Езёранский, инициатор создания «Коллегии» (а в коммунистические времена — легендарный директор польской редакции радио «Свободная Европа»): «В польских национальных интересах лежит поддержка нашим государством общественных начинаний, цель которых — сближать людей и помогать им узнавать друг друга. Только на пути непосредственного знакомства поляков и немцев, поляков и русских, украинцев, белорусов, литовцев, чехов и словаков можно построить прочные фундаменты договоров, заключаемых на правительственном уровне».

Сферой интересов журнала «Новая Восточная Европа», выходящего раз в два месяца, стала в итоге Центральная и

Восточная Европа, а также Центральная Азия.

Как велит добрый обычай схожих периодических изданий, журнал открывается обширным разделом «Хроника и комментарии». Здесь отмечаются и анализируются события, ставшие ключевыми в России, Белоруссии, на Украине, на Кавказе и в Центральной Азии. «Хронику» ведут эксперты Центра восточных исследований — самого серьезного сегодня в Польше аналитического учреждения по этой тематике. При этом они не ограничиваются механическим накоплением повсеместно известных фактов, а скорее обращают внимание на то, что осталось незамеченным в других польских СМИ, хотя эти факты и существенны — или могут оказаться существенными.

В свое время эти специалисты детально описали хотя бы такое знаменательное событие, как чуть ли не цивилизационный манифест президента России Дмитрия Медведева — мало того, что он был оглашен на оппозиционном интернет-портале Gazeta.ru, но в нем еще и была указана необходимость принципиального изменения направленности хозяйственно-экономической политики страны, а также самого мышления о модели ее развития — предлагалось делать ставку на привлечение новых технологий, вместо того чтобы упорно ограничиваться одной лишь эксплуатацией имеющегося природного сырья.

Тем не менее, как и пристало органу, который претендует на роль в формировании общественного мнения, в «Новой Восточной Европе» ключевое место занимает публицистика. Основной круг текстов касается, естественно, политической проблематики — с той лишь разницей, что редакция понимает ее широко. Скажем, она ценит значение экономики, прошлого и традиций, т.е. общественной ментальности, как элементов политики. А вдобавок часто стремится подходить к ним нешаблонно. Ставит, к примеру, вопрос, какое место в политике Украины занимает... Черное море (и выдвигает тезис, что Киев не использует огромного значения этой акватории). Или же рисует образы важнейших действующих лиц политической сцены — в этом специализировался особенно Виталий Портников (журналист русской редакции радио «Свобода»), чей портрет президента Медведева опубликован также в виде книги в «Библиотеке» журнала (там же издан, среди прочего, сборник эссе историка Ярослава Грицака «Новая Украина, новые истолкования»).

Важно, что авторы «Новой Восточной Европы» — не только польские публицисты, но и западные эксперты, а еще и

комментаторы из тех стран, которым журнал посвящен. Их мнение особенно интересно, так как оно позволяет читателю познакомиться с точкой зрения, которая нередко отличается от польской, но достойна внимательного рассмотрения. А в их числе имена такого класса, как Микола Рябчук, Дмитрий Бабич, Сергей Кулик.

Вдобавок к этому журнал, не колеблясь, излагает взгляды, мягко говоря, спорные. Печатает, к примеру, обширную беседу с Александром Прохановым — как-никак символом современного русского национализма (или, скорее, национал-коммунизма) и автором концепции Пятой Российской империи.

Природа региона такова, что при его описании нельзя забывать о роли истории — особенно новейшей. И особенно с учетом того, что здесь всё еще много белых пятен. Однако благодаря «Новой Восточной Европе» можно, в частности, узнать, какой была в ноябре 1989 г. подоплека первой со времен II Мировой войны поездки некоммунистического премьер-министра Польши в Москву. Тадеуш Мазовецкий рассказывает, что организовать эту поездку помог «по своим каналам» генерал Войцех Ярузельский. Рассказывает он и про свой двухчасовой разговор с Михаилом Горбачевым о Катыни («Горбачев (...) сказал, что в Кремле давно уже удивлялись, почему Хрущев не раскрыл это и другие преступления»), равно как и о встрече с Андреем Сахаровым («У меня не укладывалось в голове, что Сахаров критикует Горбачева, а не всех этих твердокаменных, этот вялый, медлительный аппарат, и не видит трудностей, с которыми сталкивается Горбачев. (...) В одном я должен был со временем признать правоту Сахарова — в национальном вопросе. В 1989 г. он убеждал, что эта проблема — самая важная для судьбы и будущего Советского Союза»). А на вопрос: «Ощущали ли вы поддержку Запада в отношениях с Москвой?» — Мазовецкий отвечает: «Ощущал доброжелательность, но Запад (...) сам не знал, что делать с переменами в Центральной и Восточной Европе».

Столь же занимательно описание правил, в соответствии с которыми II Речь Посполитая набирала дипломатов в представительства на территории Советского Союза, или же операции «Шторм-333», иначе говоря, вторжения в Афганистане в 1979 г. (оказывается, «уже в январе 1980 г. советские аналитики передали правительству СССР экспертное заключение, показывающее нецелесообразность активной вовлеченности в войну»). Или же статья Гжегожа Пшебинды, русиста из Ягеллонского университета, о творчестве Василия

Гроссмана — в связи с недавней публикацией в Польше его великого романа «Жизнь и судьба».

Еще одна задача, которую ставит перед собой «Новая Восточная Европа», — показать, как выглядит повседневная жизнь наших восточных соседей. Поэтому из номера в номер всё более сильной стороной журнала становится репортаж — особенно потому, что зачастую речь в нем идет о глухой провинции бывшей империи либо о тех местах и людях, до которых журналисты СМИ, нацеленные на сиюминутные сенсации, обычно не добираются. Впрочем, в этом нет ничего странного — ведь для этого журнала пишет хотя бы Кристина Курчаб-Редлих (многократно награжденная за материалы о Чечне). Большое впечатление производят в «Новой Восточной Европе» и фоторепортажи — то из Грозного, а то и из Нытвы, городка в Пермском крае, который в былые годы славился фабрикой ложек, но потом, когда это предприятие рухнуло, «отчаялся и потерял надежду».

*

Редакция «Новой Восточной Европы» хочет, чтобы журнал был «местом встреч и публикаций людей, которые по-разному так или иначе влияют на польскую и европейскую восточную политику». Помимо самого журнала, этому должны способствовать разнообразные иные начинания — это и уже упоминавшиеся книги, издаваемые в его «Библиотеке», и постоянные дискуссии после выхода каждого номера, в которых принимают участие также парламентарии и дипломаты, занимающиеся странами к востоку от Польши.

Всё ради того, чтобы — как заявляет Славомир Дембский, президент Польского института международных отношений, — в соответствии с замыслом Ежи Гедройца и Юлиуша Меровского «менять парадигму польского мышления» применительно к ближайшим и более отдаленным соседям. Это, однако, было бы невозможно, если не дать изложить свои доводы, взгляды и интересы всем — русским, украинцам, белорусам, прибалтам, грузинам и т.д. А также, естественно, самим полякам.

НА КРАПИНКЕ ЗРАЧКА

Стихотворение Эвы Курылюк:

Искусство: женское платье

мнется и рвется быстро

но расцветка оседает

на крапинке зрачка

Эва Курылюк:

— Я с детства помню район улицы Фраскати в Варшаве, помню, что там были одни руины и что ночью их подрывали динамитом и стоял жуткий грохот. И я всякий раз просыпалась. Я довольно рано начала интересоваться войной. Помню, как случайно увидела фотоснимки из Хиросимы и Нагасаки. Всё это было очень страшно, и меня не покидало ощущение, что вот-вот случится война. И каким-то образом я с этим мирилась, думая, однако, что в этой войне я бы не хотела участвовать. Я помню, что здесь повсюду в щелях пола была ртуть. Я знала, что она, очевидно, ядовитая. И я думала: если ее у меня будет достаточно, то, когда начнется война, я наглотаюсь ртути, и таким образом мне не придется в этой войне участвовать. Я не боялась собственной смерти, наоборот, я считала, что мир очень плох. Так что я с детства держусь на некотором расстоянии от всего этого. Вернее, мне неприятна сама мысль, что мы должны были бы провести здесь целую вечность.

Мама^[1] гуляла со мной в окрестностях будущего Парка культуры, который тогда был еще садом, с малых лет обучая меня французскому. Показывала на деревья и говорила: «L'arbre».

Отец^[2] ушел из редакции «Возрождения» зимой 1948 года и начал работать на Польском радио. И тогда, кажется, познакомился со Шпильманом^[3]. Помню, как я пришла на радио поиграть какие-то гаммы или какие-то очень простые пьесы. У меня не было способностей к игре на рояле, уже тогда я поняла, что Шпильман похвалил мою игру только для того, чтобы сделать приятное маме. Он порекомендовал нам какую-

то свою знакомую из музыкальной школы на Профессорской улице, и так начались мои фортепьянные мучения.

Осенью 1949 г. я отправилась во Вроцлав и поселилась на вилле Марии Домбровской^[4] и Анны Ковальской^[5]. Еще там была Тульця — дочь Анны, а также элегантная гувернантка для двух маленьких девочек. Обеды — очень торжественные, вместе с милой и добродушной Анной и весьма язвительной и несимпатичной Марией Домбровской, которая не слишком любила детей. Она постоянно что-то писала, и мы вечно ей мешали, даже во время обеда должна была царить полная тишина, и я всякий раз боялась, что сглотну слишком громко или у меня упадет ложка. Прилетел отец, и это я тоже хорошо помню, потому что тогда я впервые в жизни села в самолет. Мы полетели из Вроцлава в Варшаву. Я сразу пошла в свою комнату, а там стоял какой-то жуткий крик. Моя кровать была занята, и в ней лежало какое-то странное, багровое создание. И я спросила: «Это кто?» И они сказали: «Твой братик». Я сказала: «Он здесь останется?» Они сказали: «Да, теперь вы будете жить вместе». Для меня это было просто ужасно, ведь до сих пор комната была только моей. Я помню, что вышла тогда из комнаты, отправилась на кухню и уселась под столом, размышляя, что теперь я прямо-таки в изгнании.

Иногда нас навещал дедушка, то бишь отец моего папы — Франтишек, который когда-то был каменщиком в Збараже, а потом его переселили на запад Польши. Бабушка Люция, кажется, ни разу у нас не побывала, зато я была у них в Грифицах раз или два. Будучи ребенком, я постоянно отыскивала каких-то больных зверушек. Среди прочих мне удалось спасти бедную галку — Магдусю, которая жила у меня почти год и с которой я поехала к дедушке с бабушкой. И я помню, как там сельские ребята забросали Магдусю камнями.

Еще до того, как пойти в школу, я уже довольно неплохо умела писать и читать. В школе же я оказалась каким-то полным болваном, то есть была так напугана этой самой школой, что постоянно чувствовала себя там совершенно потерянной. Я всякий раз не могла найти своего класса и была полностью дезориентирована. У меня не получалось ни писать, ни читать, ни нарисовать даже какую-нибудь ерунду.

Я находилась под невообразимым воздействием всей этой сталинской пропаганды, влияние которой я испытывала тогда в школе, да в принципе еще и в садике. Вообще я безумно обожала Сталина, я была его поклонницей, такой настоящей маленькой сталинисткой. Мне оказали доверие, и я очень

гордилась, что буду стоять в почетном карауле перед портретом Сталина. Я увидела нашу учительницу, которая, естественно, была, как и все, в трауре, в своем очень красивом платье. Ну и от этого зрелища я страшно разревелась, а она подошла ко мне и сказала: «Он не умер».

В 59-м году, в январе, мы поехали в Вену. Вскоре я пошла в австрийскую гимназию. Я не знала немецкого языка, и меня это дико унижало. Более того, я брала частные уроки немецкого, но была не в состоянии его выучить. В школе я ничего не понимала и ни в чем не участвовала. Все это продолжалось до самой весны, и я помню, как весной на урок рисования пришла какая-то новая, молодая, очень милая учительница и решила как-то заинтересовать меня своим предметом. Она пробовала мне объяснить тему урока, я ничего не понимала, в итоге она вынула пудреницу, открыла ее и поставила зеркальце у меня перед носом. Именно тогда я поняла, что, наверное, тема урока — автопортрет. Ну и я сделала этот автопортрет, который она взяла и показала целому классу. По дороге домой я обратила внимание на магазин, который раньше меня совершенно не привлекал, такой, с товарами для художников. Когда я пришла домой, то попросила отца, чтобы он купил мне какой-нибудь приличный набор красок с кистями. Тот удивился: «Но ведь ты не рисуешь, Эвочка?» А я говорю в ответ: «С сегодняшнего дня я рисую и не играю на рояле».

Первую выставку-ретроспективу я увидела именно тогда, когда решила стать художником, мне было двенадцать лет, и мы пошли с отцом в венскую Альбертину на ретроспективу одного художника, уже основательно забытого, которого звали Аксе Лескошек. И поскольку его везли в инвалидной коляске, я сказала папе: «Разве ему не должны были сделать эту ретроспективу раньше?» И мой папа ответил: «Запомни хорошенько, у большинства художников такие выставки случаются лишь через триста лет после их смерти...»

Когда я решила, что стану художником, я сразу же начала читать книги о них, чтобы узнать как они жили, как должен жить художник. Я сделала себе совсем короткую стрижку, носила такие экзистенциалистские наряды, как у Жюльетт Греко, туфли на шпильках, очень короткие юбочки, ужасно длинные свитера. Отец, который сознательно никогда ни во что не вмешивался, вдруг решил, что мне нужно заняться каким-нибудь спортом, и вбил себе в голову, что я буду бегать на коньках. А мама решила в свою очередь, что было бы замечательно, если бы я ходила в школу танцев, и в итоге меня записали и на то и на другое. Я терпеть не могла ни коньки, ни

танцы, но зато выяснила, что как раз рядом находится «Гавелка», самое известное богемное кафе. Ко мне никогда никто не подсаживался, только иногда спрашивали: «Ждешь папу, девочка? Не сиди в дыму, выйди на свежий воздух...» Я выглядела очень молодо, сидела и делала там уроки. Я не могла пить спиртное и даже крепкий кофе, так что ограничивалась молоком с сахаром. Однако как-то раз, когда в кафе было полно народу, за мой столик на минутку присел какой-то мужчина, оказавшийся художником. Ему было тридцать лет, он был венгерским эмигрантом, кинематографистом, художником и, ко всему прочему, очень симпатичным. Я сказала ему, что мне уже пятнадцать лет, хотя на самом деле мне было лишь четырнадцать. Но на вопрос, чем занимаются мои родители, я сказала правду. Сказала, что мой папа — польский посол. И думаю, что именно в тот момент этот человек решил не лезть во все эти дела. Ну а на следующий день я сбежала с уроков, подумав, что должна его найти, потому что он не оставил мне никаких координат, однако успел опрометчиво обмолвиться, что посещает Академию художеств и работает на телевидении. Я обошла всю Академию и полтелевидения... увы. На всё это у меня ушло около недели, однако через неделю я его нашла, уже будучи страшно влюбленной, хотя в то же время это было частью сценария, который, как я думала, поможет мне оказаться в среде художников. Я находилась в состоянии полной эйфории... Геза сыграл в моей жизни важную роль, благодаря ему я начала ходить на вернисажи, выставки, посещать мастерские художников. Увидела, в какой нужде они живут. Более того, я ходила на первые выставки венских «акционистов», которых могла вообще никогда не увидеть. Геза относился ко мне серьезно. Я хотела эмигрировать вместе с ним в Америку, считала, что будет лучше, если я брошу школу и сразу начну учиться своей специальностью, а кроме того для художника Америка гораздо лучше, чем Австрия.

Этот роман продолжался больше года. Я была абсолютно готова связать с ним всю свою жизнь. Геза же, по идее, находился все это время в состоянии панического ужаса. Наверное, он просто боялся, что я забеременею и это приведет к чудовищным последствиям, которые сломают жизнь ему и мне, так что в итоге однажды он испарился...

Отрывок из романа Эвы Курылюк «Век 21»:

...Мы сидим совсем одни и болтаем о парнях. Кто лучше занимается любовью, красавцы или уроды? Роза Селяви всегда утверждала, что красавцы — очень плохие любовники, потому что даже в кульминационный момент раздумывают, идет ли

им секс. Лучше всех занимаются любовью троглодиты, с гордостью несущие на себе собственные лица, словно маски. Здоровенные молчуны, угловатость и неразговорчивость которых скрывают многое либо не скрывают вовсе ничего. Тела они обретают только ночью и только в женских объятиях. Днем безымянные, с наступлением сумерек они дичают, сердца бьются в их груди, затвердевшие хуи превращаются в серебряные сабли. Именно благодаря делам этого тайного братства цепных псов и быков, которые буквально сходят с ума в постелях, мы почему-то решили, что секс — наиважнейшая из наших проблем. Ты помнишь, что говорила Дюна? Что ночью с самосознанием мужчины происходит что-то странное. Но у этих монстров вообще нет самосознания, так что ночь ничего им сделать не может. Красавцев она ослепляет и лишает потенции, а уродов делает внимательнее. Они бездумно поглощают нас, разя тяжелой вонью. Повинуясь только инстинкту, робкие и одновременно агрессивные, они то отходят в сторону, то прут вперед, так что мы рассыпаемся на мелкие части, напуганные и дрожащие. Наш последний вздох в их грубых объятиях полон ужаса. Смерть в миниатюре без всякого утешения. Они уничтожают эти произведения искусства, которыми мы себя считаем, превращают нас в ready made и бросают...

Эва Курылюк:

— Я сдала экзамен на аттестат зрелости в Вене и имела возможность, прояви я упрямство, учиться где-нибудь за рубежом, но в порыве патриотизма решила вернуться сюда, в Польшу, учиться здесь, и это было для меня довольно важным шагом. Рисунок давался мне очень легко, но я рисовала словно одной черточкой, карандашом или пером. Здесь же все выполнялось углем, мазками, подчеркивались тени, что мне представлялось каким-то допотопным способом рисования. На экзамене я быстро выполнила рисунок, за две минуты, и вышла из зала. За мной выбежал ассистент и говорит, что экзамен длится четыре часа, четыре часа нужно рисовать, и в итоге я сделала на этом вступительном экзамене сразу двадцать пять рисунков, один за другим, и едва этот экзамен сдала. Приняли меня на том основании, что из всех студентов у меня, наверное, оказалось самое объемное порт-фолио, было много работ, какие-то огромные холсты. Так что меня просто не могли не принять, но приняли скорее как совершенно не соответствующую имеющимся нормам. С расчетом, что здесь меня необходимо будет переделать в такую настоящую, типичную студентку Академии.

Анджей Беньковский^[6]:

— Ее живопись полностью находилась в огромном конфликте с тем, что тогда предлагали нам профессора Академии. Независимо от того, было ли это нечто фигуративное или абстрактное, Эва обращалась к каким-то таким поэтическим пейзажам, немного наивным, и это не могло не приводить в ярость.

Эва Курылюк:

— Просто-напросто более дурацкой учебы, чем там, я не припомню — во всех смыслах. Мы изучали как раз те предметы, которые отнимали у нас огромное количество времени, например рисование заточенным карандашом, обломком ветки. Нужно было изобразить танк в движении вместе с его тенью. Я помню, что за какие-то пятьдесят злотых мне нарисовал его Эдек Двурник, у которого это хорошо получалось.

Я совсем не рассчитывала, что мне удастся что-то сделать на этой территории. Такое уже бывало... я стала придерживаться именно такого взгляда на вещи. В конечном итоге все тогда ориентировались на то, что нужно что-то сделать на Западе. Ну и когда я защитила диплом в 1970 г., то у меня уже была своя галерея в Лондоне и первая персональная выставка там же, только я это скрыла, боясь, что после этого никогда не получу загранпаспорта, так что здесь я не афишировала свои успехи.

Я действительно была на пути к тому, чтобы сделать какую-то карьеру, все мне завидовали. Мне страшно хотелось продавать работы, писать, жить этим. На самом же деле я физически не могла писать картин, то есть я писала, но по неизвестной причине картины у меня с каждым разом получались всё более темные. Последняя моя картина была и вовсе абсолютно черной.

Итак, 1978 год. Цвет перестал меня интересовать, и тогда, не зная, что с собой сделать, я вернулась и получила работу в Школе кинематографии в Лодзи. Это была кошмарная низкооплачиваемая работа. Единственным ее плюсом было то, что в Лодзи были магазины с текстилем. Тогда я купила десять метров белой подкладочной ткани, десять метров черной и десять метров розовой. На всем этом я выполнила работу «В четырех стенах». Когда я ее закончила, меня осенило, что это хорошая идея: можно задешево что-то сделать в большом формате, фреску, или воздушную скульптуру, или что-то

архитектурное, а потом запаковать, спрятать в чемодан и куда-нибудь увезти.

Эдвард Двурник^[7]:

— С самого начала у нее были прекрасные картины, интересные замыслы, но в какой-то момент она начала делать коллажи, склеивая одно с другим. И тогда стало понятно, что с живописью покончено.

Эва Курылюк:

— Когда я прекратила рисовать, мне приснилось, что я где-то на юге, иду вдоль белой стены и всё, на что ни взгляну, отражается на этой стене, словно проекция моего взгляда. Я проснулась, и тогда мне показалось, что я нашла способ творить без помощи рук, которые не видят так хорошо, как глаза.

Отрывок из романа Эвы Кирилюк «Эротоэнциклопедия»:

...Глаз. Мне приснился огромный глаз на простыне, натянутой между двумя башнями-близнецами. С моря дул ветер, полотно надувалось, морщилось, глаз открывался и закрывался, моргал, подмигивал. Потом погрузился. Слеза скатилась по щеке, на которой невидимая кисть рисовала ржавый пейзаж. Он выглядел, как это часто бывает во сне, и знакомым, и одновременно чужим. Пока я его узнала, он успел выцвести и испариться. Слеза превратилась в сосульку. Невидимая игла зашила мне рот алой ниткой, вышила на лбу донос. Я хотела сорвать тряпку, но не могла. На мне была смиренная рубашка. Я лежала, привязанная к кровати, и читала. Судьба не спускала с меня глаз. Судьба меня любит, потому что я люблю судьбу. Смотрю на каплю на дне и вижу полную бутылку. Я идиотка? А как же, эрудированная идиотка. Завитушки на висках я принимаю за свершившиеся факты. С этим можно жить? Можно, пока не устанет судьба.

Эва Курылюк:

— 9 декабря 1967 года умер мой отец. Мы остались с мамой одни. Пётрусь было 17 лет, он учился на первом курсе физфака. Отец умер в гостинице в Будапеште. Пётрусь полетел за телом. Вернулся. Поначалу плакал, потом решил, что отец не умер и вот-вот вернется. Вместе с нашей собакой Зазой они стали дежурить у дверей, дожидаясь его. Мама какое-то время держалась, а потом, когда наступил этот март 68 го, ее охватила жуткая паника. Это время было самым тяжелым в моей жизни. Мама закрывалась в комнате, иногда пряталась под столом,

выкрикивала: «Гестапо, СС!» Пётрусь тогда постоянно твердил одну и ту же фразу: «Остались мы с мамой в этой варварской стране одни. Что с нами будет?»

Эва Курылюк:

— В Польше я была совершенно чужой. Я уехала, когда мне было 12 лет, а вернулась восемнадцатилетней. Я уже чуточку повидала мир, причем немного другой, поэтому отношение к Польше у меня было довольно негативное, и я не видела здесь для себя никаких перспектив. В мае 81-го я была на биеннале в Колумбии, где на огромной рыночной площади выставлялось пять тысяч художников. Из всей этой массы меня выделила чистая случайность. Стреляли в Папу, и в то же самое время в Меделине я выставляла куски материи, окровавленные платки, разрисованные розовым карандашом. Благодаря этому на меня обратили внимание: мол, какая-то полька из той страны с бело-красным флагом, где бунтует «Солидарность»... И там, в Меделине, я познакомилась с Джоном и Еленой Шлейнами. Он был профессором психологии в Гарварде, а она довольно авангардной галерейщицей из Бостона. На последнем приеме ко мне подошла невысокая женщина и спросила: «By any chance, do you know this famous polish artist Ewa Karylak?» Со свойственной американцам непосредственностью они сразу сказали: мы берем эту выставку, и ты едешь с нами в Америку. Выставка должна была открыться осенью, но из-за внезапно лопнувшей трубы залило галерею, и в связи с ремонтом открытие выставки совпало с введением военного положения...

Кристиана Робб-Нарбутт^[8]:

— Я помню, как ты позвонила мне во время военного положения, когда я уехала в Данию. Ты сказала, что уже не вернешься и что Нью-Йорк — это твой город.

Эва Курылюк:

— Я там вообще впервые смогла сказать правду о самой себе...

Кристиана Робб-Нарбутт:

— А я думаю, это оттого, что ты уехала из дома. Должна тебе признаться, сначала, когда ты уехала и сказала мне, что не вернешься, я страшно переживала и все время думала: «Как же так? Оставишь Петра и маму?»

Эва Курылюк:

— Я не знаю, помнишь ли ты, что случилось через два дня после моего вернисажа в галерее «Запечек»? Пётрусь чувствовал себя хорошо, он был на вернисаже, такой хороший парень. Все поздравляют нас с тем, что он уже выздоравливает, но на следующий день в полдесятого вечера он вдруг говорит: «Эва, пойдем со мной в больницу». Мы отправились в приемный покой на Хожей, и там, представь себе, был врач, которого я знала, он проговорил с Петром два часа, пытаюсь его убедить вернуться домой, но потом вышел и сказал: «Пани Эва, все таки будет лучше, если Пётрусь ляжет в больницу». На следующий день я навестила его, и он едва меня узнал, носясь по коридору и повторяя: «Эва, скажи им, чтобы меня привязали к кровати, иначе случится что-то страшное». Я пошла к врачу и передала ему слова брата. А врач мне ответил: «Петр впадает в истерику, и вы, соответственно, в истерике». Я ушла домой. Петр завернулся в одеяло и поджег его. От этого он оправился сравнительно быстро, но при первом же новом приступе выскочил в окно. Оставил на стене надпись зубной пастой, умоляя об эвтаназии. Угрожал выколоть себе глаза. Тот кактус, который мама купила на девятилетие Пётруся — ты представляешь, купить ребенку на день рождения кактус под названием «терновый венец»?.. Само собой, сразу после этого мама легла в психиатрическую клинику, но купила этот кактус, знаешь, такой маленький кактус, представь, такой страшный, у которого такие... такие красные цветы, похожие на капли крови. И, понимаешь, этот кактус повсюду нас сопровождал. Приехал сюда вместе с нами из Вены, превратился в великана, то есть доставал до потолка и одновременно расползся на полкомнаты. Я сказала: «Мама, думаю, мы должны его обрезать, какую-то часть, я потом задам ему направление, чтобы он рос только вверх». Но мама лишь ответила: «Как же можно это сделать? Потому что, знаешь, Петр будет жить, пока растет этот кактус ».

Андрей Титков:

— Но ты сказала что-то вроде того, что... тоже боялась там оказаться? Что тебя уберегло?

Эва Курылюк:

— Я даже не знаю. Наверняка или гены, или искусство, или что-то еще. Я убеждена, что Петр унаследовал мамину психическую конструкцию, а я — отцовскую. Как-то так, потому что мой отец был, ты знаешь, очень стойким человеком, я сужу по тем вещам, которые нам сегодня о нем известны. Мы даже не знали, что он прятал троих евреев под своей кроватью в той комнате, которая одновременно служила

редакцией довоенным «Сигналам» — «левацкому» журналу, на который даже покушались, правда, в довоенной Польше он не был запрещен, и вот там и скрывались эти люди, а также молодая супружеская пара, то есть моя мама и ее муж.

Когда моя мама в 1972 г. заболела, мне так прямо и сказали: «Оставьте, прогноз неблагоприятный, ничего не выйдет». Однако через три недели я маму забрала, и она прожила до 2001 г. на свободе. Мой брат после стольких лет, проведенных в клинике, сидит на одной десятой нужных ему лекарств — когда он вышел из больницы, врач сказал мне: «Пани Эва, ему нельзя принимать столько лекарств, они посадят ему всё, это будет смерть на раз-два». И мы стали снижать количество препаратов. Теперь он дома на той самой одной десятой, после двадцати пяти лет лечения. Люди таковы, какие они есть. Они совершенно несамостоятельны, но мы помним, какую цену заплатил мир за существование таких «самостоятельных» людей вроде Муссолини, Гитлера, Сталина. Жить вместе с психически больными людьми очень тяжело. Никто не выдержит с ними круглые сутки один на один. Поэтому проще всего сдать их в интернат, пусть о них заботится государство, пусть все тяготы лягут на врачей. Но уже сама идея изоляции больных — это зло.

Когда всё это нам будет уже ни к чему, все эти корпуса и эти лекарства, должен остаться только один корпус, в котором будет прекрасная галерея искусства XX и XXI века, где будут собраны вместе работы художников со всех стран мира и невозможно будет с точностью определить, кто есть кто...

На самом деле я помогаю психиатрической больнице в Творках не для того, чтобы она была, а для того, чтобы ее не было. Но в то же время у людей, которые там находятся, нет никаких шансов на жизнь вне больницы, они не вписаны ни в одну из структур или систем, семьи назад их не примут. На самом деле мы должны понять, что психические заболевания — это часть человеческой жизни; это не какое-то исключение из правил, не кара Божья — это часть нас самих. И поэтому огромное количество уникальных явлений лежит в плоскости отклонения от нормы. Отклоняются от нормы и Леонардо, и Ван Гог, и целая масса психически больных людей, и в то же время эта болезнь, будучи такой вот катастрофой и чудовищным страданием, зачастую очищает представления о том, что такое жизнь, что такое искусство, то есть не всегда выступает в качестве чего-то абсолютно негативного.

Я осознавала, что отец — это добрый дух нашего дома и что он устанавливает здесь некую гармонию, порядок, покой. Вся моя

жизнь была сплошным ожиданием воскресной прогулки с отцом. Мама же в воскресенье всегда пребывала в полном отчаянии и в слезах. После обеда она слушала шопеновский концерт, а потом ее охватывала паника, и она начинала собирать чемодан, чтобы уехать. Тогда отец отправлял меня к ней, и я умоляла ее остаться, хотя и считала, что она должна уехать, потому что тогда здесь воцарилось бы спокойствие и было бы так замечательно остаться с папой. А она, громко крича и вопя, в итоге как-то решала все же не уезжать. И это было что-то вроде постоянного ритуала...

Ехать в Освенцим мы решили так, чтобы максимально приблизиться к пониманию всей ситуации, обычным поездом, идущим по той самой трассе. Когда подъезжаешь к Освенциму, там есть этот лес, куда, как мы уже знали, люди выбрасывали из поезда маленьких детей. Проезжая через тот лес, я подумала: они наверняка почувствовали тогда, что это последний шанс. Эти знаменитые ворота «Arbeit macht frei», которые видишь на всех фотографиях, в реальности совсем небольшие. И бараки небольшие, ты понимаешь, всё какое-то небольшое. Мне казалось, что там всё дышит каким-то ужасом, а оказалось, что на деле всё дышит хорошо знакомой банальностью. Банальность зла там явлена в полной мере, как нечто абсолютно простое и обыденное. И оттуда я поехала в Бельско-Бялу, на родину моей мамы, о которой мама рассказывала все мое детство как об утраченной стране, но никогда не говорила, что это и есть Бельско.

Потом, когда я подросла, мне казалось, что мама, вероятно, происходила из Германии, из какого-нибудь симпатичного городка в Судетах, да она и сама часто говорила, что есть такая klein Wien — «маленькая Вена». А я написала, ты знаешь, о венском модерне, об этих домах в Вене, а тут... Мама постоянно говорила мне, и это меня ужасно раздражало: «Ах, мне знаком гораздо более изящный модерн». Но что может быть прекраснее венского модерна? В еврейской общине, назвав мамину фамилию, я спросила, известно ли что-то о ее семье. Они сказали, что одна такая семья была в Бельском и жила как раз на главной улице — Мицкевича, в доме номер 3. И так случилось, что когда я приехала в Бельско, то обратила внимание на каменное здание, на фасаде которого было два деревца, выполненных из мрамора, на самом верху, под крышей, их листва соединялась, образуя единый купол. Однако этот дом на Мицкевича, 3, не был маминим домом. Этой дорогой она ходила в школу и разве что мечтала в таком доме когда-нибудь поселиться.

Я на самом деле ужасно влюбчива, и в то же время я большой специалист по немедленному преобразованию этих чувств в нечто художественное. Эротика — вообще движущая сила любого творчества. Мне всегда хотелось быть художником, я всегда жаждала большой любви, но мне не хотелось, чтобы это всё протекало в рамках общепринятых норм и традиций. Я была и остаюсь убежденным противником брака. Возможно, потому, что наша семья не была так уж счастлива, возможно, оттого, что у меня слабое здоровье и полностью отсутствуют материнские инстинкты. Кроме того, я в известной степени отшельница и аскетка и боюсь обзаводиться даже крохотным растеньицем, так как спокойно могу забыть о том, что его нужно поливать.

Мои чувства ориентированы на фигуративность, мой талант ориентирован на фигуративность, вот почему мне нравятся представители фигуративного искусства всех времен. Но, возможно, больше всех мне близки аутсайдеры, работающие в одной тематике. Мне нравится Вермеер, нравится такой художник, как Ван Гог. Искусство для меня важно тем, что оно очень близко к бытию и является неким спасением, а может, даже разновидностью катарсиса, когда уже ничто другое не помогает в минуты душевных мук. Искусство заключается в том, что это вроде и реальность, а на самом деле это только фрагмент реальности, упорядоченный и ограниченный, в определенном контексте. Мир во всей своей сложности не поддается пониманию, искусство помогает его освоить, приручить. Помогает нам обжиться в мире и в нас самих. В этом смысл бытия.

Стихотворение Эвы Курылюк «На платке Вероники»:

На платке Вероники
прикрывающем взгляд
снится в лучах заходящего солнца
пурпур стертый с лица
острым орудием
вечер ваяет память
госпожа анима тенью
подшивает белизну

Агентство кинематографии Польского телевидения.
Кинематографическая студия «ТАК», 2004.

1. Мария Курылюк (1917–2001), писательница.
2. Кароль Курылюк (1910–1967), журналист, главный редактор левого журнала «Сигналы» (1933–1939) и журнала «Возрождение» (1944–1948). В 1959–1964 посол ПНР в Австрии.
3. Владислав Шпильман (1911–2000), композитор и пианист, воспоминания которого легли в основу фильма Романа Полянского «Пианист».
4. Мария Домбровская (1889–1965), писательница.
5. Анна Ковальская (1903–1969), писательница.
6. Анджей Беньковский (р.1946), художник и этнограф.
7. Эдвард Двурник (р.1943), художник
8. Кристиана Робб-Нарбутт (1945–2006), художница и поэтесса.